

RUDOLF STEINER

Der innere Aspekt
des sozialen Rätsels

Luziferische Vergangenheit
und ahrimanische Zukunft

Zehn Vorträge,
gehalten in Zürich, Bern, Heidenheim und Berlin
zwischen dem 4. Februar und 4. November 1919

GA 193

1989
RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH / SCHWEIZ

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР

Внутренние аспекты социальной загадки

Люциферическое прошлое
и ариманическое будущее

*Десять лекций,
прочитанных в Цюрихе, Берне, Хайденхайме и Берлине
между 4 февраля и 4 ноября 1919 года,*

GA 193

Б Д Н
Библиотека
духовной
науки

bdn-steiner.ru

Перевод: Гончаров Виктор
Вена, 2023 год

1989
ИЗДАТЕЛЬСТВО РУДОЛЬФА ШТАЙНЕРА
ДОРНАХ, ШВЕЙЦАРИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ, Цюрих, 4 февраля 1919 года

Человек как центр мироздания. Духовная жизнь как идеологическая тень и обращение к духу. Отношение души человека к духовным существам и другим людям когда-то и сейчас. Становление зрелым посредством обучения до старости. Спиритуальное возрастное знание о ребёнке как требование сегодняшней социальной жизни.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ, Берн, 8 февраля 1919 года

Социальный вопрос как проблема всего человечества. Противоположность пролетарско-материалистического и духовно-научного мировоззрения. Структура земной духовной жизни. Внешнее правовое государство. Экономическая жизнь. Тотемизм. Социальные формирующие силы церкви в средние века. Паралич духовной жизни как грех времени.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ, Цюрих, 11 февраля 1919 года

Земная духовная жизнь и бытие до рождения. Государственно-правовая жизнь как выражение чисто земных импульсов. Указание экономических импульсов на жизнь после смерти. Еврейский национализм и христианство как то, что его преодолевает. Яхве и Христос в современной теологии. Путь мысли и путь воли ко Христу. Сверхчувственная ответственность по отношению ко всем вещам.

ЧЕТВЁРТАЯ ЛЕКЦИЯ, Цюрих, 9 марта 1919 года

Курт Айзнер и его речь перед студентами Базеля. Разнообразие действительности вещей. Трёхчленность чувственной и сверхчувственной жизни посредством действий сил симпатии и антипатии. Применение современной мысли к социальным событиям. Большевизм Ленина и Троцкого, «Закрытое торговое государство» Фихте. Частная собственность и духовная собственность. Злоупотребление духовными способностями как причина болезней социальной жизни.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ, Хайденхайм, 12 июня 1919 года

Нынешнее меланхоличное выражение детских лиц. О причинах Первой мировой войны. Интеллектуальная неспособность и нежелание принимать духовный мир. Бегство в искусство. Имагинативные моральные импульсы в «Философии свободы». Характеристика Центральной Европы, Англии и Востока. Необходимость духа в хозяйственных целевых установках по отношению к Англии. Катастрофа мировой войны как доказательство того, что без духа ничего не выйдет.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ, Берлин, 12 сентября 1919 года

Выход на передний план фразы. Угасание и возрождение интереса следующих трёх иерархий к людям. Пророческое воспитание. Бессознательное пересечение Порога человечеством. Трёхчленность. Обращение к воле для преодоления механизации духа, вегетаризации души и анимализации тела.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ, Берлин, 13 сентября 1919 года

Земная жизнь как продолжение жизни до рождения. Отношение человека к своему ангелу во сне. Более глубокие причины мировой войны. Взгляды Востока и Запада на идеологию и майя. Декаданс мозга у римлян и у современной буржуазии. Развитие языков и миссия англо-американских народов. Освобождение сегодняшней хозяйственной жизни от греческой духовной жизни и римской правовой жизни. Духовная борьба между Востоком и Западом.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ, Берлин, 14 сентября 1919 года

Полное погружение человека в тело. Необходимость развития естественно-научных идей. Новые воспитательные идеалы. Различия в понимании события Христа. Вудро Вильсон и Лига Наций. Новое понимание Христа. Значение человека для жизни Земли и духовного мира. Западные и восточные искушения. Рабиндранат Тагор. Сектантская духовность среди видных деятелей во время мировой войны. Людендорф, Михаэлис. Воля к истине.

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ, Цюрих, 27 октября 1919 года

Языческая первобытная мудрость и мировоззрение еврейского народа. Инкарнация Люцифера в начале 3-го тысячелетия. Изначальная мудрость в третьей послеатлантической культуре, в Греции и в Гнозисе. Становление материалистической теологии. Инкарнация Аримана. Обманы, которые использует Ариман, готовясь к своему приходу. Кардинал Ньюман. Движение Люкс-Мунди. Смысл различий четырёх Евангелий.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ, Берн, 4 ноября 1919 года

Языческая и еврейская культура. Воплощение Люцифера в начале 3-го тысячелетия. Более подробное описание воплощения Люцифера. Люциферическая мудрость как основа греческой культуры и гнозиса. Воплощение Аримана на Западе. Способы Аримана подготовиться к своему воплощению. Кардинал Ньюман. Роберт Вилбрандт. Интеллект и духовное переживание. Духовное как то, что поддерживает человека во время распада физического тела.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Цюрих, 4 февраля 1919 года

В эти дни, когда мне надлежит прочитать в этом городе публичные лекции по социальным вопросам, возможно, будет не так уж неуместно, если мы, как раз, на этом секционном вечере, займёмся, как бы, внутренней стороной социальной загадки, поскольку она особенно важна в настоящее время.

Ведь, мы знаем, что в том человеке, который предстаёт нам во внешнем мире, который предстаёт нашему восприятию и ощущениям как связанным с телом, мы должны опознать лежащего глубже внутреннего собственного человека. Этого внутреннего человека мы воспринимаем, прежде всего, тогда, когда обращаем внимание на то, что он, по сути, стоит в связи со всем тем, о чём мы можем сказать, что оно переплетено с нашим познанием, со всей нашей жизнью. Подумайте только о том, насколько отличается от обычного рассмотрения мира, как раз, относительно человека, наше антропософское рассмотрение мира. Если вы взглянете на попытку, которую я предпринял для того, чтобы составить краткое описание антропософского мировоззрения, на всё, что вы прочли в моих «Очерках тайноведения», то вы увидите, что там в связи с человеком рассматривается не только наше земное развитие, а там наше земное развитие рассматривается как вышедшее из более ранних воплощений этой нашей земной планеты; вышедшее из развития древней Луны, из развития древнего Солнца, из развития древнего Сатурна. Но взгляните на всё, что было собрано, чтобы проследить это развитие через планетные системы до нашего земного развития, и вы скажете: Во всём, что вы рассматриваете, человек не отсутствует. Человек присутствует во всём. Весь космос рассматривается таким образом, что все его силы, всё, что в нём происходит, ориентировано на человека. Человек, по отношению к этому рассмотрению мира, является центром. - В одной из моих мистериальных драм, в беседе между Капезиусом и посвященным, эту основу всего антропософского рассмотрения мира я представил, так сказать, в его связи с человеческой душой (Gemüt), представил, какое впечатление это должно производить на человека, когда он осознаёт: все поколения богов, все мировые силы заняты и призваны для того, чтобы, в конце концов, осуществить его, поставить его в центр своего творения.

Я отметил, насколько это необходимо, как раз, по отношению к этой совершенно истинной идее, проявлять человеческую скромность, насколько необходимо снова и снова говорить себе: Да, когда мы, познавая, переживаем всё наше существо, как мы его несём в себе, с собой и вокруг нас, как мы с ним стоим в мире, когда нам удаётся в действии проявить всё наше существо, - тогда это действительно для всего прочего мира. - Но сколько из того, что мы знаем, переживаем и проявляем в действии, является нами в высшем смысле этого слова? Поэтому, - когда мы можем составить себе представление о том, что мы из себя представляем как человеческие существа, - мы колеблемся между высокомерием и скромностью. Мы, конечно, не должны опускаться до высокомерия, но и не должны опускаться до скромности. Мы задохнулись бы в скромности, если бы не были в состоянии поставить перед собой как перед человеком, - перед тем, чем мы являемся в мире, согласно всестороннему его рассмотрению, - как можно более высокую задачу. По сути, мы никогда не можем достаточно высоко думать о том, кем мы должны быть. Мы никогда не можем в достаточной мере оценить глубину космического чувства ответственности, которое должно прийти к человеку, когда он обращает внимание на ориентацию всей вселенной на своё существо.

Правда, это, исходя из антропософски ориентированной духовной науки, должно стать не столько теоретической идеей, не столько простой наукой, сколько чувством, - чувством святого благоговения перед тем, какими мы должны стать как люди, и в некоторых случаях быть можем. Но это чувство часто должно присутствовать и тогда, когда перед нами стоит отдельный человек: Тут ты стоишь, и многое проявляется в тебе, в этой теперешней инкарнации. Но ты всё же идёшь от жизни к жизни, от инкарнации к инкарнации; в последовательности твоей жизни выражается бесконечное. - И мы могли бы постепенно

распространить эти чувства на многие другие направления, могли бы их углубить. Только исходя из этого чувства, на основе духовной науки приходят к правильной оценке человека, к чувству человеческого достоинства в мире. Это чувство может пронизать всю нашу душу, может, если оно распространяется на все наше внутреннее существо, привести нас в нужное настроение, когда нам нужно в отдельных случаях выстраивать своё индивидуальное отношение к другому человеку. То, что я только что объяснил, мы можем рассматривать как первое существенное достижение современной антропософски ориентированной духовной науки: правильная оценка человеческого в мире. Это одно.

Другое, однако, будет исходить для нас из действительно душевного, а не просто теоретического углубления в антропософски ориентированную духовную науку. Это следующее: Охватим все события мира, то, что живет как элементы в земле, воде, воздухе, охватим всё, что излучается нам от звезд, что приходит к нам с ветром, что говорит с нами из отдельных царств природного бытия. Когда мы рассматриваем всё это с точки зрения антропософски ориентированной духовной науки, мы думаем, что это как-то связано с человеком. Всё становится для нас ценным, благодаря тому, что мы можем связать это определенным образом с человеком. Связь человека ко всем вещам, исходя из сверхчувственного познания, устанавливается чувственным образом. Поэт Христиан Моргенштерн в прекрасных стихах выразил чувство, о котором я часто говорил с нашими друзьями при рассмотрении определенной главы Евангелия от Иоанна, чувство, которое охватывает нас, когда мы позволяем действовать на нас градации природных царств. Тогда мы можем сказать себе, что растению нравится смотреть на безжизненное царство минералов. Конечно, в иерархии природных существ оно должно чувствовать себя выше, чем простые безжизненные минералы. Но, глядя на простой безжизненный минерал, подготовляющий для него почву, растение может сказать себе: Хотя я и стою в иерархии существ выше, чем ты, но я вырастаю только из тебя, тебе я обязано своим бытием. С благодарностью склоняюсь я перед тем, что ниже, чем я. - И то же самое мы должны были бы ощущать в отношении животного, в отношении животного к растению, и, в свою очередь, в отношении человеческого царства, когда человек поднимаясь в своём развитии, поднимется на более высокую ступень. Он должен с почтением, с вниманием смотреть вниз на то, что в определённом отношении ниже, чем он; не просто быть способным разъяснять это понятийно, а быть способным переживать в своей душе действительно как космическое ощущение то, что живёт, и пульсирует, и дышит во всех вещах. Так, исходя из своего истинного существа, нас ведёт антропософски ориентированная духовная наука. То есть, она даёт нам возможность обрести живое отношение человека ко всем прочим вещам.

И третье. То, что духовная наука говорит о духе, она говорит не из пантеистического рассмотрения духа, - который лежит в основе всех вещей. Нет, она говорит не только о настоящем духе, а эта духовная наука хочет говорить, исходя из действительности, исходя из самого этого духа. Она хочет говорить так, что тот, кто живёт в самой духовной науке, знает: формируя себе мысли о духе, в этих мыслях живёт и действует сам дух. Тот, кто, если можно так сказать, ощутил дыхание духовной науки, хочет не просто высказывать мысли о духе, он хочет позволить через эти мысли высказываться самому этому духу. Посредством духовной науки ищут непосредственное присутствие духа, действующую силу духа.

А теперь сравните то, что, как бы, вложено, помещено внутрь человеческой души из живого занятия духовной наукой, с тем, о чём я вчера говорил, что оно проходит сквозь время в виде социального требования, и определённым образом живёт в пролетарском сознании, чтобы стать этим требованием времени, стать этим социальным требованием времени. Подумайте о том, что то, что живёт сегодня в пролетарском сознании, что в определённой степени является основой познания для этого пролетарского сознания, - это идеология, это просто парение в абстрактных мыслях. Это даже представляется самым существенным всего душевно-духовного переживания, что это душевно-духовное переживание является только идеологией; что есть хозяйственные, экономические процессы, которые являются, как бы, единственно реальными, внутри которых как в своей борьбе за жизнь стоит человек и из

которых подобно курению или туману воспаряет то, что, как ему кажется, проявляется в его искусственных творениях, которые он рассматривает как добропорядочность, нравственность, право и так далее: всё это лишь идеологическая тень! Сравните эту рассматриваемую как идеологическую тень духовную жизнь с духовной жизнью, которая хочет войти в наши души из антропософски ориентированной духовной науки. Антропософски ориентированная духовная наука хочет, посредством человеческой души, поместить в мир в качестве живой действительности сам дух. Этот дух вытеснен из воззрения времени, основанного бюргерством (буржуазией) и к своему несчастью перенятого пролетариатом! И то, что должно жить в человеке как сознание жизненности: дух во мне, - это живёт просто как идеология.

И второе. Подумайте, сколько в этой земной жизни, имеющей дело с чувствами, с обычными телесными ощущениями, человеческого, - того человеческого, ради которого, чтобы рассматривать его полностью, мы привлекаем не только развитие Земли, но и развитие Луны, Солнца и Сатурна? Как ускользает от этого современного сознания то по-настоящему человеческое, которое только из антропософски ориентированной духовной науки даёт нам правильное чувство, правильное ощущение истинного человеческого достоинства, так чтобы мы, как человеческий индивидуум, могли установить правильное отношение к другому человеческому индивидууму. Мыслимо ли, что в сегодняшнем хаосе совместной жизни людей может быть найдено правильное отношение человека к человеку, которое всё же должно лежать в основе действительного решения социальной загадки? Возможно ли вообще, что такие правовые отношения между людьми могут возникнуть на какой-то другой основе, кроме той космической оценки человека, которая может проистекать только из духовного знания и духовного ощущения?

И третье. В отношениях к внешнему миру человек должен искать не абстрактные мысли, как это сегодня хочет хозяйственная и социальная политика, а непосредственно личные привязки к отдельным мировым фактам, к отдельным вещам мира. Что касается вещей мира, внешних по отношению к человеку, то человек должен установить отношения к этому миру. Здесь, в свою очередь, как я показал, это третье заключается в том, что в наше время будет пережито нами из антропософски ориентированной духовной науки, это чувство по отношению ко всем внечеловеческим существам, ощущение, которое возникает у нас по отношению всему тому, что стоит в природно-божественной иерархии ниже нас и выше нас.

А теперь рассмотрим двоякое. Рассмотрим, с одной стороны, то, что живёт сегодня в пролетарском сознании, как оно в области духовного переживания отдалено от ощущения действующего в человеке живого духа, как оно всю духовную жизнь превратило в идеологию. Подумайте, насколько далеко от действительно глубокой, охваченной духом оценки человека то, что думает как человек о себе подобном сегодняшней пролетарий, а особенно то, что он ощущает и воплощает в своём воззрении. Подумайте, наконец, о том, как далека чисто хозяйственная оценка вещей, которая сегодня является почти единственной для человека, от той оценки внечеловеческих вещей, которые мы учимся чувствовать посредством того, что я, исходя из антропософски ориентированной духовной науки, выразил об отношении человека к внечеловеческим вещам.

Рассмотрим двоякое. Рассмотрим, с одной стороны, то, куда пришло человечество, благодаря тому, что в человеческих душах в последние столетия так интенсивно распространилась бездуховность. Рассмотрим, с другой стороны, те надежды, которые могут быть пробуждены, благодаря введению в человечество настоящей духовной науки. Сопоставьте две этих вещи и скажите тогда сами, не поймёт ли человеческая душа то, что может дать духовная наука, только посредством того, что социальная загадка будет представлена в правильном свете. - Если вы в правильном смысле ощутите то, что я вам здесь представил в виде двух этих перспектив, в виде безнадежной и обнадеживающей, то деятельность для антропософски ориентированной духовной науки станет для вас тем, что должно быть сегодня человечеству необходимо: жизненной необходимостью, - такой жизненной необходимостью, которая должна пронизывать всю остальную деятельность.

Вы скажете себе: Ничто во всём контексте современного человеческого развития не кажется мне более понятным, чем то, что возникла эта социальная проблема; но ничто не кажется мне также более понятным, чем и то, что люди стоят перед этой социальной проблемой в такой трагической беспомощности. - Поскольку в то время, когда эта социальная проблема так явственно и громко стучится в ворота мировоззрения, в ворота жизни, человечество проходит одновременно и одно из тяжелейших своих испытаний, - испытаний, которое состоит в том, что оно, исходя из своей самой внутренней силы, должно обратиться к духу. Мы не можем сегодня иметь никаких откровений, если мы не ищем их в свободе, поскольку, начиная с середины 15-го столетия, мы живём в эпоху души сознательной, в которой всё должно быть вынесено на свет сознания. Не будем сегодня сокрушаться, говоря: на человечество обрушилась страшная катастрофа. Почему боги погрузили человечество в эту страшную катастрофу? Почему боги не выводят людей из неё, поскольку, ведь, жаль, что человечество поставило себя в такое положение? - При всём при этом не забудем, что мы живём в эпоху, когда должна раскрыться внутренняя свобода человека, когда богам не позволено проявлять себя в соответствии с их собственными мировыми намерениями иначе, нежели как тогда, когда человек сам свободно не решит принять их в своё сокровенное душевное существо.

Сегодня, в отношении наиважнейших вещей человеческого развития, мы стоим в поворотном пункте, в том числе и в отношении христианства. Как раз, многие деятели, занимающиеся социальным вопросом, указывали на то, что мы охотно примем христианство, но только ту часть христианства, которая напоминает нам о наших собственных социальных идеалах. Но таким образом с этим важнейшим земным импульсом, - импульсом, который только и придаёт верный смысл всему прочему земному, - обходиться нельзя! Нам должно быть ясно: То, что до сих пор проявлялось в человечестве в отношении христианства, является, собственно, только началом. Посредством всего того, что люди ощутили по отношению к христианству, особенно по отношению к Мистерии Голгофы, было понято, собственно, не намного больше того, что Христос когда-то жил в человеке Иисусе и прошёл через Мистирию Голгофы. В какой-то степени эти первые почти два тысячелетия жизни христианства на Земле, - в силу ещё не продвинувшегося к дальнейшей зрелости человеческого понимания, - не могли указать человеку на нечто большее, нежели на то, что Христос соединил себя с Землей, что Христос спустился на Землю. Только сейчас в пятом послееатлантическом периоде, в эпоху развития души сознательной, человек становится зрелым для понимания не только того, что Христос прошёл через мистирию Голгофы, но и того, что, собственно, живёт в этой мистерии Голгофы. Содержание мистерии Голгофы человечество сможет понять только, исходя из тех духовных оснований, которые могут образоваться в этом пятом послееатлантическом периоде.

Я уже часто упоминал, также и здесь, в рамках этой секции Общества, что я рассматриваю в качестве чрезвычайной тривиальности, когда кто-то говорит: Мы живём в переходное время. - Все времена переходные! Важно не то, что мы живём в то или иное переходное время, а то, в отношении чего время находится в состоянии изменения, в переходе. Важно видеть, что меняется. Я уже с самых разных точек зрения указал на то, что, как раз, в наше время меняется в самом широком смысле в отношении человеческого сознания, в отношении развития человеческой души. Сегодня я хотел бы, в свою очередь, с определенной точки зрения указать на то, что в наше время меняется в отношении человеческого земного развития.

Я только что сказал: посредством антропософски направленной духовной науки мы не только пытаемся приобрести мысли о духовном, а мы ищем действительность духовного, ищем мысли, в которых живёт сам дух, в которых этот дух раскрывает себя. Можно сказать и так: Христос Иисус говорил: «Я с вами все дни, до скончания земных времен». - Человек является в правильном смысле приверженцем антропософски ориентированной духовной науки, если он не верит, что всё, что составляет содержание христианства, исчерпывается Евангелиями, а знает, что Христос действительно здесь, каждый день, до скончания земных

времен, но не просто как какая-то мёртвая сила, в которую нужно верить, а как живая сила, которая раскрывается дальше и дальше. И что же она открывает в настоящем? Содержание современной антропософски ориентированной духовной науки. Она хочет не только говорить о Христе, но она хочет высказывать то, что Христос хочет сказать людям через человеческие мысли в настоящем.

Тут можно сказать: И в древние времена, когда люди жили ещё инстинктивно, и когда в человеческих душах жило ещё нечто от атавистического ясновидения, духовное высказывалось в человеческих душах, жило в человеческих представлениях, в человеческой воле; боги жили в человеке. - Сегодня боги также живут в человеке, пусть и некоторым другим образом, нежели в древние времена. Можно сказать так: В древние времена боги имели определённые задачи относительно земного развития; у них была некая цель, божественная цель, относительно земного развития. Эту цель они достигали посредством того, что они инспирировали человека своими силами, что они наделяли людей имажинациями. Но, как ни странно это не прозвучит, эти собственные, первоначально собственные цели божественных миров относительно земного развития исполнились. То, что боги хотели от Земли для себя, исполнилось, по сути, в четвёртый послеатлантический период. Поэтому сегодня духовные существа высших иерархий, которых мы также можем назвать в нашем смысле богами, стоят в ином отношении к человеческой душе, чем в прошлом. Тогда боги искали людей, для осуществления своих целей на Земле при помощи этих людей. Сегодня человек должен искать богов, сегодня человек должен, исходя из своего самого внутреннего импульса, поднять себя к богам. И он должен, как бы, через богов, с помощью божественных сил достигать осуществления своих целей, своих сознательных целей. Так обстоит дело для людей, начиная с периода развития души сознательной. В прежние времена человеческие цели были неосознанными, инстинктивными, поскольку сознательно в них жили божественные цели. Сами человеческие цели должны становиться всё более и более сознательными, тогда в этих человеческих целях будут лежать силы для того, чтобы возвыситься до богов; тогда достижения этих человеческих целей можно будет добиваться силами богов.

Подумайте только над этими словами! В них содержится многое. В этих словах заключается необходимость начинания человеком первоначального, элементарного стремления из самого себя. Мы можем искать это элементарное стремление в разных областях души. Прежде всего, мы должны искать его в более глубокой социальной области, рассматривая отношения между людьми более духовно-научным образом. Из-за того, что раньше цели относительно человеческого развития имели, и осуществляли их посредством людей, боги, люди стояли в земном развитии намного ближе друг к другу, как это тогда и должно было быть. Сегодня люди в определённом отношении разобщены, и должны снова искать сближения совсем в другом отношении. Но этим поискам люди должны вначале учиться. Рассматривая чисто внешне, это можно видеть повсюду. Человек знает сегодня мало о человеке. Духовная наука со своей космической оценкой человеческого достоинства и человеческого существа стоит сегодня ещё в самом начале. В действительной жизни человек знает сегодня о человеке мало. Человек не проникает в глубины существа души своего ближнего. Как правило. Это то, что необходимо будет найти в глубинах социального существа: в человеческое развитие должно войти знание о человеке в новой форме.

Но, поскольку, в результате бездуховного природного мышления, мы видим, собственно, лишь плотского человека, мы должны научиться распознавать в другом человеке действие богов, чтобы прийти к действительно наполненному духом социальному организму. Мы достигнем это только в том случае, если будем для этого что-то делать. Одной вещью из того, что мы можем для этого делать, является поиск определенного углубления нашей собственной душевной жизни. Есть много способов сделать это. Я хочу обрисовать только один медитативный путь. По разным причинам и с разными целями мы можем делать определенные обзоры своей собственной жизни. Мы можем спросить себя: Как развивалась эта наша индивидуальная жизнь с детства до сегодняшнего дня? - Но мы можем также

сделать так: Мы можем представить себе не столько то, как нас радовало то или иное, как мы проживали то или иное, а мы можем взглянуть, вместо самих себя, на тех людей, которые участвовали в нашей жизни в качестве родителей, сестёр и братьев, друзей, учителей и прочих. Тогда на некоторое время всё это обернётся так, будто мы можем сказать, насколько, собственно, в нас мало нас самих, и насколько много других, насколько много всего в нас. Я вошло от других. Наше отношение к миру станет совсем другим, если мы честно и добросовестно проведём такой внутренний само просмотр. Результатом такого просмотра будут чувства, ощущения. И эти чувства, эти ощущения являются в нас некими плодородными семенами. Они являются ростками истинного знания человека. Тот, кто снова и снова вглядывается в своё собственное существо таким образом, что он опознаёт ту часть, которую составляют в его существе другие люди, возможно, давно умершие или находящиеся вдали от него, тот будет также входить в отношения с другими людьми так, что, в тот момент, когда он устанавливает индивидуальное отношение человека к человеку, в нём будет подниматься имажинация об истинной природе этого другого человека. Это нечто такое, что в новое время и в будущем человечества также должно появляться как внутреннее, а именно, душевное социальное требование для человеческого развития. Таким образом, антропософски ориентированная духовная наука должна стать практической, оплодотворять и стимулировать жизнь.

Я хочу высказать также и другую точку зрения. В прежние времена всякое самопознание, все заглядывание человека в свою душу было сравнительно гораздо легче, чем сейчас, поскольку сейчас - не только в отношении сознания некоторых людей, исходя из их имущественных отношений или же с другой стороны - возникает глубоко внутренний социальный импульс, - импульс, который проявляется, например, следующим образом. Сегодня мы мало обращаем внимания на то, что вся человеческая жизнь постоянно становится всё более и более зрелой. Даже в зрелых годах Гёте ещё хотел учиться, Гёте до последних дней знал, что как человек он ещё не готов. И он оглядывался назад, на свою юность, на свою зрелость, воспринимая всё, что произошло в юности и зрелости, как подготовку к тому, что он может испытать в старости. В наши дни люди очень мало думают таким образом, особенно если рассматривать человека как существо социальное. Сегодня, в двадцать лет, каждый больше всего хотел бы быть членом какой-нибудь организации и судить обо всем, как говорят, демократично. Поэтому человек не может себе представить, что можно чего-то ожидать от жизни, всё больше и больше приближаясь к старости. Сегодня люди об этом не думают. - Это одно, чему мы должны учиться: что жизнь приносит нечто не только в первые два-три десятилетия.

И мы должны учиться ещё другому. Мы видим стоящими в мире не только себя самих, а мы видим людей разных возрастов; прежде всего, мы видим ребёнка, входящего в мир и в жизнь через рождение. В человеческом земном развитии происходит так, что многое из того, что раньше открывалось в душе человека, как бы, само собой, теперь может быть достигнуто только посредством чрезвычайного усилия, - посредством усилия к сверхчувственному познанию или, по крайней мере, к действительному познанию жизни. Как для человека вообще, так и для ребёнка, многое, что принадлежит его существу, остается закрытым. Но для ребёнка остаётся закрытым не только то, что он узнает позже, достигнув зрелого и старческого возраста, но и вообще много из того, что открывалось древним инстинктивно живущим, находящимся в состоянии атавистического ясновидения людям. Если человек смотрит только на самого себя, это остаётся для него скрытым. Таким образом, есть нечто, что, - если мы ищем знания только внутри себя, - не может открыться нам от колыбели до могилы. Это также относится к особенностям нашего периода сознания. Мы можем стремиться к ясности сознания, но всё же многое в той области, которая должна быть освещена этой ясностью, остается скрытым. И это является чем-то совершенно своеобразным в наше время. Как дети мы входим в мир; в нас есть нечто важное для мира, для человеческого сосуществования, для исторического познания. Но мы не можем этого узнать, если мы остаёмся при себе, ни как ребёнок, ни как мужчина, ни как женщина, ни как

старик или старуха. Но это можно узнать другим образом. Это можно узнать тогда, когда, благодаря действительно духовному ощущению более тонко настроенной зрелой человеческой души, душа мужчины, душа женщины, душа старика или старухи, взглянет на ребёнка и ощутит: в этом ребёнке открывается нечто такое, что ребёнок сейчас узнать не может, что будучи ребёнком, если он оставлен на самого себя, никогда не может быть познано, - не может быть познано также вплоть до самой его смерти, - но что может быть познано в душе другого, кто смотрит назад на этого ребёнка как старик. Тут у вас есть нечто такое, что может открыться через ребёнка, - не в ребёнке и не в мужчине или женщине, которые могут вырасти из этого ребёнка, вплоть до их смерти, а в другом человеке, который из своего зрелого возраста с любовью смотрит на этого совсем юного человека. Я указываю на это особенным образом, поскольку в этой черте нашего времени вы можете видеть, как наше время - в самом широком смысле - пронизывается социальным импульсом. Разве это не глубочайшая социальная черта, эта необходимость уметь внести в жизнь что-то для неё растущее, только посредством того, что старый человек познаёт в самом юном человеке, посредством совместного бытия ради высшей цели в жизни, - не просто человека Х1 с человеком Х2, а старика с маленьким ребёнком?

Это совместное социальное бытие, это то, на что указывает нам сокровенный дух и смысл нашего времени. И таким образом антропософски ориентированная духовная наука, когда ей позволяют говорить с людьми, которые уже немного подготовлены посредством других ветвей этой духовной науки, может ещё углубить социальную проблему. Перед всеми вами стоит действительно великая социальная задача, если вы из всего, что может быть в вас пробуждено, особенно из социальных чувств, возьмёте средства для того, чтобы в качестве избранных, посредством антропософски ориентированной духовной науки, действовать в человечестве. Если вы в рамках современной социальной и социалистической дискуссии разожжёте более глубокое социальное чувство, более глубокое понимание человека человеком, то вы, исходя из антропософски ориентированной духовной науки, выполните живую задачу также и в социальном смысле.

Подробнее об этом мы поговорим на следующей неделе, когда между двумя публичными лекциями у нас снова будет лекция для членов секции Общества.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Берн, 8 февраля 1919 года

В публичных лекциях этих дней речь шла о социальной проблеме, о социальных требованиях современности, как они не только, так сказать, представляют себя наблюдению в мыслях, а как они проявляются в фактах, в событиях современной мировой жизни.

Все эти вещи, которые относятся к жизни человека и рассмотрение которых сегодня в самом широком смысле в самых широких кругах являются необходимостью, могут быть ещё углублены, как раз, антропософски ориентированными людьми. Поскольку, если мы чувствуем себя принадлежащими к антропософскому движению, мы никогда не должны забывать, что рассмотрение всех вещей мира таким образом, чтобы внешние явления, внешние факты для нашего собственного видения были пронизаны также знаниями,

полученными нами из духовного мира, должно принадлежать к нашим самым сокровенным восприятиям. Все вещи обретают для нас своё истинное лицо действительности только благодаря тому, что мы в состоянии мыслить их пронизанными спиритуальным, тем существом, которое поначалу скрывается во внешнем земном мире, но которое всё же действительно живёт в этом земном мире.

Когда я имел возможность быть здесь с вами в прошлый раз, я высказал вам некоторые соображения относительно социальных импульсы человеческой жизни, также и с точки зрения антропософски ориентированной духовной науки. Мы уже тогда пытались рассматривать человека как существо социальное, как существо с социальными и антисоциальными инстинктами. Однако мы никогда не должны оставлять без внимания то, что, будучи людьми на этой Земле, мы вносим в это наше земное существование следствие, результат того, через что мы прошли за время между прошлой смертью и новым теперешним рождением. Мы вносим в нашу земную жизнь результаты нашей последней духовной жизни, нашего последнего пребывания в чисто сверхчувственном мире. И мы не рассматриваем свою земную жизнь в полной мере, если упускаем из внимания, как то, что мы делаем, что происходит для нас в мире в совместной жизни с людьми, в то же время несёт в себе нечто из того, что является следствием нашей жизни в духовном мире, из которого мы вышли через рождение, но следы и силы которого мы берём с собой в этот мир.

С одной стороны, это то, что вносится для нас людей из духовного мира в физический мир. С другой стороны, мы, однако, не должны оставлять без внимания тот факт, что в жизни, которую мы проходим здесь, на Земле, происходят вещи, которые поначалу не полностью входят в наше сознание, которые происходят с нами, вокруг нас, без того, что мы получаем повод их отчётливо осознать, и что, как раз, нечто важное из этих переживаний, которые во время нашей земной жизни между рождением и смертью, как бы, остаются в подсознательном, мы снова проносим через врата смерти в сверхчувственный мир. Многие из того, что происходит с нами в нашей земной жизни, имеет значение не для этой земной жизни, а как подготовка к жизни после смерти - если мне будет позволено употребить выражение "жизнь после смерти" в отличие от "жизни до рождения".

Такое рассмотрение, о котором я говорил вчера в публичной лекции получается с полной конкретной отчётливостью только тогда, когда имеется возможность осветить его с того направления, откуда падает свет из сверхчувственного мира. И в этом направлении я хотел бы углубить эту, как раз, сегодня актуальную тему, в том числе и в антропософском плане. Сегодня я хотел рассмотреть социальную проблему как проблему общечеловеческую. Для нас, однако, всё человечество - это не только сумма душ, которая живёт социально вместе, в определённое время, но также и те, кто в это определённое время находятся в сверхчувственном мире; они связаны с людьми здесь духовными узами, и принадлежат к тому, что мы можем назвать целостностью людей. Вначале рассмотрим то, что в земном смысле называется духовной жизнью.

В земном смысле человеческая духовная жизнь - это не жизнь духовных существ, а то, что в качестве духовной жизни проделывают люди в своём социальном совместном бытии. К такой духовной жизни принадлежит, прежде всего, всё то, что охватывает науку, искусство, религию. Но к этой духовной жизни принадлежит также всё, что касается школы, воспитания. Вначале хотелось бы рассмотреть то, что люди переживают в социальном совместном бытии как духовную культурную жизнь. Вы, ведь, знаете из таких сообщений, которые я давал вчера, что эта духовная жизнь, - все школы, все воспитательные учреждения, вся научная, художественная, литературная жизнь, - должна образовывать некую обособленную социальную форму. Для внешнего мира это может быть объяснено только, исходя из причин, которые этот внешний мир сейчас признает. Можно сделать совершенно ясным: чтобы полностью понять эти вещи, должно быть вполне достаточно здравого человеческого разума. Но рассматривать их конкретно, особенно успешно смогут те, кто отваживается на антропософски ориентированное рассмотрение мира. Поскольку тогда то,

что называется земной духовной жизнью, предстает перед таким человеком в совершенно особом свете.

Благодаря развитию Нового времени, эта духовная жизнь, которая под влиянием бюргерства (буржуазии), интеллигенции буржуазии, выродилась в простую идеологию, которая поэтому как простая идеология была включена пролетариатом в своё мировоззрение, и которая охватывает те отрасли, о которых я говорил, является всё же тем, что поднимается для нас только из хозяйственной жизни. Ведь, пролетарское мировоззрение представляется сегодня примерно так: Всё то, что является религиозными убеждениями и религиозными мыслями, всё то, что является художественным творчеством, правовыми и нравственными взглядами, - всё это, как говорит пролетарское мировоззрение, некая надстройка, нечто такое, что как духовное облако поднимается из единственно истинной действительности, хозяйственной действительности. Эта земная духовная жизнь стало идеологией, - тем, что просто выдуманно. Но для тех, кто знает основы, из которых исходит антропософски ориентированная духовная наука, то, что охватывает человека как духовная культурная жизнь, является даром самих духовных существ. Для него она не воспаряет снизу из хозяйственных оснований, а стекает вниз из жизни духовных иерархий. В этом состоит радикальное различие между тем, что выражается из буржуазного рассмотрения мира и его наследства в пролетарском мировоззрении, - что, по сути, для того, что, начиная с 15-го, 16-го столетий, развилось в человечестве, духовный мир является идеологическим, простым испарением, поднимающимся из хозяйственных гармоний и дисгармоний, - и тем мировоззрением, которое должно прийти, которое только и может принести выздоровление, выводящее из современного хаоса, для которого то, что стекает сверху, является истекающим из действительной духовной жизни мира, которому как к спиритуальному миру мы принадлежим так же, как через наши чувства, через наш разум, мы принадлежим физически-земному миру. Но сейчас, когда мы оказались в пятом послеатлантическом периоде, мы определимся как социальные существа в социальном человеческом организме только, благодаря тому, что мы подготовим эту земную духовную жизнь посредством тех связей, которые мы создали до рождения, когда мы ещё не спустились в земное бытие, с другими духовными существами иерархий, как это уже не раз было показано. Это то, что, в качестве важного факта жизни, даёт духовное исследование.

Входя в бытие через рождение, мы вступаем в отношения с людьми двояким образом. Надо точно различать эти двоякие отношения, в которые мы вступаем с людьми. Одни отношения, в которые мы вступаем с людьми, должны вступать с людьми, - это отношения, обусловленные судьбой. С одним или другим человеком, с большим или меньшим числом людей мы вступаем в отношения, обусловленные судьбой. Когда мы через рождение входим в земное бытие, мы попадаем в определённую семью. С отцом и матерью, с братьями и сестрами и с остальной семьёй мы вступаем в обусловленные судьбой отношения. В обусловленные судьбой отношения с другими людьми мы вступаем, как отдельные люди с отдельными людьми. Как отдельные люди, мы отрабатываем свою карму по отношению к другим людям. Как возникает эта карма? Как возникают эти обусловленные судьбой отношения? Они возникают, благодаря тому, что они подготавливались теми или иными фактами прошлой земной жизни. То есть: входя в бытие через рождение, вы вступаете с другими людьми, как отдельный человек с другим отдельным человеком, в обусловленные судьбой отношения согласно тому, что вы жили с этим человеком в прошедшей земной жизни. Это один вид отношений: отношения, обусловленные судьбой.

Но вы вступаете и в другие отношения с людьми. Как член какого-то народа вы принадлежите к группе людей, с которыми вы связаны не так, как только что было описано, не обусловленными судьбой отношениями. Вы рождаетесь как в народе, так и на определенной территории. С одной стороны, это, безусловно, связано с вашей кармой, но, благодаря этому, вы, как бы, срослись в социальном организме со многими людьми, с которыми вы не связаны судьбой. В какой-то религиозной общине вы можете разделять одни и те же религиозные чувства с рядом других людей, с которыми вы совсем не связаны

судьбой. Ведь, духовная, земная духовная жизнь, приносит самые разнообразные общественные, социальные связи между людьми, далеко не все из которых обусловлены судьбой. Не все эти связи подготовлены в предыдущих земных жизнях, а они подготовлены во время, которое вы проживаете между смертью и новым рождением. А именно, когда дело доходит до второй половины этой жизни между смертью и новым рождением, тогда вы вступаете в отношения с существами, прежде всего, более высоких иерархий, благодаря которым, вы настолько подвержены влиянию сил этих иерархий, что вы духовно срастаетесь с разными группами людей. То, что вы тут переживаете как духовную жизнь в религии, в искусстве, в связях с народом, например, в простом языковом сообществе, что вы переживаете через вполне определенно направленное воспитание и так далее, - всё это подготавливается уже вне чисто кармических потоков в жизни до рождения. Вы вносите в физически-земное бытие то, что вы уже пережили в жизни до рождения. И то, что вы пережили, правда, совершенно иным образом, в жизни до рождения, отражается в духовной жизни, духовной культурной жизни в земном.

Теперь, для того, кто в состоянии серьёзно принять такие факты духовного мира, возникает вполне определённый вопрос, а именно: Как теперь, собственно, можно правильно оценивать, в высшем смысле правильно оценивать эту земную духовную жизнь, если знаешь, что эта земная духовная жизнь есть отблеск того, что уже было пережито в истинной, конкретной духовной жизни до рождения? Эту земную духовную жизнь можно правильно оценивать только в том случае, если рассматривать её не как идеологию, а знать, что внутри неё живёт духовный мир. И мы занимаем правильную позицию по отношению к этой земной духовной жизни только тогда, когда мы осознаём: внутри неё повсюду можно обнаружить действующие силы самого духовного мира. Представьте себе гипотетически: То, что эти существа - будь то существа высших иерархий, которые никогда не окажутся в земном теле, или ещё не рождённые люди, люди, которые ещё не переступили порог рождения в земную жизнь, - то, что эти принадлежащие к сверхчувственному миру существа думают, что они проделывают в качестве своей душевной жизни, это живёт; живёт в своего рода сновидческом отражении в земном духовном культурном мире. Так что, когда мы сталкиваемся с каким-либо художественным, религиозным фактом или фактом воспитания, мы всегда можем правомерно поставить вопрос: Что живёт внутри этого? - Не просто то, что люди сделали здесь, на Земле, а в этом живёт то, что втекает сюда из сил, из мыслей, из импульсов, из всей душевной жизни высших иерархий. Мы никогда не видим этот мир полностью, если мы отрицаем эти, как бы, отражающиеся нашей духовно-земной культурой мысли духовных существ, не воплощённых на этой Земле, - либо вообще не воплощённых, либо не воплощённых, как раз, сейчас. Если мы сможем в своих ощущениях понять, я бы сказал, это святое созерцание окружающего нас духовного мира, так, что мы сможем принять этот духовный мир как то, что нам дают сами духовные существа, чем окружают нас эти духовные существа, то мы сможем быть правильным образом благодарными за этот подарок сверхчувственного мира, который мы переживаем как земной духовный культурный мир. Благодаря этому, этот духовный культурный мир с необходимостью входит как нечто самостоятельное во всю социальную структуру человечества, являясь продолжением того, в чём мы участвовали в духовном мире до рождения. Если освещать социальную жизнь светом спиритуального познания, то становится само собой разумеющимся принятие в этой духовной жизни отдельной, самостоятельной действительности.

Второй областью социальной структуры является то, что можно было бы назвать внешним правовым государством, политической жизнью в узком смысле этого слова, то, что относится к порядку правовых отношений человека с человеком, то, в чём все люди должны быть равны перед законом. Это собственная государственная жизнь. И эта собственная государственная жизнь, по сути, не должна быть ничем другим, как этим. И здесь снова, из соображений здравого смысла, можно видеть необходимость того, чтобы эта государственная жизнь, эта жизнь публичного права, эта жизнь, относящаяся к равенству всех людей перед законом, и вообще к равенству человека с человеком, - что этот член социального организма

должен быть самостоятельным. Но, если осветить эту вещь, опять же, взглядом, отточенным антропософски ориентированной духовной наукой, то покажется ещё и нечто совсем другое.

Эта жизнь, собственная государственная жизнь в рамках социального организма, является тем, что не имеет дела ни с тем, что было до рождения, ни с тем, что будет после смерти. Это то, что находит свой порядок, свою ориентацию только в мире, в котором человек живёт между рождением и смертью. Государство только тогда является со своим первичным существом законченным в себе целым, когда оно не простирается за пределы чувственного мира, не выпирает в сверхчувственное, ни в сторону рождения, ни в сторону смерти. «Цезарю - цезарево, богу - богово». - Но не давайте, - так надо дополнить, - цезарю богово, а богу - цезарево». Он этого не возьмёт!

Эти вещи должны быть строго обособлены, как и отдельные члены системы человеческого природного организма. Всё то, что может охватить государственная жизнь, что обсуждается государством, о чём можно договориться на уровне государства, - всё это связано только с совместной жизнью человека с человеком. Это существенное. Это ощущали глубокие религиозные натуры во все времена. - Другие люди, которые не были глубоко религиозными натурами, не позволяли даже свободно, честно и прямо говорить об этих вещах. - Поскольку представление об этих вещах укоренилось в глубоко религиозных натурах. Эти глубоко религиозные натуры говорили себе: государство охватывает жизнь, которая, насколько речь идёт о человечестве, имеет дело только с тем, что лежит между рождением и смертью, что относится к чисто земному. - Плохо, когда то, что относится только к земному, хочет распространить своё господство на сверхземное, на сверхчувственное, на то, что лежит за пределами рождения и смерти. За пределами рождения и смерти лежит, однако, земная духовная жизнь, поскольку она содержит в себе тени душевных переживаний сверхчувственных существ. Когда то, что пульсирует в просто государственной жизни, овладевало жизнью земной духовности, глубоко религиозные натуры называли это: Власть, которая осуществляется противоправным князем мира сего. - За выражением «противоправный князь мира сего» скрывается то, о чём я только-что сказал. Это также причина того, что в тех кругах, которые заинтересованы в слиянии этих трёх членов социального организма, не любят говорить об этом противоправном князе мира сего, и даже запрещают говорить о нём.

Несколько иначе, в свою очередь, обстоит дело с тем, что развивается в человеке относительно его мышления, чувств и душевных импульсов, благодаря тому, что он принадлежит к хозяйственной части социального организма. Это нечто в высшей степени своеобразное. Но вы уже привыкли к тому, что, посредством антропософски ориентированной духовной науки, вам приходится входить во многое, что в ваших воззрениях вначале кажется парадоксальным. Когда мы сегодня говорим об этом хозяйственном члене социального организма, нам должно быть ясно, что то, как мы сейчас говорим, является особенностью пятого послеплатонического периода. В более ранних эпохах человеческого развития эти вещи были другими. Поэтому действительно то, что я должен сказать в этом направлении относительно нашего настоящего и будущего. А относительно нашего настоящего и будущего нужно сказать следующее: В прошлые времена человек вживался в хозяйственную жизнь инстинктивно. Теперь это вживание в хозяйство должно становиться всё более и более сознательно. Как человек, - как я уже говорил, - обучается сегодня в школе тому или иному, так в будущем он должен изучать в школе то, что относится к жизни в социальном организме, к экономической жизни. Человек должен уметь чувствовать себя членом хозяйственного организма. Конечно, кому-то это будет неудобно, поскольку уже выработались другие привычки мышления и чувствования, которые должны подвергнуться радикальным изменениям. Не правда ли, если бы кто-то сегодня не знал, сколько будет трижды девять, его бы считали необразованным человеком. В некоторых кругах считается необразованным даже тот, кто не знает, кем был Рафаэль или Леонардо. Но, как правило, человек сегодня не считается необразованным, если он толком не знает, что такое капитал, что такое отношение производства и потребления, что такое кредитная

система и так далее, не говоря уже о том, что мало кто имеет ясное представление о том, что такое ломбард и тому подобное.

Эти понятия, конечно, изменятся под влиянием социальных изменений, и в будущем людям будет проще искать соответствующие разъяснения об этих вещах. Ведь, сегодня человек довольно беспомощен, желая получить об этих вещах рациональную информацию. Поскольку, что было бы естественнее, чем то, что человек, чтобы узнать, что такое капитал, брал бы в руки национал-экономический справочник какого-нибудь известного национал-экономиста? Но если вы сегодня возьмёте в руки три различных справочника по национальной экономике, то в этих трёх различных справочниках вы найдёте три различные формулировки того, что, собственно, такое капитал. Подумайте только, какой вы имели бы странный взгляд на геометрию, если бы взяли в руки три учебника по геометрии разных авторов, и в каждом из них теорема Пифагора излагалась бы разным образом, если бы повсюду эта теорема имела разное содержание. Дело обстоит так, что сегодня даже авторитеты в области национал-экономики могут дать об этих вещах очень мало действительной информации. Поэтому нельзя обвинять широкую публику в том, что она не ищет таких объяснений. Но их придётся искать, они должны появиться. Человек должен будет построить мост от себя к хозяйственной структуре социального организма. Он должен будет сознательным образом интегрировать себя как субъекта в хозяйство, в социальный организм. Тогда он будет учиться мыслить о том, каким образом он стоит в отношениях с другими людьми, просто посредством того, что он, на определённой территории, в различных областях, вместе с ними ведёт хозяйство. Это мышление, которое он тогда будет развивать и в которое будет втекать всё отношение природного порядка с человеком, будет совершенно другим мышлением, нежели, например, мышление, которое развивается в мире духовной культуры. В мире духовной культуры вы, вместе с тем, что мыслят существа более высоких иерархий, переживаете то, что пережили сами в своей жизни до рождения. В мышлении же, которое вы развиваете как участники социальной экономической борьбы, - как ни парадоксально это не прозвучит, - в вас всегда мыслит также другой человек, более глубокий человек в вас. Именно тогда, когда вы чувствуете себя членом хозяйственного тела, в вас мыслит также более глубоко лежащий человек. Своим мышлением вы должны сводить вместе внешние факторы жизни. Вы должны думать: Какова будет цена того или другого? Как мне получить один товар, как получить другой, и так далее? Тут вы, как бы, порхаете со своими мыслями над внешними фактами; тут живёт не духовное, тут в вашем мышлении живёт внешнее, материальное. Именно потому, что в вашем мышлении живёт внешнее, материальное, потому что, мысля, - а не просто инстинктивно, как животное, - вы должны сопереживать то, что происходит в хозяйственной жизни, - именно поэтому об этих вещах в вас постоянно думает ещё и другой, более глубокий человек; только он продолжает мысли, только он делает мысли такими, что они имеют конец, что они имеют связь. И это, как раз, тот человек, который принимает существенное участие во всём том, что вы через смерть переносите в сверхчувственный мир. Каким парадоксальным это ни кажется, именно размышление о материальных вещах здесь, в мире, к которому человек принуждён, возбуждает в нём, - поскольку оно никогда не готово, никогда не является чем-то законченным, - другую внутреннюю духовную жизнь, которую он переносит через смерть в сверхчувственный мир. Таким образом, ощущения, импульсы, которые мы развиваем, как раз, в хозяйственной жизни, стоят в гораздо более тесной связи с нашей жизнью после смерти, чем мы думаем. Это многим сегодня может показаться странным и парадоксальным; но это то, что, будучи переведённым в сознание, было сформировано в атавистические времена человеческого развития, благодаря тому, что в то время спиритуальный мир вошёл в инстинкты человека. Я хочу обратить ваше внимание на следующее.

У некоторых так называемых первобытных природных народов можно найти удивительные строения. Так вот, мы ни в коем случае не должны составлять себе те бессмысленные и глупые представления об этих природных народах, которые составляет для себя современная этнология, современная антропология. Сегодняшняя антропология

полагает: есть такие первобытные народы, например, коренные австралийцы, которые стоят на самой первоначальной ступени человечества, и сегодняшние культурные народы тоже были когда-то такими, как эти первобытные народы сегодня. - Это бессмыслица! Дело обстоит скорее так, что те народы, которых сегодня называют первобытными, являются народами впавшими в декаданс; это народы, опустившиеся вниз с какой-то другой ступени. Просто сегодняшние первобытные народы сохранили в себе более ранние времена, что в так называемых цивилизованных народах замаскировано. Поэтому у так называемых первобытных народов ещё можно изучить многое из того, что существовало в иной форме во времена древнего атавистического ясновидения. Например, были следующие институты (Einrichtungen): было принято, что в каком-то племени члены этого племени распадались на более мелкие группы; у каждой из этих групп было определенное название, заимствованное у растения или животного, имевшегося на территории, на которой жила эта группа. С этим наименованием групп в рамках более широкого контекста было связано следующее: например, одна группа - мы используем сейчас современные названия, только для того, чтобы сделать это понятным, - одна группа, которая носила название «рожь», должна была следить за тем, чтобы в этой местности правильно осуществлялось возделывание ржи, чтобы рожью могли быть обеспечены другие люди, не носящие имени "рожь". Задачей этих людей, носивших имя «Рожь», было следить за выращиванием ржи и распространением ржи. А другие, носившие другие имена, предполагали, что рожью их будет снабжать эта одна группа. То есть, задачей этих людей, носивших имя «Рожь», было следить за выращиванием ржи и распространением ржи. А другие, носившие, в свою очередь, другие имена, рассчитывали на то, что эта группа будет снабжать их рожью. Другая группа, например, называлась «корова»: их работа заключалась в том, чтобы заниматься выращиванием коров, обеспечивать ими других, и всем тем, что было с этим связано. Эти группы не только имели задание обеспечивать других, но имели также запрет заниматься какой-то другой растительной или животной культурой, которая была, как говорили, правом одного из тотемов. Это хозяйственный смысл тотема, который в той области, где господствовал этот тотем, был одновременно и мистериальной культурой. Мистериальной культурой, которая существовала не только в высших регионах, как это думают сегодняшние люди, а которая, исходя из советов богов, которые в результате исследований могли быть получены членами этих мистерий, упорядочивала человеческую жизнь вплоть до мельчайших подробностей. Она упорядочивала племя по тотемным образованиям, по тотемным группам, и тем самым обуславливала соответствующую хозяйственную организацию, помимо того, что она определенным образом давала людям откровения о природе духовного мира, о том, как этот духовный мир вписывается в земной духовный мир в соответствии с тем, что правильно для рассматриваемого времени. Как она, свойственным ей образом, заботилась о правовой жизни, имеющей только земной характер, так здесь, на Земле, благодаря организации хозяйственной жизни, она подготавливала людей таким образом, чтобы люди могли затем, через смерть, войти в другой мир, где они должны были развивать связи, к которым здесь, на земле, они могли подготовиться только, имея дело с нечеловеческими существами других царств природы. Тогда эти люди из древних времен под руководством своих посвящённых учились вставлять в свою мировую жизнь настоящий хозяйственный член.

Позднее это более или менее перемешалось, хотя совсем не трудно представить инстинктивную трёхчленность до греческой культуры, и даже до средневековой культуры, представить, - как раз, с той точки зрения, которую я сейчас дал, - как рудименты её можно обнаружить, по крайней мере, вплоть до 18-го столетия. Ах, ведь, этот современный человек, хотел бы, чтоб всё было так удобно в его мышлении, хотел бы, чтобы всё представлялось его мышлению как можно более поверхностно! Если бы он действительно изучал жизнь прежних времен, не по тому, что теперь называется историей и что часто является Fable convenue¹, а по тому, как она была на самом деле, то он увидел бы: Инстинктивная

---

¹Fable convenue - что-то выдуманное, что принимается за истину (прим. пер.)

трёхчленность уже была; только в одном из её членов, в духовной жизни, всё исходило из духовного центра и, благодаря этому, отделялось от чисто государственной жизни.

Когда католическая церковь была в своём расцвете, она уже образовывала самостоятельный член и, в свою очередь, организовала другую земную духовную жизнь в качестве самостоятельного члена, основывала школы, организовывала систему воспитания, основывала также первые университеты, делала земную духовную жизнь самостоятельной, заботилась о том, чтобы жизнь государства не пронизывалась властью неправомерных князей этого мира. И в хозяйственной жизни, даже в более поздние времена, по крайней мере, ощущалось, что когда в этой хозяйственной жизни среди людей развёртывается братство, тогда внутри подготавливается нечто такое, что найдёт продолжение в жизни после смерти. То, что братство между людьми вознаграждается после смерти, является хотя и эгоистической трактовкой высших представлений, живших в тотемизме, но, по крайней мере сознанием того, что братская жизнь в человеческой хозяйственной деятельности в духовном отношении находит продолжение в жизни после смерти. Даже нарушения в этой области следует оценивать с этой точки зрения. Нарушения имеют место всегда, это лежит в человеческой природе. Продажа индульгенций, безусловно, является одним из самых диких нарушений в этой области. Но оно возникло, пусть и в виде нарушений, из сознания, что то, что человек здесь, в физической жизни, приносит как хозяйственную жертву, имеет значение для его жизни после смерти. Хотя это и карикатура на то, что является действительностью, она возникла как карикатура из правильного взгляда на значение того, что мы переживаем здесь, когда вступаем в отношения с существами других царств Земли, - минералами, растениями, животными. Вступая в отношения с другими существами, мы приобретаем то, что полностью развивается только в жизни после смерти. Не правда ли, в отношении к тому, чем мы являемся после смерти, мы здесь, как человеческие существа, ещё родственны с низшими, с животными, растениями и минералами; но именно этим переживанием внечеловеческого мы подготавливаем то, что должно вырасти в человеческое только после смерти. Если вы направите свои мысли таким образом, вам будет легче это понять, вам будет легче увидеть, что вполне естественно, что то, что мы переживаем с животными, растениями и минералами, изживается на Земле в нечто такое, что объединяет людей, что их окружает, как некий духовный воздух, как некая духовная атмосфера в земном. То, что люди переживают между собою, образует чисто эфирное между рождением и смертью. То же, что люди переживают в подчеловеческом, в хозяйственной жизни, это становится человеком, возводится в земное человеческое, только тогда, когда мы проходим через смерть.

И это должно иметь огромное значение, как раз, для антропософски ориентированного духа, для того, кто ищет углубление жизни посредством антропософски ориентированной духовной науки: признание, что эта трёхчленность социального организма конкретно обоснована просто тем обстоятельством, что человек в этом направлении также является трёхчленным существом, благодаря тому, что он, будучи ребёнком и вращаясь в физический мир, ещё несёт в себе нечто из того, что он пережил до рождения, благодаря тому, что он несёт в себе нечто из того, что имеет значение только между рождением и смертью, и, благодаря тому, что он, так сказать, под покровом обычной физической жизни уже здесь подготавливает то, что, в свою очередь, имеет сверхчувственное значение после смерти. То, что выступает здесь как низшая жизнь, жизнь в физическом хозяйстве, здесь для Земли кажется ниже, чем правовая жизнь, но это проживание низшего в то же время компенсируется для нас тем, что для нашего более глубоко лежащего человека, находясь внутри более низкого хозяйственного элемента, мы выигрываем время, чтобы подготовиться к жизни после смерти. Когда со своей душой мы принадлежим художественной жизни, религиозной жизни, образовательной жизни, прочей духовной жизни, мы питаемся наследием, которое мы вносим в физическое земное существование через рождение. Но когда, посредством хозяйственной жизни, мы, как бы, опускаемся в подчеловеческое, в то мышление, которое выступает не так высоко, нам это компенсируется, когда мы глубоко внутри себя подготавливаем то, что затем переходит в человеческое только после смерти. Для

сегодняшнего человека это ещё может звучать парадоксально, поскольку он предпочитает видеть вещи односторонне и, собственно, не хочет иметь никакого понятия о том, что каждый предмет в жизни развёртывается в две стороны. То, что на одной стороне является высоким, на другой стороне является низким, что на одной стороне является низким, на другой стороне является высоким. В действительной жизни, - я мог бы также сказать, в жизненной действительности, - каждая вещь имеет вторую сторону. Человек вообще лучше разобрался бы в себе и в мире, если бы осознавал, что у любой вещи всегда есть своя другая сторона. Осознавать это полностью иногда просто неприятно, поскольку накладывает на нас многие жизненные обязательства. Например: относительно определённых вещей мы должны быть умными, но мы не можем развить определённую степень умности без того, чтобы, с другой стороны, не развить ту же степень глупости. Одно всегда обуславливает другое. И нам, собственно, никогда непозволительно считать какого-то человека полностью глупым, даже если во внешней жизни он таким себя и проявляет, без того, чтобы мы осознавали бы: В своём подсознательном, возможно, лежит глубокая мудрость, которая для нас просто скрыта. Действительность открывается только тогда, когда учитывается эта двусторонность всего действительного. И дело обстоит также так: жизнь духовной культуры является нам с одной стороны как нечто самое высшее; но оно то же время то, где мы, собственно, всегда занимаемся грабежом, где мы всегда питаемся тем, что приносим через наше рождение в физическое бытие. Хозяйственная жизнь является нам как самый низший член: так происходит только потому, что она показывает свой низший аспект между рождением и смертью. Она даёт нам время бессознательно развить то, что является духовной стороной хозяйственной жизни, и что после смерти мы переносим в сверхчувственный мир. Чувство единства в братстве с другими людьми, - вот что я в основном понимаю под духовной частью хозяйственной жизни.

Человечеству крайне необходимо понимание этих вещей, если оно хочет выйти из определённых трудностей, возникших именно потому, что эти вещи не были учтены. В среде ведущих интеллектуальных личностей господствующих классов образовалось нечто такое, - я говорил об этом позавчера, - что не имеет силы излучаться в повседневную жизнь. Обретение в этом пункте правильного понимания для современного человека особенно важно. Видите ли, ведущие интеллектуальные круги господствующих классов выработали определённое нравственное мировоззрение, определённое религиозное воззрение. Но это нравственное, это религиозное мировоззрение люди предпочитают односторонним образом всегда сохранять совершенно идеалистическим. Оно не должно в то же время иметь силу для проникновения в повседневную жизнь. Практически это проявляется для вас сегодня в том, что каждое воскресенье, и даже чаще, вы можете посещать известные церкви: вам будут читаться проповеди, проповеди, которые, однако, постоянно пренебрегают самыми интенсивными требованиями времени. Вам будут говорить о всевозможных вещах, которые вы должны делать, исходя из религиозного мировоззрения, но что не имеет никакой силы. Поскольку, когда вы выйдете из церкви и погрузитесь в повседневную жизнь, вы не сможете применить всё то, что проповедуется о любви между людьми, о том, что нужно делать, что хочет пережить тот, кто это проповедует. Где понимание, где связь между тем, что говорит своим ученикам проповедник, нравственный учитель, и тем, что происходит в повседневной жизни?

Например, во времена, на которые указывает культ тотема, это было по-другому: тогда посвящённые организовывали повседневную жизнь согласно советам богов. Нездоровое состояние заключается в том, что сегодня с церковных кафедр ничего не слышно о необходимой организации хозяйственной жизни. То, что проповедуется, похоже - я часто использовал это сравнение - на то, как если бы кто-то стоял перед печью и говорили: Ты, печь, ты стоишь здесь, в комнате. Согласно тому, как ты стоишь по отношению к прочим предметам в комнате, твоей святой обязанностью является делать комнату тёплой. Поэтому исполни свой святой долг и нагрей комнату. - Вы можете проповедовать это печи сколько угодно, она не нагреет комнату! Но вам совершенно не нужно проповедовать, а нужно

положить в неё дрова или уголь и поджечь их. Тогда вы согреете комнату. Так что вы можете оставить все моральные учения, которые просто говорят о том, что человек должен делать ради вечного спасения или ради других вещей, относящихся к вере. Таким образом, вы можете оставить проповеди, которые сегодня составляют содержание большей части речей с церковных кафедр, но вы не можете оставить то, что сегодня является реальным знанием о социальном организме. Обязанностью тех, кто хочет быть народными воспитателями, было бы также наведение практического моста между тем, что живёт и действует в мире как духовное, и тем, что происходит в повседневной жизни. Поскольку Бог, божественное, живёт не только в том, о чём человек мечтает в заоблачных высотах, но и в самом тривиальном повседневном. Когда вы берёте солонку со стола, когда вы подносите ко рту ложку супа, когда вы за пять пфеннигов что-то покупаете у своего ближнего, - во всех этих вещах живёт божественное. А если отдаваться вере: тут, с одной стороны, есть грубо материальное, конкретное, то, что является низшей природой, а с другой стороны, божественно-духовное, которое действительно следует держать подальше от этого грубо материального, конкретного, поскольку одно священное, а другое мирское, одно высокое, а другое низкое, тогда человек противоречит, как раз, самому внутреннему смыслу соответствующего действительности миропонимания: проникновению силы высшего, священного, вплоть до самых повседневных переживаний людей.

Этим в то же время характеризуется то, чем вплоть до нашего времени пренебрегало религиозное развитие, которое всегда лишь проповедовало печи, что она должна быть тёплой, и которое неодобрительно относилось к тому, чтобы пускаться в действительное, конкретное познание духа. Если бы только повсюду свободно говорили о том, что было упущено, упущено теми, кто чувствовал себя призванным вести духовную жизнь, то это уже было бы существенным указанием на то, что должно произойти.

Как говорят сегодня часто о спасении, о благодати, о том, что является предметом веры? Говорят так, чтобы представить это людям как можно удобнее: людям с их человеческими душами. Христос Иисус когда-то умер на Голгофе и - во что передовые богословы сегодня уже не верят - воскрес из мертвых. Но всё это он сделал для себя, людям ничего не надо делать, кроме как верить в это. - Так сегодня думают многие, и они рассматривают как помеху в своем кругу, когда кто-то думает иначе. Но надо учиться думать иначе! Как раз, в этой области должны наступить радикальные перемены. Хочется сказать: Сегодня для нас снова звучит призыв Христа или призыв Крестителя Иоанна: Измените свой ум, поскольку кризис приблизился. - Люди привыкли к тому, что дух где-то там, что оттуда он о них заботится; они позволяют религиозным проповедникам рассказывать им о каком-то духовном мире, который они характеризуют так мало, как это только возможно. Люди не хотят напрягать свои мысли, чтобы что-то узнать об этом духовном мире, они хотят только верить. Время, когда это можно было делать, прошло! Должно прийти время, когда люди должны знать: не просто: я думаю - возможно также и о сверхчувственном, - а: Я должен впустить божественно-духовные силы в своё мышление, в свои чувства. Духовный мир должен во мне жить, мои мысли сами должны быть божественной природы. Я должен дать богу возможность говорить через меня. - Тогда эта духовная жизнь больше не будет идеологией. Это величайший грех Нового времени, что духовная жизнь оказалась парализованной, опустившись до идеологии. Теология уже сегодня является идеологической, идеология - это не только пролетарское, социалистическое мировоззрение. Но эта идеология должна оздоравливать людей. Духовный мир должен для них стать реальным. И они должны знать, что духовный мир как нечто реальное живёт в одном из членов социального организма как наследие жизни до рождения, наследие, так называемого, духовного мира; и что некое духовное подготавливается, когда мы погружаемся, как бы, в подчеловеческое, в хозяйственную жизнь. Именно там, в качестве компенсации за это погружение, готовится нечто такое, что нас снова, посредством жизни, в которую мы вступаем, через смерть входя в духовный мир, если мы правильно проживём это, должно привести к более человеческой, братской науке здесь, на Земле.

Реально рассматривать жизнь, - это то, что должно прийти снова. И правильную позицию в мире как последователь антропософски ориентированной духовной науки занимает тот, кто осознаёт: Вещи, которые должны сегодня войти в человечество, могут быть для него углублены посредством того, что антропософия будет развиваться не просто как наука, а как нечто такое, что пронизывает все его чувства, пронизывает и преображает всё его чувство жизни, делает его таким, чтобы он мог как достойный член войти в то, что должно начинаться с настоящего и что только и может стать спасением для будущего человечества.

Этими вещами указывается то, что необходимо для человечества, но также и на то, что было упущено человечеством. Только посредством бесстрашного и мужественного погружения в то, что было упущено, и в то, что необходимо, можно добиться чего-нибудь полезного для настоящего и ближайшего будущего. Вот почему я, в свою очередь, попытался здесь, где мы находимся между собой, к тому, что можно публично сказать о социальной проблеме, добавить то, что можно сказать, как раз, с точки зрения антропософски ориентированной духовной науки; где можно включить то, что вторгается в эту земную жизнь от бессмертной, сверхчувственной жизни бестелесного человека.

Только один член социального организма, который относится к внешней государственной организации, является чисто земным. Два других члена с двух разных сторон связаны со сверхчувственным. С одной стороны, нам даётся духовная жизнь как земная духовная жизнь, которая, - поскольку она, как бы, выдвинута из сверхземной духовной жизни до рождения, - может проживаться нами, я бы сказал, как некий избыток. А, с другой стороны, как телесные люди, - благодаря чему, мы связаны с животным миром Земли, - мы должны погружаться в простую хозяйственную жизнь. Только потому, что мы являемся не просто телесными людьми, а потому, что в этом теле душа подготавливается для следующих земных жизней и для следующих сверхчувственных жизней, также и посредством хозяйственной жизни подготавливается то, что вводит в человеческое ту часть нас, которая здесь ещё не человеческая: человека, который должен стоять внутри хозяйственной жизни. Мы имеем в себе, как бы, нечто от сверхчеловека, насколько мы в состоянии войти в социальные отношения, которые пронизывают земную духовную жизнь. Мы имеем нечто от просто человека, становясь гражданами государства. Мы имеем в нас нечто, что нас принуждает оказаться под обоими, но одновременно нам компенсируется это сверхчувственным миром тем, что в том, что проявляется в социальной жизни как самый низший член, уже подготавливается то, что нас снова поднимает, снова включает в сверхчувственное.

Правда, действительность нельзя воспринимать так поверхностно, так удобно, как иногда хотелось бы. Но, с другой стороны, она показывает, как человеческая жизнь проходит через самые разные фазы, и каждая фаза вносит в человеческую жизнь новые моменты, новые ингредиенты, новые импульсы, которые могут быть даны только в тех конкретных областях, где они даны. Так мы видим, как нити жизни, которые мы переживаем здесь между рождением и смертью, переплетаются с теми нитями, которые мы протягиваем, проживая жизнь, между смертью и новым рождением. И всё это самым осмысленным образом входит друг в друга во всей этой человеческой жизни. То, что, в свою очередь, разыгрывается здесь, в земной жизни, между человеческими индивидуальностями, что мы здесь делаем человеку, делая его счастливым, причиняя ему страдания, обогащая или обедняя его мысли тем, что учим его тому или иному, - это подготавливает нашу кармическую жизнь, нашу судьбу для следующего земного бытия.

Но из этого мы должны отличать то, что нам необходимо для нашей подготовки к жизни, которую мы развиваем непосредственно после смерти как нечто сверхчувственное. Здесь мы объединены в определенные социальные общности. Мы должны оттуда снова выйти. Мы достигаем этого посредством того, что из нашей чисто хозяйственной, из нашей простой экономики возникает нечто такое, что проводит нас через врата смерти в духовный мир, чтобы мы не оставались в той социальной общности, в которой мы прижились здесь, а чтобы в следующей жизни могли быть приняты в другую. Так разумно переплетаются кармические нити с теми нитями, которые помещают нас в общую мировую жизнь.

Что ещё можно выиграть из духовной науки для этой трёхчленности социального организма, благодаря соединению сверхчувственного с физически-земной жизнью, так это то, что кажется существенным углубить ещё то, что должно стать экзотерическим содержанием трёхчленности социального организма. Это уже кажется существенным для углубления. Конечно, постороннему это трудно понять, поскольку сегодня невозможна никакая помощь. Но тот, кто стоит внутри антропософского движения, во всём, что здесь позволяет обосновываться в земном, одновременно должен всегда воспринимать то, что связывает нас с той сферой, в которую мы входим после нашей смерти, из которой мы вышли через наше рождение, в которой мы должны искать тех, кто покинул этот мир раньше нас и с кем мы имеем определенные отношения. Поскольку в том и будет состоять прекраснейшее человеческое достижение антропософского углубления, что оно научит понимать две великие тайны земной жизни, тайну рождения и тайну смерти, что оно построит мост между чувственным и сверхчувственным, между, так называемым, живым и, так называемым, называется мертвым, так что мертвый становится среди нас живым, а о живом мы можем сказать: Та жизнь, которая была нашей в сверхчувственном до рождения и которая будет нашей после смерти, есть ни что иное, как иная форма бытия. Она мертва здесь в чувственности, как чувственность мертва тогда, когда мы проживаем сверхчувственное. Вещи в мире связаны друг с другом относительно. И когда мы просматриваем эти две стороны любой реальности, только тогда мы проникаем в саму реальность.

Это то, что я хотел дать вам сегодня в качестве дополнения, более экзотерического дополнения к тем вопросам, которые так необходимо обсудить публично, и в обсуждении которых особенно должны принять участие те, кто близок к антропософскому движению.

На один вопрос, содержание которого не сохранилось, Рудольф Штейнер заметил:

Эти вещи таковы, что действительно можно сказать: Этот взгляд на социальный организм является надёжной базой. Надо только исследовать, как он проявляется в жизни в отдельных случаях.

Если вы знаете теорему Пифагора, вы не спросите: как она оправдывает себя во всех деталях? - Вы знаете это, если знаете её: она будет правильной везде, где она применима, точно так же, как трижды десять будет тридцать, где бы вы это ни применяли: вам не нужно будет спрашивать, правильно ли это, и доказывать это. Вы должны увидеть эти вещи в себе самом. Таким образом, вы также обнаружите, что при таком взгляде на социальную жизнь исходят из определённой базы, которая просто верна; другие вещи, которые приходят, присоединяются тогда правильным образом. Налоговая система, система собственности, - всё вытекает из базы как следствие. Всё это получается при постижении живого социального организма. И тогда получается, что люди, например, совсем не будут раздумывать, отдавать ли им своих детей в свободную школу. Наоборот: они захотят их туда отдать, потому что они в этом заинтересованы.

И, в свою очередь, в области, где складываются отношения между человеком и человеком: в области правовой жизни необходимо быть способным к суждению, и никто из тех, кто не способен выносить суждение, не может быть избран в представительный орган второго члена социального организма. Нечто подобное тогда нужно будет, конечно, проверить: то, что относится к отношениям человека к человеку, этот интерес, это сознательное нахождение себя в жизни, это будет сохраняться в свободном организме, который уже будет здоровым, само собой.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Цюрих, 11 февраля 1919 года

Восемь дней назад я уже говорил, что мы, как люди, интересующиеся антропософским движением, можем существенно углубить жгучие вопросы современности, а также достичь их углублённого понимания в том, что необходимо для современного человечества, чтобы иметь возможность вынести суждение. Мы можем многое понять глубже, чем это возможно в рамках широкой общественности. Мы можем рассматривать себя, как, своего рода, закваску, если мне будет позволено использовать это библейское слово, так что каждый на своём месте, исходя из более глубокого чувства, исходя из более глубокого импульса, попытается привнести нечто в то, что особенно необходимо нашему времени.

Если мы вспомним то, что в качестве основного тона было сказано в публичных лекциях, мы найдём, что для нашего времени речь идёт о том, чтобы попытаться достичь определённого членения социального организма. Я всегда говорю, попытаться достичь не каким-то революционным образом с сегодня на завтра, а [просто] попытаться достичь определённое членение того, что под влиянием определённых течений Нового времени было централизовано. Попытаться достичь того, чтобы вместо, так называемого, единого государства, в свободной самостоятельности, наряду с остальными, развился бы один особый член социального организма, который охватывал бы всё, что относится к духовной жизни: воспитание людей, образование, искусство, литературу, но также, как я уже упоминал и коснусь ещё завтра в публичных лекциях, и то, что относится к управлению частным и уголовным правом. Вторым членом социального организма должно стать тогда в узком смысле то, что до этого времени называлось государством, на которое в Новое время, исходя из течений последних четырёх столетий, хотели взвалить всё возможное: государственные школы, государственное воспитание и так далее. Но также, как раз, под влиянием социалистических и социальных мыслей, сегодня пытаются спаять воедино хозяйственную жизнь и в самом прямом смысле политическую правовую жизнь. Обе их надо снова разделить. В качестве второго члена социального организма должно самостоятельно стоять политическое государство, и самостоятельно, относительно самостоятельно, всё то, что включает в себя циркуляцию товаров, хозяйственную жизнь, экономику.

Сегодня мы хотим рассмотреть эти вещи с той точки зрения, которая не может быть сегодня так легко доступна тому, кто не стоит внутри нашего движения, и хотим довести это до определённой кульминации, так чтобы, исходя из этой кульминации, смогло бы возникнуть более глубокое понимание жизненного положения сегодняшнего человечества. Рассмотрим то, что в земном смысле называется духовной жизнью. Духовная жизнь в земном смысле - это всё то, что каким-то образом поднимает нас над эгоизмом отдельного человека, и сводит вместе с группами других людей. Возьмите ещё в качестве земной духовной жизни ту для большинства людей сегодня ещё значимую духовную жизнь, которая должна опосредовать связь с внеземной духовной жизнью, - возьмите религиозную жизнь, как она протекает у людей в отдельных религиозных общинах. Тут человек некоторым образом сближается с другими людьми, благодаря своим духовным потребностям, то есть, с этими другими людьми его связывают тогда сходные душевные потребности. Посредством воспитания человек заботится о других в духовно-душевном. Когда вы читаете книгу, вы также поднимаетесь над своей индивидуальной, эгоистической жизни, воспринимая не только мысли автора, но и одинаковые мысли других людей, - даже если это не полностью прочитанная книга, - что опять же помещает вас в определённую группу людей, которые переживают в душе одинаковые вещи. Это, ведь, важное характерное свойство духовной жизни, что эта духовная жизнь вытекает из полной свободы, из индивидуальной инициативы

отдельного человека, но что эта земная духовная жизнь сводит вместе с другими людьми, формирует группы из всей человеческой общности.

Этим, однако, для тех, кто ищет более глубокого понимания, уже сказано, кое-что сказано о том, что такая совместная жизнь приближает к центральному событию всего земного развития, к Мистерии Голгофы. Поскольку с того времени, когда разыгралась Мистерия Голгофы, всё то, что относится к совместной жизни людей, принадлежит в определенном смысле к этому импульсу Христа. И это существенно, что импульс Христа принадлежит не отдельному человеку, а человеческой совместной жизни. Понимая в смысле самого Христа Иисуса, было бы большой ошибкой полагать, что непосредственную связь с Христом может иметь отдельный человек. Существенным является то, что Христос жил, умер, воскрес для человечества, для того, чем является человечество в целом. Поэтому, начиная с Мистерии Голгофы, событие Христа сразу же входит в рассмотрение, - мы ещё вернёмся к этому позднее, - когда развёртывается какого-либо рода совместная жизнь людей. Таким образом, также и земная духовная жизнь, которая вытекает из самого индивидуального, из личных предрасположенностей и способностей человека, для действительно понимающих мир приближается к событию Христа.

Теперь, однако, рассмотрим вначале эту земную духовную жизнь саму по себе: религиозную жизнь, систему образования и воспитания, существо искусства и так далее. Посредством этого мы достигаем определённой связи с другими людьми. Тут мы должны различать между тем, что связывает нас с другими людьми посредством собственно судьбы, посредством нашей кармы, и тем, что в этом узком смысле не связано с нашей индивидуальной кармой. С одной стороны, мы имеем определённые связи с другими людьми, которые устанавливаются в нашей жизни, и мы устанавливаем новые связи с отдельными людьми. У нас есть связи, которые являются ничем иным, как следствием других отношений, которые были установлены в прошлой земной жизни. В свою очередь, мы устанавливаем здесь отношения, которые найдут своё кармическое развитие в следующей земной жизни. Существует огромное количество индивидуальных отношений одних отдельных людей с другими отдельными людьми. Эти отношения, которые в основном связаны с нашей кармой в узком смысле, мы должны отличать от дальнейших отношений, в которые мы входим с людьми, благодаря тому, что входим с ними в такие общества, посредством которых мы оказываемся принадлежащими к одной религиозной общине, одному вероисповеданию, что мы с ними одинаково воспитаны, читаем с ними одну и ту же книгу, воспринимаем вместе с ними какое-либо произведение искусства и так далее. Эти люди, с которыми мы таким образом входим в какое-то земное общество, не обязательно должны быть вместе с нами, благодаря кармическим связям из прошлой земной жизни. Правда, есть и такие общества, которые указывают на совместные судьбы в прошлых жизнях, но этих больших обществ, о которых я только-что говорил, это не касается. Это всё же объясняется чем-то другим. Это объясняется тем, что примерно к концу того времени, которое мы проживаем в сверхчувственном мире между смертью и новым рождением, когда приближаемся к моменту нашего нового воплощения, мы входим в духовные отношения, - поскольку к этому времени мы становимся до некоторой степени зрелыми для таких духовных отношений, - с иерархиями Ангелов, Архангелов и Архаев, то есть, с более высокими иерархиями вообще; и тем, что в духовно-сверхчувственном мире до нашего нового воплощения мы приближаемся также к другим человеческим душам, которые будут воплощаться позднее, чем мы, которые каким-то образом должны дольше ожидать своего воплощения. Мы имеем целую сумму сверхчувственных встреч, которые мы осуществляем, как раз, благодаря своей особой зрелости, до того, как через рождение снова втягиваемся в земную жизнь. И эти силы, которые мы при этом принимаем, ставят нас на Земле на то место, где для нас становится возможным переживать такие общества земной духовной жизни, о которых я говорил.

Из того, что я сказал, прежде всего, следует извлечь то, что наша земная духовная жизнь, которую мы переживаем будучи религиозными людьми, будучи воспитанными,

образованными, воспринимающими определённые впечатления от искусства и тому подобного, является не чем-то таким, что определяется только тем, что есть на Земле, но и посредством того, что мы переживаем сверхчувственно, до того, как через рождение спустились к этой земной духовной жизни. Как фигура в зеркале указывает на того, кто отражается, так и земная духовная жизнь указывает на то, что испытал человек до того, как вошёл в земное тело. В этом отношении нет ничего на Земле, что имело бы такую тесную связь, такую реальную, живую связь со сверхчувственным миром, как эта земная духовная жизнь, которая, ведь, обнаруживает и определённые заблуждения, многие заблуждения. Но и эти заблуждения также имеют полную смысла связь с тем, что мы переживаем в сверхчувственном, правда, совсем иначе, но в сверхчувственном. Эта земная духовная жизнь приобретает особое положение на Земле, благодаря тому, что она связана с нашей жизнью до рождения. Ничто другое в земной жизни не связано так тесно с нашей жизнью до рождения, как эта земная духовная жизнь. Это то, на что духовный исследователь должен указать особо. Оно отделяет земную духовную жизнь от другой деятельности, которой человек занимается здесь, на Земле, поскольку в своих сверхчувственных наблюдениях он узнаёт, что эта земная духовная жизнь имеет свои истоки, свои импульсы в сверхчувственной жизни до рождения. Поэтому для учёного духовной науки эта земная духовная жизнь выделяется из других человеческих переживаний.

По-другому обстоит дело с тем, что можно назвать в узком смысле политической, публичной правовой жизнью, той жизнью, которая обеспечивает людям государственный порядок. Как бы напряжённо мы ни пытались исследовать, - также и с помощью самых точных духовно-научных методов, - с чем связана эта государственная, собственно, государственная, политическая правовая, публичная правовая жизнь, мы не сможем обнаружить никакой связи этой жизни с чем-то сверхчувственным. Эта жизнь является полностью земной. Нам нужно только детально понять, что здесь имеется в виду. Что, например, такое, собственно земные, земные политические правовые отношения? Это отношения владения, собственности. Если я являюсь собственником какого-то участка земли, то я являюсь таковым только, благодаря тому, что политические отношения дают мне эксклюзивное право пользоваться этим участком, исключая строительства на нём и так далее. И так обстоит дело со всем, что касается публичного права. То, что является суммой публичных прав, а также суммой всего того, что защищает какое-то общество от вмешательства извне, - всё это государственная жизнь в узком смысле. Это собственно земная жизнь, которая связана только с импульсами, которые действуют для человека между рождением и смертью. Даже если государство считает себя иногда богоданным, в смысле более глубокого понимания всех религиозных верований справедливо следующее. Во-первых, справедливо то, что имел в виду Христос Иисус, когда обращался к людям на языке того времени: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». Он хотел, - особенно по отношению к устремлениям Римской империи, - отделить всё, что является внешней государственной жизнью, от того, что является отражением сверхчувственной жизни. Но всё то, что хочет внести в чисто земную жизнь государства сверхчувственный импульс, например, хочет сделать государство носителем религиозной жизни или носителем института образования, - в чём, к сожалению, в Новое время никто не сомневается, что так должно быть! - всё это характеризовалось глубокими религиозными натурами так, что они говорили: Если то, что является духовно-сверхчувственным хочет каким-то образом вмешиваться в то, что является внешне-государственным, то правит противоправный князь этого мира.

Возможно, вы знаете, что можно было бы много размышлять о значении этого противоправного князя этого мира, и, в конце концов, остаться ни с чем. Только с помощью духовной науки можно выяснить, что под этим подразумевается. Противоправный князь этого мира правит тогда, когда то, что должно относиться только к порядку земных условий, самонадеянно хочет включить в себя духовную и, как мы увидим дальше, экономическую жизнь. Правомерным князем этого мира является только тот, кто включает во внешние

политические отношения государства только то, что имеет свои импульсы в жизни человека между рождением и смертью. Таким образом, мы духовно-научно охватили второй член социального организма. Это то, что ориентируется на импульсы, которые действуют в человеке между рождением и смертью.

Теперь подойдем к третьему, к хозяйственным отношениям. Подумайте над тем, как, собственно, хозяйственная жизнь поставлена в определенное отношение к миру. Вы легко поймете, каково это отношение, если представите себе, какими бы мы были, если бы полностью погрузились в чисто внешнюю экономическую жизнь. Мы были бы мыслящими животными, ни кем иным. Мы не являемся мыслящими животными, только благодаря тому, что кроме хозяйственной жизни мы имеем ещё правовую жизнь, политическую жизнь, государственную жизнь и духовную науку, земную духовную жизнь. То есть, посредством хозяйственной жизни, мы более или менее вытесняем вниз, в подчеловеческое. Но вытесняясь в подчеловеческое, как раз, в этой области подчеловеческого мы можем развить интересы, которые являются в истинном смысле этого слова братскими интересами среди людей. Ни в какой другой области мы не можем так легко и таким само собой разумеющимся образом развить в полном смысле слова братские отношения, как в хозяйственной области.

Что является собственно управляющим в земной духовной жизни? По сути, это личные, пусть и душевные, но всё-таки душевно-эгоистические интересы. От религии человек хочет иметь то, что делает его счастливым. От воспитания он хочет иметь то, что развивает его задатки. От какого-либо художественного или прочего явления, которыми он наслаждается, он хочет иметь радость в своей жизни или проявление своих жизненных сил. Повсюду дело обстоит так, что к тому, что живёт в земной духовной жизни, человека ведёт его более грубый или более тонкий эгоизм.

В свою очередь, в правовой жизни, в политической жизни, мы имеем дело с тем, что делает нас, как бы, одинаковыми существами перед законом. Здесь мы имеем отношения человека с человеком. Мы имеем отношение с тем, чем должно быть наше право. Среди животных права нет! Это также то, благодаря чему, мы возвышаемся в земной жизни над животностью. Но в отношениях, которые мы имеем как в религиозном обществе, в воспитательном обществе, так и в правовом обществе, - во всём этом мы имеем нечто такое, что в определенном отношении основывается на нашем требовании, на том, что хотим как само собой разумеющееся. В области же хозяйственной жизни может проявиться то, что требует преодоления самих себя, что мы не входим в круг наших интересов: братство, учёт интересов другого, такой образ жизни, чтобы другие узнавали что-то через нас.

В духовных отношениях мы что-то принимаем, потому что хотим этого. В правовых отношениях мы претендуем на то, на что должны претендовать, если хотим вести достойную человека жизнь как равные среди равных. А в хозяйственной жизни развёртывается то, что связывает чувства одного человека с чувствами другого человека: братство. Импульсы братской жизни возникают, когда мы устанавливаем определенное отношение между тем, чем владеем мы, и тем, чем владеет другой; тем, в чём нуждаемся мы, и тем, в чём нуждается другой; тем, что есть у нас, и тем, что есть у другого, и так далее. Если мы развиваем в хозяйственной жизни всё больше и больше такого братства, то из этой хозяйственной жизни, как бы, нечто выходит. Это братство в хозяйственной жизни, эти братские отношения среди людей, которые должны излучаться в хозяйственной жизни, если должно произойти оздоровление этой хозяйственной жизни, - это то, что, так сказать, поднимается как пар из хозяйственной жизни, так чтобы, извлекая его из экономической жизни, мы брали его с собой в сверхчувственную жизнь после смерти.

Таким образом, для земной жизни хозяйственная жизнь представляется как низшей, но в ней развивается нечто такое, что из земного через врата смерти импульсирует в сверхземное. Итак, мы духовно-научно рассмотрели третью область социального организма. Развивается нечто такое, что, как бы, выталкивает нас, людей, вниз, в подчеловеческое, но зато нас одаряют тем, что именно из того, что развивается в хозяйственной жизни как братство, мы, проходя через врата смерти, берём нечто с собой в сверхчувственный мир. Как земная

духовная жизнь, которая развивается таким образом, как я это описал, указывает через отражённое на отражаемое, на сверхчувственную духовную жизнь до рождения, точно так же и хозяйственная жизнь с тем, что развилось в человеке под влиянием этой хозяйственной жизни, - в виде социальных интересов, чувств человеческой общности, братства, - указывает на сверхчувственную жизнь после смерти.

Таким образом, мы духовно-научно имеем три разделённые области: духовную жизнь с её указанием на сверхчувственную жизнь до рождения; собственно государственную жизнь с её связью с импульсами, которые разыгрываются между рождением и смертью; собственно хозяйственная жизнь, которая указывает на то, что мы будем переживать после прохождения врат смерти. Как истинно то, что человек является не только земным, но одновременно и сверх земным существом, что он несёт в себе результаты того, что он «пред»-пережил в сверхчувственном до рождения, что он развивает в себе зачатки того, что он должен пережить в жизни после смерти, если так можно сказать, как истинно то, что в этом отношении жизнь человека является тройственной, и что наряду с этими двумя отражениями сверхчувственной жизни человек переживает ещё своё особое земное между рождением и смертью, как истинно то, что эта человеческая жизнь подразделяется в себе на три части, так же истинно и то, что и социальный организм, внутри которого стоит человек, должен подразделяться на три части, если его общечеловеческая душа должна иметь в этом социальном организме своё основание, свою базу. Так что у того, кто посредством духовной науки осознает положение человека во вселенной, есть гораздо более глубокие основания для видения того, что социальный организм должен быть трёхчленным, что человек должен, как бы, зачухнуть, - подобно тому, как он определенным образом зачух в Новое время, что привело затем к страшной катастрофе последних четырех лет, - если всё централизовано, если всё привязывается только к хаотичной, анархически запутанной внешней социальной жизни. Так осмыслить человеческую жизнь, осознать таким образом, что всякое общечеловеческое является частью всего человечества и мира вообще, - это то, что должно постепенно дать человеку углубление духовно-научного познания. Это то, что одновременно является верным познанием Христа для нашего времени и ближайшего будущего. Это то, что, как бы, открывается нам, если мы хотим сегодня слышать Христа. Он сам сказал, - я это часто подчёркивал: «Я с вами во все дни, до скончания земного времени». Это значит, что он говорил не только во времена, когда был на Земле, а что он продолжает говорить, и мы хотим продолжать его слышать. Мы должны не только хотеть читать Евангелии, - что мы, правда, должны делать постоянно, - а мы хотим слышать то, что он живым образом должен открыть нам, благодаря своему постоянному пребыванию среди нас. В этот период он должен открыть нам: Измените свой разум - как сказал его предтеча, Креститель Иоанн, - измените заново свой разум, который откроет вам видение вашего тройственного человечества, которое взывает о том, что также и то, в чём вы живёте как в земном бытии, нуждается в тройственном членении.

Говорится по праву: Христос умер и воскрес для всего человечества, мистерия Голгофы есть общее событие для всего человечества. - Это осознаётся особенно в наше время, когда народы сталкиваются с народами в диких битвах, когда и теперь, после того как события вылились в кризис, преобладает не благоразумие, не сознание общности людей, а дикое упоение победой! Этого нельзя не осознавать. Всё, что мы пережили в последние четыре с половиной года, что мы переживаем сейчас, что нам ещё предстоит пережить, показывает тому, кто способен смотреть вглубь, что человечество, в отношении сознания Христа, вступило в, своего рода, кризис. Человечество вступило в кризис относительно сознания Христа, благодаря тому, что было утеряно правильное чувство общности, утеряны правильные отношения между людьми. И совершенно необходимо, чтобы люди задумались: Как нам снова, правильным образом найти импульс Христа?

То, что его не всегда находят снова, можно видеть из простого факта. До того, как импульс Христа стал, посредством мистерии Голгофы, действенным в земном развитии, тот народ, в котором, как раз, и был рождён Иисус, рассматривал себя как избранный народ, и

верил в то, что Земля может быть счастливой только тогда, когда всё прочее отомрёт и только члены этого народа заполнят всю Землю. Это была в определённом смысле твёрдая вера, поскольку бог Яхве избрал этот народ как свой, и поскольку бог Яхве рассматривался как единый бог. Для того время, до того, как свершилась Мистерия Голгофы, это было оправданное воззрение по той причине, что именно из этого древнееврейского народа должен был выйти Иисус Христос. Но со свершением Мистерии Голгофы на Земле - это сознание должно было прекратиться. После этого это сознание стало устаревшим, после этого на место Яхве-сознания должно было прийти сознание Христа, которое говорит о человеке точно также, как народ Яхве говорит о членах только одного народа. Это трагическая судьба еврейского народа, что он не понял, что дело обстоит так. Но сегодня мы во многом наблюдаем возврат к старому. Сегодня мы переживаем возврат к старому в том, что народы постепенно - даже если они смотрят на это иначе, называют по-другому, - начинают пытаться поклоняться, своего рода, Яхве, но особому Яхве, своему народному богу.

Конечно, при этом не используют религиозные формулировки, как прежде, а высказываются в согласии, так сказать, с образом мышления Нового времени. Образ мышления или мыслительные привычки кажутся мне правильными словами. Сегодня люди привыкли к другим словам. Можно было бы сделать также концессию (уступку), чтобы быть лучше понятым, и, поддерживая моду, вместо слов «мыслительные привычки» или «образ мышления», употребляемых мной в наших кругах, говорить «менталитет». То есть, исходя из сегодняшнего менталитета, действительно следующее: каждый народ хотел бы поставить на пьедестал своего особого народного бога, который был бы только для этого народа. - Это, как раз, привело к тому, что один народ так неистовствует против другого народа. Мы переживаем сейчас возврат к старому в религию Яхве, только так, что эта религия Яхве специализируется, распадаясь на многие Яхве-религии. Сегодня действительно имеет место ветхозаветный возврат к прошлому, атавизм, возврат к Ветхому Завету! Человечество хочет специализироваться на отдельные члены по всей земле, против Христа Иисуса, который жил для всего человечества. Человечество хочет установить народных богов, в смысле Яхве. То, что было оправдано до Мистерии Голгофы, теперь является рецидивом. Это нужно только правильно понять: установление национального сегодня - это возврат к Ветхому Завету. Этот возврат в Ветхий Завет и есть то, что навлечёт на современное человечество суровые испытания, и против чего есть только одно средство: снова духовным путём приблизиться ко Христу.

В связи с этим для интересующегося духовной наукой особым образом возникает вопрос: Как в это наше время, исходя из своего собственного сердца, из собственного импульса своей современной души, найти Иисуса Христа? О том, что этот вопрос очень серьёзный, - я часто говорил об этом² с других точек зрения также и в этой секции Общества, - можно судить из того факта, что многие, как раз, из официальных носителей христианства, собственно, уже потеряли Христа. Сегодня есть множество различно называемых священников, пастырей и так далее, которые говорят о Христе. Они говорят о том, что посредством определённого углубления внутрь себя, посредством определённой внутренней жизни, можно обрести связь с Христом. Пытаясь подробнее понять то, что эти люди имеют в виду под Христом, обнаруживается, что нет никакой разницы между этим Христом и богом вообще, тем, в смысле Евангелия называют Бог-Отец. Есть знаменитые теологи, не правда ли, например, Гарнак³. Здесь, в Швейцарии, ему тоже многие подражают. Гарнак даже издал небольшую книжку «Существо христианства». Там он много говорит о Христе. Но то, что он говорит о Христе, - почему это вообще должно относиться к Христу? Нет никакой причины связывать это с Христом! Это может быть так же хорошо относиться к Богу Яхве. Поэтому вся эта

---

²В лекции «Что делает ангел в нашем астральном теле?», Цюрих, 9 октября 1918 года, и в лекции «Как мне найти Христа?», Цюрих, 16 октября 1918 года, в отдельном издании Дорнах 1975 года, а также в томе «Смерть как преобразование жизни», GA 182.

³Adolf von Harnack (Адольф фон Гарнак), 1851–1930 гг. Профессор богословия в Берлине. «Существо христианства». Лейпциг 1900.

книга о «Существовании христианства» внутренне есть неправда. Она станет правдой, только если её ивритизировать, если её исправить так, чтобы везде вместо слова «Христос» было написано «Яхве». Этим я высказываю истину, и люди сегодня не имеют никакого понятия о том, что это истина. С бесчисленных кафедр в мире говорят о Христе, и люди верят, что там действительно говорят о Христе, потому что они слышат слово Христос. Люди не задумываются над тем, что если из того, что говорит пастор, я вычеркну слово «Христос», и заменю его на «Яхве», только тогда сказанное будет верным! - Видите ли, с глубочайшими нарушениями нашего времени связана определённая неправда. Не думайте, что в тот момент, когда я говорю это, я хочу встретиться с кем-то, чтобы обвинить его или раскритиковать. Это совсем не так. Я просто хочу констатировать одну вещь. Поскольку те люди, которые часто пребывают в состоянии глубочайшей внутренней неправды, можно даже сказать, внутренней лжи, не знают этого, считая, что проявляют добрую волю. Человечеству сегодня трудно прийти к истине, потому что то, что я обозначил сейчас как внутреннюю неправду, неизбежно установлено традиционно. И от этой внутренней неправды, которая, как раз, относительно таких вещей, господствует в неизмеримо большом кругу, излучается та другая неправда, которая овладела сегодня самыми разнообразными отраслями жизни, так что в этих отраслях жизни уже можно поставить вопрос: Что же, собственно, ещё осталось истинного? Где же настоящая правда? - Поэтому особенно среди тех, кто стремится к духовно-научному пониманию, серьёзно возникает вопрос: Как мне найти истинный путь, ведущий к Христу, к этому особенному божественному существу, которое по праву может называться Христом? - Если мы просто родились и живём здесь, на Земле от рождения до смерти душевной жизнью, которая получается согласно обычным задаткам и их развитием между рождением и смертью, то у нас нет никакой причины приходить ко Христу. Тогда, сколько бы духовного в нас ни происходило, у нас нет причин приходить ко Христу. Если мы просто развиваемся между рождением и смертью, не делая ничего определённого из того, что я сейчас опишу, как это делает большинство людей сегодня, тогда мы остаёмся далекими от Христа. - Но как мы приходим к Христу? Инициатива, - даже если она иногда исходит из подсознания или из тёмных чувств, - встать на путь ко Христу должна исходить из нас самих. К богу, который идентичен богу Яхве, можно прийти, если просто жить здоровым образом. Не найти Яхве, - это просто некий вид болезни. Отрицать бога, быть атеистом, означает быть некоторым образом больным. Вообще, если развиваться нормально, то невозможно отрицать бога, поскольку просто смешно верить, что то, что мы несём в себе как здоровый организм, мог бы иметь не божественное происхождение. «Ex deo nascimur», - это то, что в социальной жизни для здоровым образом развивающегося человека выходит само собой. Поскольку, если он не признаёт этого «из божественного я рождён», - то у него должен быть какой-то дефект, который выражается так, что он становится атеистом. Но тут мы приходим к божественному вообще, которое современные пасторы из внутренней лжи называют Христом. К Христу мы приходим только — и я говорю сейчас относительно нашего непосредственного настоящего, - если мы идём ещё дальше, чем то, что мы обычно признаём естественным здоровым образом. Поскольку мы знаем, что Мистерия Голгофы свершилась на Земле потому, что в дальнейшем человек не смог бы найти человеческое достоинство без Мистерии Голгофы, то есть, без импульса Христа. И поэтому мы должны не только, как бы, найти нашего человека между рождением и смертью, но мы должны найти его снова, если хотим быть христианами в правильном смысле, если мы хотим приблизиться ко Христу. Этого нашего человека мы должны снова найти следующим образом. Мы должны стремиться к внутренней честности, мы должны достичь внутренней честности, чтобы сказать себе: В отношении нашего мира мыслей после Мистерии Голгофы мы становимся рождёнными не беспристрастными, мы все рождаемся с определёнными предубеждениями.

В тот момент, когда человека, по Руссо⁴ или как-то иначе, считают совершенным с самого начала, Христа нельзя найти вообще, его можно найти только когда знаешь, что

---

⁴Жан Жак Руссо, 1712–1778 гг.

человек, живущий после Мистерии Голгофы, имеет некий дефект, который он должен компенсировать в жизни здесь собственной деятельностью. Я родился человеком, полным предубеждений, и свободу от мыслительных предубеждений должен вначале только обрести в жизни. И как же я могу её обрести? Единственно и только тем, что я развиваю интерес не только к тому, что я сам думаю, что я сам считаю правильным, а тем, что я развиваю бескорыстный (selbstloses) интерес ко всему тому, что считают другие люди и вообще с чем я сталкиваюсь, и что я считаю ошибочным. Чем больше человек борется за свои свои своенравные мнения и интересуется только ими, тем больше он удаляется в этот момент мирового развития от Христа. Чем больше человек развивает социального интереса для мнения других людей, даже если он считает их ошибочными, чем больше человек освещает свои собственные мысли мнениями других, чем больше рядом со своими собственными мыслями, которые он, вероятно, считает истинными, он ставит те, что развили другие, которые он считает ошибочными, но всё же интересуется ими, тем больше он наполняет глубины своей души словами Христа, которые нужно сегодня пояснить в смысле нового языка Христа. Христос сказал: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне⁵». Христос не прекращает снова и снова открываться людям, до последних земных дней. И так он говорит сегодня тем, кто хочет его слышать: То, что думает меньшей из ваших братьев, вы должны рассматривать так, будто в нём думаю я, будто это я чувствую с вами, когда вы соизмеряете мысли другого со своими собственными мыслями, проявляете социальный интерес к тому, что происходит в душе другого. В том, что вы найдёте как мнение, как взгляд на жизнь в одном из меньших братьев ваших, в этом ищите меня. - Так обращается к нашей мыслительной жизни Христос, который хочет по-новому, - мы приближаемся к этому времени, - открыться людям 20-го столетия. Не посредством того, что человек говорит о божестве гарнаковским образом, так что тот может быть богом Яхве и действительно им является, а посредством того, что человек знает, что Христос есть Бог для всех людей. Но мы не найдём его, если будем эгоистически оставаться в себе со своими мыслями, а найдём его только тогда, когда будем измерять свои мысли мыслями других людей, когда с внутренней толерантностью будем расширять свой интерес ко всему человеческому, говоря себе: С рождением я являюсь человеком полным предубеждений, посредством моего нового рождения из мыслей всех людей во всеобъемлющем социальном чувстве, я найду в себе тот импульс, который является импульсом Христа. Только если я сам рассматриваю себя не как источник всего того, что я думаю, а как члена человечества, вплоть до самых глубин своей души, - только тогда путь к Христу найден. - Это тот путь, который сегодня надо назвать мыслительным путём к Христу. Серьёзной жизненной задачей должно стать самовоспитание посредством того, что мы приобретаем чувство считаться с мыслями других, посредством того, что мы исправляем то, что носим в себе как собственное направление в разговорах с другими. Потому что, если эта жизненная задача не найдёт себе места среди людей, они потеряют путь к Христу. Это сегодняшняя задача мыслей.

Другой путь проходит через волю. И здесь люди сильно направились по путям, которые не ведут ко Христу, которые уводят от Христа. И мы должны заново открыть путь ко Христу в этой другой области. У молодежи ещё есть некоторый естественный идеализм, но сегодняшнее человечество сухо и трезво. Сегодняшнее человечество также гордится тем, что часто называют практикой, что, однако, можно так назвать лишь в узком смысле этого слова. Сегодняшнее человечество не верит в идеалы, черпаемые из источника духовного. У молодежи они ещё есть, эти идеалы. Никогда ещё жизнь взрослых людей не отличалась так от жизни молодежи, как сегодня. Непонимание людей - это вообще то, что характеризует наше время.

Вчера я указывал на глубокую пропасть между пролетариатом и буржуазией. Также старость и юность: как плохо они сегодня понимают друг друга! Это то, что мы также должны очень, очень хорошо осознавать. Попробуем понять молодежь с точки зрения её

---

⁵Евангелие от Матфея, 25, 40.

идеализма. Очень хорошо, но сегодня этот идеализм хотят выбить из молодёжи. Его сегодня хотят выбить, лишая молодёжь воспитания воображения, сказок, легенд, всего того, что уводит от сухого, внешнего чувственного. Всё же трудно будет выбить из юности то, чем является юношеский, естественный, элементарный идеализм. Но что это? Он прекрасен, велик, но он не должен быть единственным, что есть в человеке. Поскольку этот юношеский идеализм является всё же только идеализмом *Ex deo nascimur*, - того божественного, который также идентичен божественному Яхве, который, однако, не должен оставаться единственным после того, как на Земле произошла Мистерия Голгофы. Помимо него должно быть что-то ещё, должно быть дано воспитание, самовоспитание к идеализму. Наряду с врожденным идеализмом юности, нужно обращать внимание на то, чтобы в человеческом обществе приобреталось то, что является приобретённым идеализмом, что является не просто идеализмом, исходящим из крови и юношеского огня, а нечто воспитанное, то, что приобретается только через какую-то инициативу. Воспитанный, а именно, самовоспитанный идеализм, который тогда не может быть утрачен с юностью, - это нечто такое, что открывает путь ко Христу, поскольку это опять же то, что приобретается в жизни между рождением и смертью. Почувствуйте разницу между идеализмом по крови и воспитанным, приобретённым идеализмом. Почувствуйте разницу между юношеским огнём и тем огнём, который разгорается из открытия духовной жизни и который может быть воспламенён снова и снова, поскольку мы приобретаем его в своей душе, независимо от нашего телесного развития; тогда мы усваиваем второй идеализм, который является приобретённым идеализмом, идеализмом не врожденного, а повторного рождения. Это волевой путь к Христу. Другим является мыслительный путь. Не ищите сегодня абстрактные пути к Христу, ищите конкретные пути. Спрашивайте о том, каков этот мыслительный путь, который состоит в том, чтобы стать внутренне толерантным к мнениям всего человечества, в обретении социального интереса к мыслям других людей. Спрашивайте о том, каков волевой путь, - тогда вы найдёте не что-то абстрактное, а обнаружите необходимость воспитания в себе идеализма. Но тогда, когда вы обретёте этот идеализм или привьёте его молодёжи, подрастающей молодёжи, что особенно необходимо, тогда в том, что тут воспитывается как идеализм, вы обнаружите, что в человеке пробуждается стремление делать не только то, к чему подталкивает внешний мир. Из этого идеализма пробивается импульс делать больше, чем того требует чувственный мир, пробивается стремление действовать, исходя из духа. В том, что мы делаем, исходя из воспитанного идеализма, мы осуществляем то, что хотел Христос, который спустился на Землю из внеземных миров не для того, чтобы осуществить просто земные цели, а для того, чтобы осуществить внеземные цели. Но мы срастаемся с ним, только если воспитываем в себе идеализм, чтобы Христос, внеземной в земном, мог действовать в нас. Только в воспитанном, приобретённом идеализме осуществляется то, что хотят сказать слова Павла о Христе: «Не я, но Христос во мне». Тот же, кто не хочет во внутреннем моральном повторном рождении пытаться развить воспитанный идеализм, не может сказать ничего другого, как: Не я, но Яхве во мне. - Но кто усваивает тот идеализм, который надо воспитывать, который надо приобретать, тот может сказать: «Не я, но Христос во мне». Это два пути, следуя которым, мы действительно находим Христа. Следуя им, мы больше не говорим так, что наша речь является внутренней ложью. Тогда мы говорим о Христе как о боге нашего внутреннего второго рождения, тогда как Яхве есть бог нашего [первого] рождения.

Это различие должен найти человек Нового времени, поскольку именно это различие является одновременно тем, что приводит нас к истинным социальным чувствам, к истинным социальным интересам. Тот, кто развивает в себе культивированный идеализм, имеет и любовь к людям. Проповедуй сколько хочешь с кафедры, люди должны любить друг друга. Ты говоришь как черт. Если с ним хорошо поговорить, то он ведь не нагреет комнату, он нагреет комнату, если в нее положить уголь. Тогда не нужно его уговаривать, что это его обязанность — обогреть комнату. Так что всегда можно проповедовать человечеству: любовь, любовь и любовь. Тот, кто развивает в себе приобретённый идеализм, имеет также любовь к

людям. Можно сколько угодно проповедовать людям с церковных кафедр о том, что они должны любить друг друга. Это то же самое, что обращаться к печи. Если вы прочитаете ей проповедь, она не сделает комнату тёплой; но она согреет эту комнату, если вы положите в неё уголь. Тогда вам нет необходимости говорить ей, что это её обязанность делать комнату тёплой. Поэтому вы можете постоянно проповедовать человечеству: любовь, любовь, любовь. Это просто болтовня, просто слова. Если же вы будете работать в том направлении, что человек переживал бы повторное рождение относительно идеализма, что он, наряду с кровавым идеализмом, имел бы душевно воспитанный идеализм, который пронизывал бы его жизнь, тогда вы разожжёте в душе человека и человеческую любовь. Потому что, в какой степени вы воспитываете идеализм в самом себе, в той же степени вы выводите свою душу из своего эгоизма к самостоятельному чувственному интересу к другим людям. Правда, если вы последуете этим двояким путём, путём мысли и путём воли, который я указал вам в связи с обновлением христианства, вы переживёте одну вещь. Из внутренне толерантных и интересующихся чужими мыслями собственных мыслей, и из повторно рождённой воли, - повторно рождённой в приобретённом идеализме воли, - развивается нечто такое, что нельзя назвать иначе, как повышенным чувством ответственности за всё, что ты делаешь и думаешь. Человек, имеющий склонность наблюдать за развитием своей души, если он идёт обоими этими путями, ощутит в себе - в отличие от обычной жизни, когда не следуют этими путями, - повышенное, тонко проявляющееся внутреннее чувство ответственности по отношению ко всем вещам, которые мыслятся или делаются. Развивается такое чувство ответственности, что человек говорит себе: Могу ли я оправдать нечто не только для ближайшего круга своей жизни и ближайшего окружения, могу ли я оправдать это, зная, что принадлежу сверхчувственному духовному миру? Могу ли я оправдать это, зная, что всё то, что я делаю здесь на Земле, будет записано в Акаше-хронике, где оно получит вечное значение, где оно будет действовать дальше? - О, эта сверхчувственная ответственность по отношению ко всему чувствуется тогда очень сильно! Это нечто такое, что подступает к вам как напоминание, когда вы ищете этот двойственный путь Христа, как существо, которое стоит позади вас и постоянно напоминает вам: ты ответственен за то, что ты думаешь и делаешь не только перед миром, но и перед божественно-духовным.

Но это существо, которое стоит за вашей спиной, повышает и утончает ваше чувство ответственности, направляя на совершенно другие пути, нежели у вас были до этого, - это, ведь, то, что ведёт вас к Христу, который прошёл через Мистерию Голгофы. Об этом пути Христа, как его найти и как он проявляется в этом, характеризованном ниже существе, я хотел сегодня с вами поговорить. Поскольку этот путь Христа, как раз, тесно связан с глубочайшими социальными импульсами и задачами нашего времени.

Это я хотел дать вам при этой нашей встрече.

ЧЕТВЁРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Цюрих, 9 марта 1919 года

Это действительно весьма важно, каким образом некоторые люди, которые чувствуют себя призванными говорить о современном положении человека, со своими чувствами и ощущениями, по крайней мере, пытаются понять, как сегодня в мире обстоят дела с социальными вещами. В связи с этой важностью, я хотел бы начать сегодня с нескольких предложений из речи, которую Курт Айзнер⁶ произнес незадолго до своей смерти на

---

⁶Kurt Eisner, 1867–1919 гг. Социалистический политик «Независимой социалистической партии Германии». 1918 Премьер-министр Баварии. Был убит в 1919 году.

собрании базельских студентов⁷. Возможно, многие из вас уже знают эти предложения, но они имеют чрезвычайную важность, если попытаться рассматривать сегодня некоторые вещи симптоматически. «Я не слышу, - говорит он, указывая на то, что было сказано ранее, - или я всё же ясно вижу, что в глубинах нашей жизни живёт и пробивается к жизни то смутное чувство, которое признает, что наша жизнь, то, как мы должны её сегодня проживать, является лишь явным измышлением какого-то злого духа. Представьте себе какого-нибудь великого мыслителя, ничего не знающего о нашем времени, и жившего около двух тысяч лет назад, который в своих мечтах рисовал бы себе картину того, как будет выглядеть мир через две тысячи лет; даже с самой смелой фантазии он не смог бы представить себе мир, подобный тому, в котором обречены теперь жить мы. То, что есть, является в настоящей единственной утопией в мире, и то, чего мы хотим, что живёт в нашем духе как тоска, - это глубочайшая и последняя действительность, а всё остальное ужасающе. Мы просто путаем сновидение и бодрствование. Нашей задачей является стряхнуть это старое сновидение нашей сегодняшней социальной жизни. Взглянем на войну: можно ли представить себе какой-то человеческий разум, который мог бы вообразить такое? Если эта война не была тем, чем её называют, то, может быть, нам это приснились, а теперь мы бодрствуем». Таким образом, подумаете, что для того, чтобы попытаться понять настоящее, этому человеку нужно было прибегнуть к понятию сна, задать себе вопрос: Может быть тогда то, что нас действительно окружает, назвать скорее дурным сном, нежели действительностью?

Возникает примечательный случай, - рассмотрим только самое характерное этого случая, - что полностью современный человек, человек, чувствующий себя глашатаем новой эпохи, смотрит на внешнюю чувственную действительность не в общем как майя, как сон, - как в общем это делало индийское мировоззрение, - а что такой современный дух, посредством особых событий нашего времени, чувствует себя принуждённым, в каком бы то ни было смысле, но поставить вопрос: Не вижу ли я эту действительность во сне! Из всего контекста речи Айзнера всё же следует сделать вывод, что он хотел сказать больше, чем просто фразу, когда произносил слова о том, что эта современная действительность не может быть ничем иным, как чем-то таким, что было наведено на человечество злым духом.

Теперь возьмём кое-что из того, что в ходе наших антропософских усилий было проведено перед нашими душами, возьмём, прежде всего, тот факт, что в общем мы пытаемся рассматривать внешнюю чувственную действительность не как всю действительность, а этой внешней чувственной действительности мы противопоставляем сверхчувственную действительность, которая только и делает эту чувственную действительность истинной, полной действительностью. Но в связи с этим воззрением, которое является, собственно, лишь небольшой искрой в мыслительных течениях нашего времени, в то время как в основном наше время заполняет материалистическое мышление, что, с другой стороны, именно такой человек, как Курт Айзнер, - который, исходя из своей точки зрения, определён, не считается, по крайней мере, в своей физической жизни не считался, с этой маленькой искрой, - будто привязанный фактами современности, хватается ни за какое другое сравнение, как то, что внешняя действительность, по крайней мере, такая, какой она представляется сегодня, является сном. Таким образом, по крайней мере, по отношению к современной действительности, такой человек должен сделать признание, которое может быть выражено лишь сравнением с общей истиной, говорящей о том, что внешняя чувственная действительность носит характер майи.

Давайте теперь посмотрим немного глубже на некоторые вещи, которые в результате наших размышлений над социальным вопросом, прошли через наши души за последние несколько недель. Обратим внимание на то, как складывалось развитие последних столетий, в том смысле, что люди всё больше и больше приходили к отрицанию собственно духовного или сверхчувственного мира, что они, так сказать, ставили себя в распоряжение этому

---

⁷Kurt Eisner, «Социализм и молодежь», лекция, прочитанная в Базеле по приглашению студенческого сообщества Базеля, в Большом музыкальном зале 10 февраля 1919 года. Напечатано и опубликовано в National-Zeitung, Базель, 1919 год.

отрицанию сверхчувственного мира. Конечно, с определённых сторон, - сможете возразить вы, - об этом сверхчувственном мире говорилось ещё многое. Церкви ещё по-прежнему, если даже не совсем наполнены, то, по крайней мере, пронизаны словами, провозглашающими дух. В конце концов, почти всё время сегодня и вчера вечером также и здесь можно было слышать звон колоколов, что также должно быть выражением того, что утверждается в мире как духовная жизнь. Но наряду с этим мы всё же переживаем также нечто другое. Мы переживаем то, что если сегодня делается попытка прислушаться к Христу, услышать то, что хочет сегодня сказать Он, то, как раз, приверженцы старых религиозных общин активнее всех выступают против таких слов духа. Действительную духовную жизнь, не просто такую, которая опирается на веру старых традиций, а непосредственную продукцию духа современности, хотят сегодня всё же очень немногие.

По отношению к этому не обстоит ли, собственно, дело так, будто, пусть не посредством злого духа, а посредством доброго духа, это современное человечество принуждено снова думать о духовности бытия так, что над этим современным человечеством повисла такая внешняя чувственная действительность, о которой один из таких современных умов должен сказать, что она представляется как сон, и даже какой-нибудь величайший мыслитель, живший две тысячи лет назад, не мог бы вообразить себе то, что сегодня стало кажущейся внешней действительностью?

В любом случае такая вера в современный дух принуждает к образованию ещё и других представлений о действительности, помимо тех, которые распространены сегодня. Я знаю, что большое число наших антропософских друзей находят трудными, как раз, эти представления об истинной действительности, которые я сегодня называл важными. Но сегодня нельзя справиться с жизнью, если не иметь доброй вили, чтобы обратиться к таким сложным представлениям. Как люди сегодня мыслят в какой-нибудь определённой области? Вы берёте в руки какой-нибудь кристалл: это действительный предмет. Вы срываете розу с розового куста, и также говорите, что это действительный предмет. В обоих случаях это в одинаковом смысле действительные предметы. Но в одинаковом ли смысле оба эти предмета действительны? Учёные со всех кафедр, во всех лабораториях и клиниках говорят о действительности так, будто действительным является только то, что действительно в том же смысле, что и кристалл или роза, сорванная с куста. Но не является ли внушительной, огромной разницей то, что кристалл длительное время сохраняет свою форму? Тогда как роза через сравнительно короткий срок, после того, как её сорвали с куста, теряет свою форму, - она умирает. Она не имеет в себе того же градуса действительности, который имеет в себе кристалл. И сам розовый куст, вырванный из земли, не имеет больше того же градуса действительности, который он имеет, находясь в земле. Это ведёт нас к тому, чтобы мы всё же рассматривали вещи в мире иначе, нежели это делает сегодняшнее внешнее рассмотрение. Нам непозволительно говорить о действительности, когда мы говорим о розе или розовом кусте. Мы можем говорить о действительности в лучшем случае тогда, когда мы включаем в рассмотрение всю Землю; а розовый куст, как и любое растение на ней, можно рассматривать как волос, растущий из этой действительности.

Из этого видно, что во внешней чувственной действительности есть вещи, которые без своего основания не являются в истинном смысле этого слова действительными. Это значит, что в этой кажущейся внешней действительности, в этой большой иллюзии, нам ещё нужно искать истинную действительность. Человечество уже при рассмотрении природы делает сегодня такие ошибки в отношении действительности. Но тот, кто, как сегодняшнее человечество, делает такие ошибки относительно действительности и уже привык к этому в ходе многих столетий, для того будет чрезвычайно тяжело прийти к соответствующему действительности социальному мышлению. Поскольку, видите ли, ведь, огромное отличие человеческой жизни от природы заключается в том, что природа позволяет отмирать тому, что больше не является полной действительностью: как сорванная с розового куста роза. Внешней видимостью действительности может обладать и то, что не является действительностью, что само по себе является ложью. Но то, что не является

действительностью само по себе, в социальной жизни мы можем реализовать как действительность. Тогда этому нет необходимости тут же отмирать, но оно будет постепенно становится болью и мучением человечества, в то время как оздоровлением для человечества может служить лишь то, что ощущается, мыслится и вселяется в человеческий социальный организм, исходя из полной действительности. Это не просто грех по отношению к социальному порядку, а это грех по отношению к самой истине, когда, например, наше сегодняшнее понимание жизни исходит из того, что человеческая рабочая сила - я уже часто говорил это - может быть товаром. Её можно сделать такой во внешней кажущейся действительности, но такая внешняя кажущаяся действительность становится тогда болью, страданием человеческого социального порядка, давая повод к потрясениям, к революциям в общественном организме.

Словом, сегодня человечеству необходимо учитывать в своих привычках мышления то, что не всё то, что проявляется во внешней кажущейся реальности, как оно проявляется в определённых границах, должно быть истинной действительностью, - оно может быть и жизненной ложью. И эта разница между жизненной истиной и жизненной ложью, - это, как раз, то, что должно очень глубоко засесть в душу (*Gemüt*) сегодняшнего человека. Поскольку, чем больше людей будет ощущать эту разницу, чем в большем количестве людей будет пробуждается чувство, что надо искать не жизненную ложь, а жизненную правду, тем скорее мы сможем добиться оздоровления социального организма. Но что для этого должно произойти?

Ведь, просто так нам не удастся прийти к познанию истинной или не кажущейся действительности какого-нибудь внешнего предмета. Представьте себе, к нам спустилось бы существо с какой-то другой планеты, где царят совсем другие условия, так что это существо никогда бы не заметило разницы между розой, которая растёт на розовом кусте и кристаллом, и если бы перед ним положили рядом друг с другом розу и кристалл, оно думало бы, что оба эти предмета обладают одной и той же действительностью. И оно бы очень удивилось тому, что роза быстро вянет, а кристалл остаётся прежним. Человек на Земле ориентируется в этой действительности только потому, что он прослеживал такие вещи долгое время. Но не всё можно проследить так, чтобы во внешней действительности было видно, что является истинной действительностью, а что нет, как в случае с розой, а есть в жизни такие вещи, в отношении которых вначале необходимо создать себе некую основу, чтобы вообще иметь возможность взглянуть на истинную действительность. Какой же может быть такая основа, а именно, для социальной совместной жизни людей?

Что ж, я подробно говорил вам здесь об этой основе на последней и в предпоследней лекциях для членов этой секции Общества. Сегодня я хочу добавить ещё некоторые вещи. Из моих текстов вы знакомы с описаниями духовного мира, которые я там давал, о мире, который человек переживает между смертью и новым рождением. Вы знаете, что, когда указывается на эту жизнь в сверхчувственном, в духовном мире, необходимо установить отношения, господствующие там от души к душе. Там человек является бестелесным, там человек не подчинён физическим законам этого нашего мира, который мы переживаем между рождением и смертью. Поэтому тут речь идёт о том, что передаётся от души к душе в виде силы, или в виде сил. Почитайте в моей «Теософии», что там говорится в отношении жизни между смертью и новым рождением о силах симпатии и антипатии, действующих в душевном мире от души к душе. Там эти силы действуют полностью внутренним образом от души к душе. Антипатия отталкивает души друг от друга, посредством симпатии они смягчаются. Возникают гармония и дисгармония между самым внутренним, что переживают души. И это переживание самого внутреннего одной души по отношению к переживанию самого внутреннего другой души, - это то, что представляет собой истинные отношения в сверхчувственном мире. И только отблеском этого сверхчувственного является то, что может пережить одна душа с другой во время физической жизни здесь, в физическом мире.

Но суждение об этом отблеске надо, в свою очередь, представить в правильном свете. Можно спросить: Как, рассматривая социально, стоит то, что мы переживаем здесь между

рождением и смертью, по отношению к сверхчувственной жизни? - Тогда, после того, как мы уже часто рассматривали необходимую трёхчленность социального организма, мы обращаем внимание, прежде всего, на средний член, который уже часто обсуждался, - на собственно политическое государство. Люди, которые в наше время размышляли о политическом государстве, всегда пытались понять, что это, собственно, такое, политическое государство. Но у современных людей с их материалистическими представлениями действительно нет никакой правильной основы для такого рассмотрения. Кроме того, в Новое время в соответствии с интересами различных классов людей в современном государстве слилось всё возможное, так что просто так нельзя определить, является это государство действительностью, или жизненной ложью. Лежит целая пропасть между воззрением немецкого философа Гегеля и другим воззрением, которое предлагает в Новое время Фриц Маутнер⁸, автор философского словаря. Гегель видит государство более или менее подобным осуществлённому на Земле богу. Фриц Маутнер говорит, что государство - это необходимое зло. То есть, он видит в нём зло, но такое зло, без которого нельзя обойтись, которое необходимо для человеческого сосуществования. Вот такие противоположные ощущения двух умов.

Поскольку в человеческое сознание помещается теперь многое из того, что раньше формировалось инстинктивно, самые разные люди пытаются составить представления о том, как должно быть устроено государство, каким должно стать государство. В свою очередь, появились также самые разнообразные градации этих человеческих представлений. Тут, с одной стороны, у нас есть благочестивые описатели государства, которые не хотят глубоко вникать в то, чем оно, собственно, является, но всё же хотят придать ему такую форму, чтобы люди, которым есть на что жаловаться относительно этой формы, говорили об этом как можно меньше. И тут есть другие, желающие радикально преобразовать это государство, чтобы на его основе могло развиваться удовлетворяющее человека бытие. Спрашивается: Как вообще можно прийти к видению того, чем же, собственно, является государство?

Получить представление относительно действительности государства, относительно возможной действительности государства, можно только в том случае, если непредвзято взглянуть на то, что может разыгрываться между людьми в государственном отношении, и сравнить это с тем, что разыгрывается, как я только что охарактеризовал, между душами в сверхчувственной жизни. Поскольку, как отношения в сверхчувственной жизни, основанные на базисных силах человеческой души симпатии и антипатии, представляют собой нечто самое внутреннее в человеческой душе, так же и то, что может быть основанием взаимодействия от человека к человеку в жизни просто политического государства, является самым внешним, основанным на законе, на том, где человек сталкивается с другим человеком самым внешним образом. Если это обдумать, вы увидите, что государство является точной противоположностью сверхчувственной жизни. И это государство тем совершеннее в своём существе, чем больше оно является противоположностью сверхчувственной жизни, чем меньше оно включает в свою структуру что-то от сверхчувственной жизни, чем больше оно обращает внимание только на то, что касается самого внешнего правового отношения человека к человеку, где все люди равны, равны перед внешним законом. Всё глубже и глубже люди будут проникаться той истиной, что совершенство государства состоит, как раз, в том, что в нём не ищут ничего, кроме того, что принадлежит нашей жизни между рождением и смертью, что принадлежит нашим самым внешним отношениям.

Тогда, однако, надо спросить: Если государство, благодаря тому, что оно является противоположностью сверхчувственной жизни, является лишь отблеском сверхчувственной жизни, то как тогда это сверхчувственное проникает в нашу прочую чувственную жизнь? - В прошлый раз я вам об этом уже говорил, но с другой точки зрения. Сегодня же я хочу вам сообщить также о том, что от антипатии, которая развивается в сверхчувственном мире

---

⁸Fritz Mauthner, 1849–1923 гг. «Beiträge zu einer Kritik der Sprache» («Соображения к критике языка»), 3 тома, 1901–1902 гг.

между смертью и рождением, остаются ещё определённые остатки, остатки антипатий, с которыми мы через рождение вступаем в физическое бытие. Им в физической жизни противодействуют, благодаря всему тому, что изживается в, так называемой, духовной жизни, в духовной культуре. Там люди объединяются в религиозные общины, там они объединяются в другие духовные группы; там они должны найти противовес для определённых антипатий, оставшихся из жизни до рождения. Вся наша духовная культура должна быть неким организмом в себе, поскольку она является отблеском нашей жизни до рождения, поскольку она, как бы, выдвигает здесь, в чувственном мире, людей, наделённых способностью создавать, своего рода, лечебное средство против остатков антипатий, оставшихся от сверхчувственного мира. Вот почему так ужасно, когда люди вызывают разделения в духовной жизни вместо того, чтобы, как раз, по-настоящему объединяться в духовной жизни. Остатки антипатий, которые остаются с нами из духовной жизни до рождения, прорываются из глубин человеческой души и не позволяют тому, к чему, собственно, следует стремиться, стать истиной: настоящей духовной гармонии, действительным духовным сотрудничеством. Там, где должно быть последнее, тут же возникают секты. Эти образования сект и разделения на секты являются ещё находящимися здесь, на Земле, знаками отблесков антипатий, из которых возникает вся духовная жизнь, и для которых, собственно, она (духовная жизнь) должна развиваться как лечебное средство. Мы должны воспринимать духовную жизнь как нечто такое, что стоит в тесной связи с нашей жизнью до рождения, что уже в определённом отношении родственно сверхчувственной жизни. Поэтому мы не должны впадать в искушение организовать эту духовную культурную жизнь как-то иначе, нежели как свободную жизнь за пределами государства, которое в этом смысле является не отблеском сверхчувственной жизни, а должно быть её противоположностью. И мы получим некое Представление о том, что является действительностью в государстве и в духовной культурной жизни только тогда, когда к нашей чувственной жизни мы прибавим сверхчувственную жизнь. Только обе они вместе составят истинную действительность, в то время как просто чувственная жизнь является чистым сновидением.

Хозяйственная жизнь, в свою очередь, имеет совершенно другие особенности. В хозяйственной жизни один человек работает для другого. Один человек, как правило, работает для другого, поскольку он, как и другой, находит при этом свои преимущества. Хозяйственная жизнь исходит из потребностей и состоит в удовлетворении этих потребностей, в разработке на физическом плане всего того, что может удовлетворить грубые естественные потребности, а также и более тонкие, но всё же более инстинктивные душевные потребности. Тут, в рамках этой хозяйственной жизни бессознательно развивается то, что, в свою очередь, воздействует на жизнь после смерти. Та работа, которую люди выполняют друг для друга из эгоистических потребностей хозяйственной жизни, развивает в своих основах зачатки определённой симпатии, которая должна сформироваться в нашей душе в жизни после смерти. Как духовная культурная жизнь является, своего рода, лечебным средством по отношению к остаткам антипатий, которые мы приносим с собой из жизни до рождения, так и то, что разыгрывается за кулисами хозяйственной жизни, пронизано зачатками для симпатий, которые должны развиваться после смерти. Это, опять же, другая точка зрения на то, каким образом мы можем познать необходимость трёхчленности социального организма, исходя из сверхчувственного мира. Правда, такой точки зрения не сможет достигнуть тот, кто не стремится овладеть духовно-научными основами познания мира. Но для того, кто усвоит эту духовно-научную основу, требование, что здоровый социальный организм должен подразделяться на эти три члена, становится всё более и более само собой разумеющимся, поскольку эти три члена имеют совершенно различные связи со сверхчувственной действительностью, которая, как было сказано, составляет истинную действительность только вместе с чувственной действительностью.

Но об этих связях внешнего физического бытия, как оно разворачивается в духовной культурной жизни, государственной жизни и хозяйственной жизни, человечество в последние столетия больше не говорило. Оно продолжает старые традиции, которые, однако, остались

непонятыми. Оно отвыкло следовать пути в духовный мир в непосредственной душевной жизни, чтобы искать в этом духовном мире свет, способный осветить физическую действительность так, чтобы её можно было правильно понять. Тон к такой бездуховной жизни задали правящие круги человечества. Посредством этого между классами людей образовалась глубокая пропасть, которую сегодня надо искать в основании всей жизни, и которую люди действительно не должны проспять. Позвольте мне напомнить вам, как до июля и августа 1914-го года люди, принадлежащие к правящим, ведущим классам, хвалились тем, к чему привела нас наша цивилизация, как они её называли. Они ссылались на то, как можно достичь молниеносной передачи мыслей на огромные расстояния посредством телеграфа и телефона, как далеко продвинули нас другие сказочные достижения новой техники, культурная цивилизованная жизнь. Но эта культурная цивилизованная жизнь стояла, как раз, на том основании, которое привело нас сегодня к ужасной катастрофе. Перед июлем и августом 1914-го года европейские государственные деятели, особенно в центрально-европейских государствах, - это можно подтвердить документально, - несчётное количество раз подчеркивали: при нынешнем положении дел мир в Европе обеспечен надолго. - Особенно государственные деятели Центральной Европы, использовали такой род речи, обращаясь к своим партиям. Я мог бы показать вам такие речи ещё от мая 1914 года, где говорилось: То, как теперь, посредством наших дипломатических отношений, установлены отношения между государствами, даёт нам возможность верить в прочный продолжительный мир. - Это было в мае 1914-го года! Но тот, кто понимал тогдашнюю ситуацию, должен был говорить иначе. Тогда, на лекциях в Вене, перед войной, я сказал то, что часто говорил в последние несколько лет: Мы живём внутри того, что можно назвать только человеческим социальным раком, карциномой общественного порядка. Эта карцинома, эта опухоль лопнула и стала тем, что называется мировой войной.

В то время, конечно, выражения: мы живём внутри карциномы, мы живём в социальной опухоли, - звучали для людей как образы, как фразы, поскольку мировая война разразилась только после этого. Поскольку люди не имели никакого понятия, что они танцуют на вулкане. Для многих так же обстоит дело и сегодня, когда указывается на другой вулкан, который заключается в том, что ещё только поднимается для формирования того, что всегда называлось социальным вопросом. Поскольку люди так любят спать перед лицом действительности, они не узнают в этой действительности истинных сил, которые только и делают саму эту действительность истинной.

Видите ли, поэтому так трудно подвигнуть сегодняшних людей к тому, что так необходимо: к делам, связанным с тремя членами здорового социального организма, к необходимости работать над этой трёхчленностью. Чем же отличается способ мышления, выражающийся в требовании этой трёхчленности, от других способов мышления? Видите ли, другие способы мышления исходят, собственно, из мыслительных построений о том, каким может быть наилучший социальный миропорядок, как сделать так, чтобы люди могли достичь наилучшего социального миропорядка. Обратите внимание на отличие этого способа мышления от того, что лежит в основе трёхчленного социального организма. Эта трёхчленность совсем не исходит из того, чтобы спрашивать: Какой наилучший порядок в социальном организме? - А она атакует действительность: Как организовать самих людей, чтобы они свободно включались в социальный организм и могли действовать вместе, чтобы это было правильным? - Этот образ мышления апеллирует не к принципам, не к теориям, не к социальным догмам, а он апеллирует к людям. Он говорит: Поместите людей в эти три члена социального организма, и эти люди скажут, каким должен быть социальный порядок. - К реальным людям апеллирует этот образ мышления, а не к абстрактным теориям или абстрактным социальным догмам.

Если бы человек жил один, он никогда не развил бы человеческую речь. Человеческая речь может возникнуть только в социальной общности. У человека, живущего в одиночестве, не развивается также и социальное мышление, социальные чувства и социальные инстинкты. Социальная жизнь может развиваться только в правильном сообществе.

Но тому, чтобы это произошло, препятствует очень многое. А именно, благодаря тому, что в последние столетия утвердился материализм, человек оказался отдалённым от истинной действительности. Он стал чуждым истинной действительности. Он стал одиноким в своём внутреннем. И самыми одинокими стали те, кто был вырван из жизни и оказался связан только со скучной машиной, с фабрикой, с одной стороны, и с бездушным капитализмом, с другой стороны. Пустой стала человеческая душа. Но из этой опустошённой души выходит тогда то, что может выйти, как раз, из отдельного индивидуального, персонального человека. То, что может выйти из этого отдельного индивидуального, персонального человека, - это внутренние мысли, внутренние восприятия сверхчувственного мира, а также воззрения, объясняющие нам внешний, чувственный природный мир. Но именно тогда, когда мы становимся по-настоящему одинокими, когда мы действительно можем опираться только на самого себя, - тогда это лучшая душевная конституция для всего того, что должно развить познание для отдельного человека в его отношениях с природным и духовным миром. Этому противостоит то, что должно развиться как социальное мышление. Только тот, кто обдумает это, может правильно судить о важном историческом моменте, в котором мы сейчас находимся. В какой-то момент мирового развития люди должны были стать настолько одинокими, чтобы из этого одиночества своей души они захотели развивать духовную жизнь. Самыми одинокими были великие мыслители, которые жили в кажущихся абстрактных высотах и которые только в своих абстракциях искали путь к сверхчувственному миру.

Но человек должен, конечно, искать путь не только к сверхчувственному миру и к природе, он должен, исходя из своих мыслей, искать путь к социальной жизни. Но поскольку эта социальная жизнь не может развиваться в одиночестве, а только в действительном сопереживании другим людям, то одинокий человек Нового времени не особо подходил для развития социального мышления. Именно тогда, когда он хотел действительно проявить своё внутреннее, то, что выходило из его внутреннего становилось асоциальным, не становилось социальным мышлением. Таким образом мы живём в противоречивых явлениях. Более поздние склонности и стремления людей привели к развитию духовных сил, которые рассчитаны на уединение, и которые, посредством ариманического материализма, завели их на неверный путь.

Вес этого факта будет замечен, если, например, спросить себя то, что для многих людей сегодня является ужасающим. Этим людей можно спросить: Что вы называете большевистским? - Ленин, Троцкий, скажут эти люди. Но я знаю ещё третьего большевика, который, правда, не живёт непосредственно сейчас, и этот третий - никто иной, как немецкий философ Иоганн Готлиб Фихте. Вы уже несомненно многое слышали об идеальном спиритуальном образе мышления Иоганна Готлиба Фихте. Вы можете познакомиться с его взглядами, которые он изложил в своей книге «Geschlossenen Handelsstaat» («Замкнутое торговое государство»), которую можно за дешёво купить в любой рекламной библиотеке. Почитайте, как Фихте представляет себе блага людей и их распределение согласно общественному порядку, а затем сравните это с тем, что пишут Троцкий или Ленин, и вы обнаружите замечательное совпадение. Тогда вы станете сомневаться в чисто внешних утверждениях и суждениях, и у вас возникнет искушение спросить: Что же тут, собственно, за этим стоит? - Если вы затем займётесь этим более основательно, если вы попытаетесь для себя прояснить, что за этим стоит, вы придёте к следующему: вы будете исследовать особое духовное направление, которое встречается сегодня среди наиболее радикальных людей, вы, вероятно, попытаетесь исследовать, как раз, души Троцкого и Ленина, особый образ мышления, формы мышления, и тогда вы спросите себя: как же стали мыслимы такие люди? - В ответ вы получите: они мыслимы, с одной стороны, при ином социальном порядке и мыслимы при нашем социальном порядке, который складывался на протяжении столетий в свете или, собственно, во тьме, во мраке материализма. - Предположим, Ленин и Троцкий развивались при другом социальном порядке. Кем бы они, возможно, стали, если бы их духовные силы развивались совсем другим образом? Глубокими мистиками! Поскольку то,

что живёт в подобных душах, например, в какой-то религиозной атмосфере могло стать глубочайшей мистикой. В атмосфере новейшего материализма это стало тем, что оно есть.

Если вы возьмёте «Замкнутое торговое государство» Иоганна Готлиба Фихте, то это социальный идеал человека, который действительно самым интенсивным образом стремился следовать высшими путями познания, который развил мышление, всегда склонявшееся к сверхчувственному миру. Когда же он захотел из самого себя вывести социальный идеал, то это было, конечно, чистым построением человеческого сердца, но именно то, что делает нас пригодными для достижения высших идеалов познания на внутреннем пути, делает нас, если мы хотим применить это к социальной жизни, непригодными для развития социального мышления. В таком духовном существе, как его развивал Фихте, может следовать своими путями только один человек. Социальное же мышление должно развиваться в человеческом обществе. И основная задача мыслителя состоит тогда в том, чтобы указать, как можно обустроить общественный организм так, чтобы люди правильно работали вместе, чтобы оправдать социальное в самом социальном. Поэтому я не говорю вам, или не говорю современным людям, что личную собственность на средства производства или общественную собственность на средства производства нужно осуществлять так-то и так-то, а я говорю: Пытайтесь работать в том направлении, чтобы социальный организм был расчленён на три члена, - тогда и то, что стоит в кругу действия капитала будет управляться из духовной области, а правовая жизнь будет вливаться в него из политического государства. Тогда правовая жизнь и духовная жизнь будут взаимодействовать правильным образом. И тогда наступит та социализация, при которой то, что приобретается сверх собственного потребления, будет на основе определённых правовых понятий непрерывно переводиться в духовную организацию. Оно снова возвращается к духовной организации.

Сегодня такая организация есть только в области духовной собственности, где она никому не бросается в глаза. Нельзя сохранять свою духовную собственность для своих потомков дольше какого-то определенного периода времени, - самое большее, через тридцать лет после смерти, она становится общей собственностью. Следует только помнить, что это может быть образцом возврата того, что выработано человеческими индивидуальными силами, а также того, что есть в капиталистическом порядке, возврата снова в социальный организм. Тогда спрашивается только, в какой части? В той части, которая может правильным образом управлять индивидуальными духовными, а также прочими индивидуальными человеческими силами: в духовном организме. Люди будут делать это так, Если люди правильным образом стоят в социальном организме, они будут делать так. Это обуславливается таким образом мышления.

Я могу предположить, что в каждом столетии эти вещи будут делаться по своему: абсолютных правил для этих вещей нет. Но в наше время привыкли на всё смотреть с материалистической точки зрения, и поэтому больше ничего не рассматривается в правильном свете. Я уже много раз говорил о том, что в наше время рабочая сила стала товаром. Против этого обычный трудовой договор не помогает, поскольку он исходит из того, что рабочая сила является товаром, и он заключается о работе, которую рабочий должен выполнить для предпринимателя. Здоровые условия смогут установиться только тогда, когда договор будет заключаться не о работе, - когда работа будет устанавливаться политическим государством, а договор будет заключаться о распределении производимого продукта между рабочими физического труда и рабочими умственного труда. Договор может быть заключён только о производимом товаре, но не об отношении рабочей силы к предпринимателю. Только тогда эти вещи смогут быть поставлены на здоровое основание.

Но теперь люди спрашивают: Откуда происходят все беды социальной жизни, присущей капитализму? - Вы скажете: они происходят из хозяйственного порядка капитализма. - Но от этого хозяйственного порядка никакого вреда быть не может, а вред возникает от того, что, во-первых, у нас нет настоящего трудового права, должным образом защищающего труд, во-вторых, от того, что мы не замечаем, что живём во лжи, что у рабочего отнимают его долю. Но на чём основывается этот отъём? Не на хозяйственном порядке, а на том, что, собственно,

самим общественным порядком даётся возможность того, что индивидуальные способности предпринимателя неверным образом делятся с рабочим. При обхождении с товарами необходимо делиться, поскольку они производятся сообща, как рабочими умственного, так и рабочими физического труда. Но что это значит, благодаря своим индивидуальным способностям, отнимать у кого-то то, что у него отнимать нельзя? Это значит, обманывать его, обделять его! Нужно только здоровым образом и непредвзято взглянуть на эти отношения, и тогда становится понятно: причина этого лежит не в капитализме, а в злоупотреблении духовными способностями. Тут вы имеете связь с духовным миром. Сделайте вначале здоровой духовную организацию, чтобы духовные способности больше не развивались в том направлении, что они обделяли бы того, кто должен работать, тогда вы сделаете социальный организм здоровым. Повсюду важно быть способным видеть правильное.

А для того, чтобы уметь видеть правильное, человеку нужны предписания, правила. Сегодня время таково, что правильные предписания могут прийти только из духовной жизни. Поэтому ориентация на эту духовную жизнь должна быть серьёзной. И постоянно нужно обращать внимание на то, что сегодня недостаточно просто указывать на то, что люди должны верить в дух. О, теперь многие пророки начинают говорить о необходимости верить в Духа! Но речь идёт не о том, чтобы люди только говорили: Чтобы излечиться от нынешних нездоровых отношений необходимо, чтобы люди от материализма снова обратились к духу. - Нет, простая вера в духа не принесёт сегодня никакого исцеления. Прославленные пророки могут сколько угодно повторять: Новая жизнь сделала людей внешними, они должны стать более внутренними. Эти пророки могут сколько угодно говорить: Христос до сих пор был только для личной жизни, а теперь он должен войти в государственную жизнь. - Этим нельзя достичь абсолютно ничего. Поскольку сегодня речь идёт не о том, чтобы просто верить в духа, а о том, чтобы мы были наполненным этим духом так, что именно через нас он входил бы во внешнюю материальную действительность. Дело не в том, чтобы говорить сегодня людям: Верь в духа, - а сегодня надо говорить о таком духе, который действительно овладеет материальной действительностью, который действительно скажет, как необходимо расчленив социальный организм. Ведь, бездуховность состоит сегодня не в том, что люди не верят в духа, а в том, что они не могут состоять с духом в такой связи, что дух был бы в состоянии оказывать воздействие на материю в действительной жизни. Неверие в духа основано не на том, что дух просто отрицается, а на том, что предполагается существование просто материи, которая бездуховна. Сколько сегодня есть людей, которые говорят, и даже видят в этом что-то необыкновенно благородное: Ах, это просто внешняя материальная жизнь, в ней нет ничего духовного, её надо избегать, от этой внешней материальной жизни надо отворачиваться и обращаться к особой жизни духа. - тут материальная действительность, тут обрезают свой купон, направляются в медитационную комнату и уходят в духовный мир. Два замечательных течения жизни, тонко отделённые друг от друга! Сегодня об этом речь не идёт. Сегодня речь идёт о том, чтобы дух был в человеческих душах (Gemütern) настолько силён, что этот дух не только говорил бы о благословении и спасении человека, а проникал бы в то, что мы хотим делать во внешней материальной действительности, чтобы мы позволили духу войти, втечь в эту внешнюю материальную действительность. Человеку свойственно обычным образом говорить о духе. И в связи с этим многие люди могут оказаться в состоянии особого противоречия. Драматическая фигура Анценгрубера человека⁹, отрицающего Бога, усиливает это, в частности, словами: «Если истинно то, что на небесах есть Бог, то я атеист», - эта фигура внутренне противоречивого человека присутствует и сегодня, хотя и не так очевидно, как эта драматическая фигура Анценгрубера, но отнюдь не редкость. Потому что в таком стиле сегодня говорят очень часто: «Если истинно то, что на небесах есть Бог, то я атеист!».

---

⁹Людвиг Анценгрубер (1839-1889) - австрийский писатель. «Ein Faustschlag», драма, действие 3, сцена 6, Каммауф: «потому что ... так же верно, как жив Бог - я атеист!»

Все это включает в себе предупреждение обращать внимание не на просто веру в дух, а, прежде всего, пытаться найти дух таким образом, чтобы этот дух нас укреплял, чтобы понимать также и внешнюю материальную действительность. Тогда человек действительно перестанет говорить слово дух, дух, дух в каждом предложении. Но тогда, посредством того способа, каким он рассматривает вещи, человек будет доказывать, что он рассматривает их с духом. Сегодня важно рассматривать вещи с духом, а не просто говорить о духе. Это надо понимать, чтобы не путать постоянно антропософскую духовную науку со всей этой болтовнёй о духе, которая сегодня так популярна. Сегодня постоянно можно слышать о том, что, когда здесь или там какой-нибудь воскресный проповедник светского сорта вещает в лучшем стиле, тогда говорят, что его речи, ведь, полностью в духе антропософии. Но обычно он говорит, как раз, обратное! Именно на это надо обращать внимание. Важно это.

Тот, кто осознает это, будет тогда недалёк от понимания того, что, как раз, такое благонамеренное, я бы сказал, будто из предчувствия трагической смерти произнесенное предложение, подобное тому, что я прочитал вам у Курта Айзнера, является особенно ценным потому, что звучит как признание: В сверхчувственное я, собственно, всё же всерьёз не верю, по крайней мере не хочу обращаться к этому сверхчувственному пока жив. Но те, кто говорит о сверхчувственном, всегда повторяли: Чувственная действительность здесь является лишь половиной действительности, она подобна сновидению. И я должен всматриваться в форму, которую эта чувственная действительность приняла в современной социальной жизни, и тогда она кажется мне очень похожей на сновидение. Тогда это так, что надо сказать, что эта действительность является явным изобретением какого-то злого духа.

Определённо, это признание заслуживает внимания. Но не может ли быть также иначе? Не может ли то, что столь трагическим, ужасным образом показывает людям нынешняя действительность, быть воспитывающим действием доброго духа, чтобы в том, что кажется дурным сном, искать истинную действительность, которая является соединением чувственного и сверхчувственного? Совсем не нужно смотреть на это настоящее пессимистически, из него можно также черпать силу для, своего рода, оправдания этого существования. Но тогда больше нельзя будет останавливаться на чувственном, тогда придётся найти выход из чувственного в сверхчувственное. Тот, кто не хочет сегодня искать этот путь, должен был бы быть недалёковидным, если бы не говорил себе: Эта действительность является изобретением злого духа! - Но тот, кто разовьёт в себе волю для того, чтобы из этой действительности подняться к духовной действительности, сможет также говорить о воспитании добрым духом. И несмотря на всё, что мы видим сегодня, мы всё же можем быть уверены, что люди найдут выход из трагического положения настоящего. Но, конечно, с учётом того, что надо способствовать социальному оздоровлению.

Это я хотел сегодня добавить к тому, что сказал в прошлый раз.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Хайденхайм, 12 июня 1919 года

Мы живём в то время, когда можно было бы заметить, к чему, собственно, стремится, так называемая, антропософская духовная наука. И было бы, вероятно, прекраснейшим плодом этих антропософских устремлений, если бы в сердцах и душах участников этого движения стало убеждением, что огненные знаки нашего времени являются тем, что может служить доказательством необходимости возникновения и существования этого духовно-научного движения. Как бы бурно ни происходило то или иное во внешнем мире, как бы ни выглядело

то или иное, что хочет выработаться из глубинных оснований человеческого развития, собственную природу и суть того, что происходит, можно ухватить, только обращая внимание на те события, которые сегодня ещё ускользают от обычного человеческого взгляда, и которые воспринимаются, собственно, только тогда, когда мир рассматривается с духовной точки зрения.

Я хотел бы начать с того явления, которое сегодня едва ли замечается за множеством бурных событий. Оно выглядит незаметными и незначительными, но для того, кто, исходя из духовных оснований, приобрёл способность рассматривать жизнь в соответствии с действительностью, оно, так сказать, налицо.

Уже прошло приблизительно семь, восемь, десять лет - как бы парадоксально это ни звучало, но это так, - с тех пор, как настоящий наблюдатель жизни мог заметить, что новорождённые дети появляются на свет с совершенно другим лицом, нежели раньше. Конечно, этого не замечают, поскольку на такие вещи не обращают внимания, поскольку сегодня вообще не обращают внимания на важнейшие вещи жизни. Но тот, кто отточил взгляд на такие вещи, знает, что на лицах многих, рождённых семь, восемь или десять лет назад детей накладывается нечто вроде озабоченности, нечто вроде выражения закрытости от мира. Я бы сказал, уже с первых дней, первых недель это можно заметить в физиогномике детского лица: это нечто другое, нежели было раньше. И, следуя этому странному, ещё парадоксально звучащему для многих людей факту, замечаешь, что детские души спустившиеся через рождение в этот мир, уже несут в себе то, что затем почти с самого рождения придаёт их лицам, часто скрытое за смехом, меланхолическое выражение, которого раньше не было. И в душах, разумеется совершенно бессознательно, живёт нечто от настроения нежелания входить в жизнь. Души, которые сегодня проходят через рождение, - как уже было сказано, это происходит уже почти десять лет, - чувствуют нечто вроде препятствия, помехи при входе в этот физический мир.

Дело обстоит так, что человек, до того, как он через зачатие и рождение входит в физический мир, переживает в духовном мире какое-то важное событие, которое затем посылает свои лучи, оказывает своё влияние на грядущую жизнь. Люди умирают здесь, на Земле, они проходят врата смерти, оставляют своё физическое тело, приносят свои души в духовный мир. Эти души ещё несут в себе воздействия всего того, что они пережили и узнали здесь, в физическом мире. По сути, проходя врата смерти, они выглядят так, каковы сами эти воздействия, как то, что было проделано непосредственно здесь, в земной жизни. Такие души, прошедшие через врата смерти, встречают - это факт, я могу об этом только рассказать, поскольку эти вещи можно извлечь только посредством опыта духовного мира, - встречают те души, которые имеют намерение в ближайшее время спуститься в физическое тело. И это важное событие, эта встреча душ, которые только-что прошли врата смерти, с теми душами, которые скоро войдут в физический мир через врата рождения. Это событие несёт в себе нечто решающее. Оно подобно прививке для спускающихся душ, дающее им представление о том, что их ждёт. И от этой встречи происходит импульс, который отпечатывается на лицах рождающихся сегодня детей своеобразную меланхолию. Они не хотят в тот мир, о котором они узнают при этой встрече. Поскольку они знают, как будет, как бы, взъерошено их «духовное оперение» тем, что сегодня на Земле проделывает человечество, погруженное в материалистическое настроение и материалистическое мировоззрение, а также в материалистическую деятельность. Это событие, которое, конечно, может быть констатировано только духовно, включает, между прочим, сильно действующее освещение всего нашего настоящего, только благодаря которому, его и можно понять, и также необходимо понимать.

Я начал с события, которое, конечно, можно понять только, исходя из духовного видения. Но другие события сегодня говорят нам громко и ясно, и они также без духовного видения могли бы непосредственно обратить на себя внимание каждого, не идущего сонно по жизни человека. Мы видим, как за последние четыре-пять лет к великому несчастью мира распространилась огромная катастрофа мировой войны. И мы снова и снова оглядываемся

назад, - я думаю, это должна делать каждая бодрствующая душа, - на то, что внешним видимым образом привело к этой ужасной катастрофе. Мы смотрим на протекание этой катастрофы, и, наконец, смотрим на то, что как результат вышло сегодня из этой катастрофы, распространившись на обширные области мира. Для каждой бодрствующей души должно бросаться в глаза одно. Возьмите, например, тот странный факт, что эта катастрофа мировой войны разразилась над Центральной Европой, и что, собственно, - ведь, это так, - никто не хотел бы знать, каким образом это случилось. Люди спрашивают себя, как это случилось, обвиняют в этом того или другого, но в конце концов, когда они затем находят основания для обвинения того или другого, они всегда говорят себе: Но так же не может быть, должны же быть ещё какие-то другие причины.

Люди говорят себе: Из этой катастрофы мировой войны вышло огромное социальное движение. Люди, - будь они членами какой-то партии или беспартийные, - пытаются понять, что, собственно, должно произойти в рамках этой социальной катастрофы. Ведь, всё, что люди думают об этом, по отношению к этим событиям являются, собственно, лишь мумиями мыслей, - мыслями, которые совершенно не соответствуют размаху событий и их характеру. И если взглянуть ещё более внимательно, то, как раз, сейчас, когда появился целый ряд персон, как бы, непосредственно участвующих в возникновении катастрофы мировой войны, после того, что эти люди написали, надо сказать себе: Действительно ли 4-5 лет назад они стояли внутри этих событий? Осознавали ли они, что они делают? Имели ли они понятие о последствиях того, что состряпал их разум? Сегодня всё больше и больше людей должны были бы признать нечто вроде того, что, относительно тех трёх-четырёх часов, когда он должен был принять важнейшие решения, сказал в суде русский министр Сухомлинов¹⁰: Тогда я должно быть потерял разум, тогда я должно быть сошёл с ума!

Такие события говорят о многом. И они указывают на то, что смятение духа охватило самые широкие круги. И всякий, кто действительно имеет всё необходимое для того, чтобы взглянуть в ужас происходящих в мире событий, придёт к выводу, - и к этому выводу будет приходить всё больше и больше людей: не хватало не столько морального, сколько интеллектуального, не хватало способности как-то понимать мировые события. И сегодня ничем не отличается. В основном, насколько беспомощно подавляющее большинство человечества стоит перед лицом произошедших в мире событий. И с тех пор ничего не изменилось. Как, по сути, беспомощно стоит большинство человечества перед разразившимися в мире событиями. Тут должен был бы появиться самый серьёзный вопрос: В чём, собственно, причина всего этого? В основании этого лежит нечто такое, что, как раз, для нашего пронизанного материалистическим настроением времени чрезвычайно трудно понять: что, как раз, с того времени всемирной истории, когда волна материалистического мировоззрения поднялась особенно высоко, в человеческую жизнь хочет войти воистину самая сильная духовная сила, которая когда-либо хотела войти в неё из духовного мира. Это самое характерное нашего времени. С начала последней трети 19-го столетия человечеству во всей своей мощи хочет открыться дух, духовный мир. Но люди постепенно достигли той точки своего развития, где для восприятия чего-либо в мире они хотят использовать в качестве инструмента только своё физическое тело. Исходя из своего материалистического мировоззренческого настроения, они привыкли даже теоретически отстаивать то, что инструментом для мышления и даже для чувствования, и даже для воления, является физический мозг. Они внушили себе, что физическое тело является инструментом для всей духовной жизни. Они внушили себе это не без основания. Они имели на то свою причину, а именно ту причину, что в рамках человеческого развития люди постепенно пришли к тому, чтобы иметь возможность пользоваться только физическим телом, что действительно постепенно произошло то, что в качестве инструмента для духовной деятельности стало возможным использование только физического тела. И, таким образом, мы стоим сегодня на

---

¹⁰Владимир Александрович Сухомлинов, военный министр России в начале Первой мировой войны, см.

Сухомлинов. «Русская мобилизация в свете официальных документов», Берн, 1917 года, стр. 25 (имеется в библиотеке Рудольфа Штайнера).

бесконечно важном перекрёстке человеческого развития, где, с одной стороны, словно буря стремится раскрыться духовный мир, а с другой стороны, человек должен найти в себе силы для того, чтобы вырваться из своего сильнейшего сплетения с материальным и стать способным заново принять откровения духа.

Перед человечеством сегодня стоит сильнейшее испытание своей силы, испытание силы свободного прокладывания своего пути к духу, который сам по себе стремится навстречу человечеству, если человек не закрывается от этого духа. Но прошло то время, когда дух может открываться людям во всевозможных подсознательных и бессознательных процессах. Пришло время, когда человек должен принимать духовный свет в свободной внутренней деятельности. И вся неразбериха, и неясность, в которой сегодня живут люди, происходит от того, что люди сегодня должны получать нечто такое, чего они, собственно, получать еще не хотят: совершенно новое понимание вещей.

В этой страшной, ужасающей катастрофе мировой войны старое мышления, старый способ понимания мировых событий изжил себя, и бесконечно значительные грозные знаки этой катастрофы означают ни что иное, как указание: попытайтесь изменить своё мышление, попытайтесь взглянуть на мир по-новому, поскольку старый образ мышления ведёт только к хаосу и беспорядку. Это надо, наконец, признать: ведущие деятели 1914 года дошли до той точки, где со старым пониманием уже ничего достигнуть было нельзя. Поэтому они вели человечество к несчастью. Этот факт человек должен сегодня глубоко запечатлеть в своей душе, иначе он не станет принимать свободное решение обратиться к духу и его жизни. Печально то, что именно в нашем непосредственном настоящем повсюду открываются вещи, которые невозможно понять с прежними мировоззрениями и жизненными установками. Но люди цепляются за эти старые мировоззрения и жизненные установки и не хотят рассматривать вещи полностью по-другому. Антропософское мировоззрение хочет подготовить человечество к этому новому способу видения мира. По сути, у него нет никаких иных действительных противников, кроме привычки к удобству, внутренней инертности человека, который не может собраться, чтобы принести самые сокровенные силы своей души навстречу духовной волне, которая так мощно обрушивается, как раз, в наше время.

Как я уже сказал до этого: люди отвыкли использовать для мышления что-то кроме физического тела, что, в конце концов, привело также к материалистическому мировоззрению. Теперь, есть нечто, что должно быть непременно понято в настоящем. Природу, как её сегодня изучает пришедшая к своему триумфу естественная наука, можно понять инструментом физического мозга, вообще физического тела. Но инструментом физического тела нельзя понять человеческую жизнь. Эту человеческую жизнь можно понять только поднявшись к такому мышлению, которое извлекается не только из физического тела. И именно о таком мышлении необходимо заботиться посредством антропософского мировоззрения. Конечно, люди говорят: Да, но это антропософское мировоззрение, из того, что есть в книгах и о чём говорится, не понять. - И таким людям можно верить, что они этого не понимают. Но что значит, они этого не понимают? Это значит ни что иное, как: Для того, чтобы понимать, я хочу пользоваться только физическим мозгом, я не хочу учиться другому мышлению, а только тому, который может лениво опираться на физический мозг. Им, конечно, антропософское мировоззрение не понять. Не то чтобы нужно быть ясновидящим, чтобы его понять, но нужно упражняться в таком мышлении, которое не привязано к физическому мозгу. И то, что имеется в антропософской литературе, и что может изучаться здоровым человеческим рассудком, - который не привязан к мозгу, а к мозгу привязан только больной материалистический ум, - постепенно тренирует такое мышление, такое чувство, такую волю, что эти мышление, чувство и воля дорастают до соответствующих событий современности. Они могут воспринимать что угодно, но дело обстоит так: То, что требует от нас настоящее не может быть понято инструментом физического тела: оно может быть понято только инструментом эфирного тела, - того тела, который лежит в основе физического тела как тело образующих сил.

Вторгающийся духовный мир, который хочет открыться человечеству, проявляется для человека, собственно, только в очень бессознательных чувствах. Люди ужасно боятся его. Это, собственно, только лишь отговорка, когда люди говорят, что они не понимают духовную науку. Истина состоит в том, что они имеют страх перед открывающимся духовным миром. Только потому, что они не желают признавать этот страх перед духовным миром, они говорят, будто не понимают духовную науку, или что она нелогична, или что-либо ещё. На самом деле они боятся его, и поэтому выбирают всевозможные отговорки, чтобы, как раз, ускользнуть от огромных проблем. Как люди радуются, когда могут ускользнуть от решения больших проблем, загадок современной жизни! Возможно, кто-то говорит о тех или иных важных проблемах современности, но люди находят это неудобным. Затем они всё же смотрят драмы Ибсена¹¹, в которых содержится многое из больших проблем современности. Но людям не нужно в них верить, поскольку это, ведь, «просто» искусство. Выдвижение духовного мира в физический мир было для людей неудобно, когда об этом говорилось прямо. Бьёрнсон¹² также использовал это в своих драмах; но в это не надо было верить, это было «просто» искусство. Люди ужасно боялись воспринимать эти вещи всерьёз. И снова: классовые противоречия, пропасть между правящими классами и пролетарскими классами становилась всё больше. Загадки исходили из социального вопроса. Об этих загадках говорили, - это было неудобно. Но люди ходили в театр и смотрели пьесу Гауптмана «Weber» («Ткачи»); там не надо было занимать какую-либо серьёзную позицию по отношению к этому, а можно было немного внутренне возбудиться тем, что происходит на дне человечества, поскольку, ведь, это было «просто» искусство, и так далее. Люди убегали во что-нибудь такое, что им не надо было принимать всерьёз. Это характерное явление для психологии времени. Но что же скрывается за этими характерными явлениями психологии времени? За этим скрывается то, что люди должны были бы, исходя из тенденции проявления духовного мира, стремиться серьёзно воспринимать те определённые вещи, которые не могут быть поняты инструментом физического тела, которые могут быть поняты только имагинативными силами, как и само искусство можно понять только имагинативными силами. Физическое тело человека построено как природный продукт, эфирное тело человека построено как продукт искусства, как действительная пластика, только в постоянном движении. И то, что человек иначе принимает для своего удовольствия художественным восприятием, должно сгущаться, должно становиться яснее, должно стать серьёзным видением: имагинацией, инспирацией, интуицией. Тогда человек поймёт то, что хочет для него открыться. Поскольку за сегодняшними событиями таится то, что может быть понято только духовно. Нужно глубоко чувствовать и ощущать, как то, что хочет войти в сегодняшний мир в качестве духовного откровения, может быть понято только посредством самой духовной науки, то есть, посредством того мышления и ощущения, посредством того внутреннего волевого импульса, которые могут быть натренированы духовной наукой, которая протекает в том же регионе, где внутренне, как простое отражение, протекает художественное.

В своё время я пытался указать в одной области на нечто такое, в чём остро нуждалось наше время. Конечно, из-за банальности, из-за филистерства нашей науки, из-за боязливости того, что представляет собой сегодня официальная университетская наука, это было не понято. В моей «Философии свободы», опубликованной в 1894 году, я назвал одну главу «Моральная фантазия». Духовно-научно можно было бы сказать также: имагинативные моральные импульсы. Я хотел указать на то, что та область, которая иначе понимается лишь художественно в фантазии, должна быть понята теперь человечеством серьёзно, поскольку это ступень, на которую человечество должно вступить для принятия в себя сверхчувственного, которое не постигается мозгом. В начале девяностых я хотел, по крайней мере, в отношении понимания морального, указать на необходимость серьёзности восприятия сверхчувственного. Эти вещи нужно сегодня ощущать. Надо иметь чувство того, что мысли, внутренние душевные импульсы, которые были вынесены вплоть до катастрофы

---

¹¹Henrik Ibsen (Генрик Ибсен), 1828-1906, ср. среди прочего "Враг народа"

¹²Björnsterne Björnson (Бьёрнстерне Бьёрнсон) (1832—1910) - норвежский поэт.

мировой войны и до времени социального преобразования, уже не годятся, что нужны новые импульсы. Когда сегодня приходят с новым импульсом, тогда, как раз этот новый импульс становится наименее понятным. Поскольку приходят с импульсом, который живо извлечён из духовного мира в качестве лечебного средства против болезней нашего времени. Тогда визжат люди слева, тогда визжат люди справа, и всё переходит в общий хор от крайних правых до крайних левых, и находит, что всё это нечто такое, что невозможно понять. Разумеется, этого не понять, если хочешь оставаться при старых мыслительных формах. Но сегодня, как раз, необходимо, чтобы мы не оставались при старых мыслительных формах, чтобы мы внутренне преобразовали, трансформировали всю душу. Все внешние революции - и они могут исходить из желаний любого класса или любой партии - приведут к ужасному тупику и принесут худшие беды, если эти внешние революционные движения не будут сегодня освещены внутренней революцией души, которая совершается там по мере ухода от погружённости в чисто материалистическое мировоззрение и движется навстречу принятия духовной волны, которая как новое откровение хочет ворваться в развитие человечества. Революция от материи к духу, - это единственно целительная революция, а все остальные революции являются лишь детскими болезнями, - это скарлатина, это корь предтечи того, что хочет родиться сегодня как здоровое в приходе духа.

То есть, сегодня необходима сильная внутренняя решимость, чтобы соответствовать тому, что требует от человека настоящее. И давайте со всей серьёзностью подумаем о том, что это духовный мир, который хочет ворваться в наш, что он требует от нас: что это духовные силы, от которых мы должны ставить в зависимость все наши решения, все наши действия, всё наше мышление. Вот что от нас требуется! В подобное время изменяется многое. Тут позвольте мне снова указать на один симптом, который снова прозвучит парадоксально, но который, будучи увиденный внутренне духовно, имеет огромную важность. Из духовной науки мы знаем, что кроме нашего физического тела и нашего эфирного тела, - о котором я вам, как раз, говорил как об инструменте, необходимом для определённого духовного восприятия того, что иначе остаётся просто отражением в искусстве, - в нас есть дальнейшее, собственно душевное. Вы можете сказать, что это астральное тело, или как-то иначе. Это то, что существенно духовнее, чем эфирное тело, это то, что во время его земного развития стоит для человека ещё дальше, чем его эфирное тело. Поскольку эфирное тело, лежащее в основании физического тела, имеет, своего рода, образное строение, является образом, который находится в постоянном движении; а астральное тело является, собственно, бесформенным (*gestaltlos*). И когда о нём говорят, то о нём говорят как о какой-то форме, о которой известно, что эта форма должна его лишь представлять, поскольку на самом деле оно бесформенно. Это астральное тело - этот процесс разыгрывается уже 3-4 столетия - у человека Нового времени довольно сильно изменилось. Люди прошлого имели астральное тело, ещё сравнительно пронизанное духовностью, всяческими духовными силами; и то, что люди имели в жизни спиритуального, в плане духовных чувств и духовных импульсов, исходило от этого духовного, которое было в астральном теле. Теперь же астральные тела стали, собственно, пустыми. Они стали странным образом пусты. И они пусты, потому что во время, когда, как бы, извне хочет проявить себя духовный мир, человек должен принять в себя этот внешний духовный мир. Поэтому его астральное тело постепенно стало пустым. Оно должно быть восполнено вновь тем, что раскрывается извне. Это имеет очень специфическое влияние на людей. Оно должно снова наполниться тем, что открывается внешним образом. Это оказывает определённое воздействие на человека. А теперь я подхожу к тому факту, который - как я уже говорил, - может показаться довольно парадоксальным, таким же, как меланхолические лица детей. Но всё же это факт.

Самый важный факт в истории возникновения катастрофы мировой войны, насколько эта история возникновения разыгрывалась в Берлине, приходится на 1 августа между полуднем и вечером, - примерно между четвертью пятого после обеда и одиннадцатью-двенадцатью часами ночи. В этом участвовали разные люди, - разумеется, люди материалистического

настоящего. Это самый неблагоприятный момент, который сегодня может быть у человеческой души, которая должна принимать решения, когда эта человеческая душа принимает это решение, исходя из материалистического настроя. Поскольку мы вступили в очень и очень важную точку в развитии человечества. Нынешний человек вообще не может принимать никаких разумных решений, если он - как бы странно это ни звучало, но это истина, и человечество, исходя из внешних фактов, будет все больше и больше признавать это как истину, - если рано утром он уже не просыпается с ними. Тогда ему не нужно иметь их в своем сознании. Но в своём подсознании человек проделывает ночью то, что он может пережить следующим днём. Он ещё далёк от того, чтобы быть способным просматривать это пророчески, но это не важно. Но когда в половине четвертого, в шесть часов, вы имеете какую-то мысль, - вы имели её уже ночью, она снова поднимается в ваше сознание. Если же возникает мысль, которая не была продумана ночью, которая появилась, исходя из событий дня, то она уже больше не сможет быть разумной для сегодняшнего человека. Сегодняшнему человеку, как раз, предписано доставать самые важные импульсы из духовного мира. Наиболее важные для человека импульсы приходят вовсе не из физического мира. Мы сегодня, как бы, должны быть неразумными, если уже не приносим эти решения с собой, если мы не действуем вместе с духовным миром. Когда наше астральное тело ночью, когда оно свободно, находится вне физического и эфирного тел вместе с духовным миром, тогда в нём происходит самое существенное, тогда оно подготавливается для дневного разума больше, чем это было у наших предков. Поэтому момент пробуждения должен быть священным для современного человека, поскольку он должен чувствовать: я выхожу из духовного мира, я вступаю в физический мир. И всё хорошее, всё, что позволяет мне быть разумным человеком, я имею, благодаря общению с духовным миром в период от засыпания до пробуждения, я имею, благодаря общению с мёртвыми, которых я знал при их жизни, которые умерли до меня, - короче, благодаря общению с теми, кто сейчас не находится в физическом теле, когда я вместе с ними в чисто духовном мире. И из этого переживания в духовном я должен вынести основное ощущение святости момента пробуждения. Тогда это основное ощущение даст мне возможность сказать одному: Тут мне помогает духовный импульс, - и другому: Это не помогает, тут всё остаётся нерешённым, это может быть решено только завтра.

Это, своего рода, духовное ведение жизни, когда действительно считаются с духовными факторами. Конечно, в материалистическое время люди не считаются с духовными факторами, поскольку они всегда «умные». Они верят, что с инструментом физического тела у них есть всё, что им нужно для того, чтобы быть умными. Они не апеллируют к тому, что с ними случается, когда их астральное тело находится вместе с духовным миром отдельно от физического. Единственно и только воля вести жизнь духовно, воля позволить участвовать в том, что мы делаем в физическом, духовным решениям, духовным импульсам, может снова сделать человечество по-настоящему здоровым.

Это то, о чём человек сегодня должен глубоко задуматься. Поскольку антропософское мировоззрение не может состоять в том, что мы принимаем сумму абстрактных понятий, рассматриваем их как, своего рода, катехизис согласно их абстрактному содержанию, тогда становимся довольными тем, что имеем иное мировоззрение, чем другие. Нет, антропософское мирозерцание должно состоять в том, что становится другим всё наше мышление, всё наше чувство, что внутренне в нас вступает тот великий момент пробуждения в духе, так что мы знаем: Мы должны позволить духу осветить всю нашу жизнь. И беда нынешнего человечества пришла, благодаря тому, что отказ от воли принятия духовного доведён до высшей степени. Никогда ещё, какое-либо событие не происходило, исходя из таких внешних причин, из таких материальных причин, как эта катастрофа мировой войны. И именно поэтому она также стала самой ужасной. Из неё человек должен усвоить, что в эту катастрофу он был ввергнут своим прежним мышлением, чувствованием и волением, и что выйдет он из неё, - даже если она примет другие формы, - не раньше, чем он со смелостью силы решения совершит внутреннее преобразование, внутреннюю метаморфозу своей души.

Факты, которые я привёл, - это факты: меланхолическая замутнённость детских лиц, необходимость использовать своё эфирное тело для понимания мира, и необходимость для своих волевых импульсов апеллировать к моменту пробуждения, к тому, что в нас, как бы, тлеет как остаток того, остаётся от предыдущего сна. Это позволение соучастия в нас действиям духа, - это то, что будет всё более и более необходимо для человеческого развития в будущем. Чтобы человек понял, что антропософское мировоззрение должно быть не сенсацией для душевных бездельников, - а сегодняшние мистики часто являются ни кем иными, как душевными бездельниками, - что оно не является чем-то, что предлагает некий десерт жизни, некое внешнее физическое удовольствие жизни, а является тем, что связано с глубочайшими импульсами нашей культуры. Это надо видеть. А также то, что наша культура не может исцелиться, если она не оплодотворена антропософским мировоззрением. Это надо сегодня записать себе глубоко в душе при знакомстве с антропософским мировоззрением.

Этим я хотел вам с определённой точки зрения обозначить, в каком решающем моменте мировой эволюции человечества мы, собственно, находимся. Конечно, те вещи, которые сегодня должны быть высказаны как самые необходимые, легко выдать за глупость, если судить о них, исходя из мыслей времени. Люди думают, что они христиане, и даже не понимают слова о том, что то, что является мудростью перед людьми, часто является глупостью перед Богом, а всякое безумие и глупость перед людьми всё же может быть мудростью перед Богом, как, ведь, и вообще люди сегодня легко забывают внутренние импульсы вещей и держатся за внешнюю фразу. Когда сегодня, обращаясь к людям, после каждого пятого слова вставляют слово «христианский» или «Христос», или «Иисус», то это называется говорить «христиански», даже если иначе говорится что-то не христианское. Но если намереваешься возвестить то, что Христос вкладывает в наши души сегодня, принимая в то же время во внимание перешедшие в христианство слова: «Не произноси имени Бога твоего всуе», то люди считают это не христианским. Поскольку люди высокомерно болтают о Десяти Заповедях, каждое мгновение произнося имя своего Бога, и думают, что уже произнесение этого имени является особенно христианским. Точно так же, если у вас не всегда на кончике языка слово «немец», вы не считаетесь хорошим «немцем». Самое главное сегодня - это видеть, что глубочайшие силы немецкого народа были будто растоптаны за последние тридцать лет и должны быть вновь подняты посредством духовного углубления.

Мы смотрим на Запад и находим культуру, которая хочет полностью материализоваться, культуру, которая, правда, обладает определенными внутренними инстинктами, и потому не может утонуть в материализме. И мы смотрим на Восток и находим культуру, которая презирает все западное, а также нас, потому что эта восточная культура ещё стоит на старой спиритуальности, на старой духовности, и определенным образом обновляет эту старую духовность. И мы стоим посередине и призваны найти правильный путь между западным материализмом и не подходящим для нас восточным спиритуализмом. И мы, в сердце Европы, должны осознать огромное чувство ответственности, а также осознать, насколько это чувство ответственности было утрачено за последние десятилетия. Духовная жизнь, во что она превратилась? В придаток государственной жизни, в придаток хозяйственной жизни. Государство, как управитель духовной жизни, особенно школьной системы, разрушило нашу духовную жизнь. Хозяйственная жизнь в качестве господина хлеба продолжила нас разрушать. Нам нужна свободная духовная жизнь, поскольку только свободная духовная жизнь может действительно привить нам то, что хочет открыть человечеству духовный мир. Эта волна духовной жизни должна спуститься! Она никогда не раскроется государственным служащим, государственным профессорами и тем, кто в духовной жизни является кули¹³ экономической жизни; но только тем, кто ежедневно сталкивается с духовной жизнью, кто

---

¹³Кули (от хинди कूली букв. «работник» из тюрк. құл подневольный, раб, служитель) - в историографии термин широко использовался для описания наёмных работников, батраков, которых европейцы XVIII - начала XX веков перевозили в качестве дешёвой рабочей силы из Индии и Китая в американские и африканские колонии (прим. пер.)

стоит внутри свободной духовной жизни. Само развитие времени требует освобождения духовной жизни от государственных и экономических путей.

Эти вещи, провозглашаемые сегодня в другой форме посредством программы «Трёхчленность социального организма», - они и есть сегодня христианство, это они сегодня являются облачёнными во внешнюю форму духовными откровениями. Они есть то, что нужно людям, что единственно и только даёт реальную основу и реальную возможность для переосмысления и переучивания того, что так необходимо человечеству. Мы должны были воевать со страной, обладающей инстинктивной политической жизнью высокого уровня совершенства, и уже давно имеющей множество колоний и свой индустриализм, связанный с этими колониями. Мы воевали как страна, только что развившая индустриализацию, которая только хотела иметь колонии. Для этого стремления нам был бы необходим дух, и никто не совершил большего греха против духа, чем то, что руководило экономической жизнью Германии в течение последних трех десятилетий. Поскольку программа была: отказ от духовной жизни, предоставление себя простому случаю, бездуховному случаю. Как если бы мировой дух хотел дать немецкому народу величайший урок, наложив на него величайшее испытание. Этому народу надо было показать, что без духа ничего не выйдет. И этот народ должен будет увидеть, что без духа ничего не выйдет. Но, похоже, ему трудно осознать, что без духа ничего не выйдет, поскольку он ещё склонен осуждать всё, что угодно, кроме неосознания ответственности перед духом. Вещи, которые в наши дни так плачевно разыгрываются в этой области, это совершенное неосознание того, насколько неспособны управлять судьбой немецкого народа люди, которым поручено это делать перед лицом Запада, насколько бессмысленна вся эта экспедиция посредством вовлеченных в ней людей, и воля не проверять, не смотреть на то, что происходит, - всё это является ещё свидетельством сна душ, которые давно должны были бы сказать себе: То, что произошло там, в Версале, то, что нами послано, не подходит, не подходит настолько, насколько это возможно, чтобы понять сегодняшний момент всемирной истории. Об этих вещах будут судить верным образом, только тогда, когда будет осознана ответственность по-отношению к духу, когда будет осознано, что мы живём в самый великий момент всемирной истории, и что мы имеем обязанности принимать вещи не поверхностно в общем смысле, а серьёзно. По отдельным направлениям, однако, можно сегодня говорить и говорить, - это бесполезно, и это, ведь, удобнее сказать, что те, кто назначен на свои посты, всё уладят. Сегодня на свои посты ставят людей со старым мышлением, будь то старые аристократы, декадентские аристократы или марксистские социалисты, ничего не знающие о мире, которые, в лучшем случае, что-то взяли из «Капитала» Маркса о том, что представляет собой то или иное: если они не найдут в себе воли совершить то великое обращение души к новым мыслям, то никакого спасения не будет. Революция 9-го ноября 1918-го года была не революцией. Поскольку то, что изменилось, является лишь внешним. То, что изменилось, проявляется сильнее всего у тех, кто теперь носит это внешнее вместо тех, кто носил его раньше. Эти вещи хотят, чтобы их рассматривали в их основе. Но это требует мыслей. К этим мыслям надо иметь добрую волю, а эта добрая воля появится только в том случае, если её тренировать, занимаясь духовным миром. Поэтому это занятие духовным миром является единственным настоящим бальзамом, в котором сегодня нуждается человечество.

Поскольку нам представилась возможность снова поговорить здесь друг с другом, я хотел представить вам это и внести это в ваши души в том виде, в каком это должно явиться сегодня в связи с событиями времени, чтобы в нашем антропософском движении и во всё более и более широких кругах всё больше и больше возникало то стремление, которое может дать внутреннее благоденствие души не только отдельному человеку, но и принести плоды для культурной жизни всего человечества.

К моему глубочайшему удовлетворению, я вижу, насколько больше здесь сидит друзей нашего антропософского движения, по сравнению с прошлым годом. Пусть дух, вибрирующий в сегодняшнем мировом и человеческом развитии, приведёт к тому, чтобы каждый год приносил, по крайней мере, такой же или намного больший приток людей.

Поскольку, чем большему количеству человеческих душ этот дух придаст убежденность в новом образе мышления, чувствовании и волеии, и в новом чувстве ответственности, тем будет лучше.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин, 12 сентября 1919 года

Сегодня, когда мне приходится здесь, в этом зале, впервые говорить с вами об антропософии, я, прежде всего, хотел бы выразить чувство благодарности тем моим дорогим друзьям, которые в то время, когда я сам не мог присутствовать здесь, в Берлине, беззаветно посвятили себя обустройству этого пространства, предназначенного служить нашим антропософским рассматриваниям и работам. Ведь, сегодня то время, когда человеческая душа, прежде всего, должна быть склонна к великим, всеобъемлющим событиям в мире и в человеческом развитии. Эти огромные всеобъемлющие события и потрясения современности, если мы как люди хотим понять своё место в происходящем в мире, требуют столько нашей воли, что мы не можем, как иногда в прежние, более спокойные, по крайней мере, внешне более спокойные времена, с таким же вниманием обращаться к таким прекрасным внешним событиям, как обустройство этого пространства, которое должно быть посвящено идеальным целям, духовным целям, а должны организовывать это так, чтобы люди действовали в них совместно как в своей социальной жизни. Но это, если хорошенько обдумать эти вещи, всё же выявляет определённую связь между крупными событиями, импульсы которых пронизывают сейчас мир, и такими мероприятиями. Ведь, благодаря полному значению требованиям исторического развития самого человечества должно получиться так, что то, что люди искали в прекрасном, в художественном оформлении своей индивидуальной частной жизни, должно будет всё больше и больше перемещаться в те пространства, которые эти люди имеют не отдельно эгоистически для себя, а в которых они действуют совместно социально. Мы бы плохо поняли будущие цели человеческого развития, если бы хотели судить о них по тому, что кажется провозглашённым сегодня. Социальное движение современности не только во многом носит более «демократический» характер, - чью преходящую природу нужно только видеть в правильном смысле, чтобы не ошибиться в том, что кроется в этом движении, есть ли в нём этот более демократический характер, - но и несёт в себе нечто такое, что могло бы ввести людей в страх: прекрасное, то, что пронизывает нашу земную культуру как художественное, в будущем не найдёт такого же понимания, как находило в прошлом, поскольку заботе об этом прекрасном могли посвящать себя материально ориентированные круги!

Переходное время может вести к тому, что восприятие прекрасного несколько убавится. Но как раз тогда, когда всерьёз будет происходить более социальное оформление нашей жизни, будет обязательным, чтобы и внешние пространственные и временные явления были приспособлены ко вкусу, к прекрасному; иначе, ведь, человечество опустилось бы в мещанство и филистерство. Таким образом, как раз, в определенном смысле, в простой красоте, которую наши друзья здесь, в этом пространстве, пытались приспособить, к тому, о чём здесь должна проявляться забота как о серьёзных вещах жизни, мы можем видеть нечто символическое для великих событий, которые пульсируют через наше время. И, исходя из таких чувств, я полагаю, что говорю в унисон со всеми вами, когда в эти серьёзные времена я

передаю нашим друзьям сердечное спасибо за ту работу, которая была проделана здесь, также и в этом смысле времени. Было бы также ошибочным мнением, если бы то, что хочет подготовиться в настоящем, оценивали бы так, будто ценность личности и ценность того, что исходит из личного, из индивидуального, определялись так называемыми «объективными событиями» в мире. Это было бы неверным. Лишь столетия до конца 19-го столетия - три-четыре последних столетия - действовали так, что в общем развитии человечества кажется оправданным, что человек вставлен в общий космический механизм, как шестерёнка. Задача ближайшего будущего состоит в том, чтобы человек выбрался из этого космического механизма. Поэтому можно уже сказать: Поначалу, ведь, движение современности носит в основном чисто эгоистический характер. Конечно, стремятся к социализму, но, исходя из чисто антисоциальных порывов и инстинктов. Не надо забывать, что мы стремимся сегодня к социализму, собственно, по той причине, что люди, в своей душевной конституции, в своём душевном развитии, стали такими антисоциальными. Если бы социальное чувство было более само собой разумеющимся, то не было бы нужды в таком количестве социалистических программ; в определённой степени их появление обусловлено лишь реакцией на антисоциальные чувства и ощущения людей. Но, как раз, в такое время, в котором - поскольку вещи так запутаны - социальное хочет рождаться из эгоистического и антисоциального, как раз, в такое время вид того, что сделано в благородной, беззаветной отдаче идеальному делу, исходя из настоящих, истинных, не эгоистичных человеческих ощущений, оказывает совершенно особое действие. И хорошо будет, если мы не будем праздновать торжество внешне в эти серьёзные времена, а если обратимся мыслями к тому, что я только что сказал: как это ценно, кроме сплошного эгоистического стремления в наше время, чтобы найти возможность создать что-то вроде того, что здесь создано, хотя и в очень малых масштабах, для идеальной, духовной работы. И поэтому будет хорошо, если мы будем праздновать в это серьёзное время не внешним образом, а если мы направим свои мысли к тому, о чём я только-что говорил: насколько ценным будет, наряду со все пронизывающим эгоистическим стремлением, найти в наше время возможность сделать нечто такое, что было сделано здесь - пусть и в малом масштабе - для идеальной, спиритуальной работы. И поэтому мне кажется, что здесь и сегодня самым праздничным будет произвести рассмотрение, которое, с одной стороны, должно быть связано с серьёзностью времени, чтобы, исходя из этой серьёзности, мы могли принять в наши души те чувства, которые, возможно, могут нас сопровождать в работе, которую необходимо выполнять здесь, в этих помещениях, до тех пор, пока, в зависимости от условий времени, мы можем выполнять её в этих помещениях, и если, с другой стороны, мы позволим воздействовать на нас мыслям, которые, поскольку они тесно связаны с человеческим развитием, могут быть ценными и достойными, когда мы вступаем в эти помещения, и исходя из тех задач, которым должны служить эти помещения.

Если мы взглянем на наше время критически, - не злобно-критически, но всё же критически, - то мы, ведь, не были бы правдивы, если бы хотели обмануть себя относительно многочисленных губельных течений во всех областях жизни, действующих в это время. Когда мы рассматриваем наше сегодняшнее время, мы, чтобы не упускать из вида серьёзность жизни, не должны забывать, как сильно то, что человек обычно носит сегодня в своём сознании, - носит в себе так, что высказывает это словами, - как далеко это часто от того, что является внутренне истинным и действительным. И даже ощущение того, как слова, которые мы говорим, сегодня часто отдалены от истины, - даже ощущение этого, собственно, утеряно в широких кругах наших современников, и на место элементарного истечения из человеческой души истины вступила - нам позволено это сказать - мировая фраза. Ведь, чем чаще всего характеризуется фраза? Она характеризуется тем, что люди говорят без того, чтобы слово, выходящее из их рта, было внутренне - а, ведь, оно может быть с этим связано только внутренне - связано с источником истины. Нам достаточно взглянуть лишь на то, что во всём мире было сделано в продолжении последних четырёх, пяти, шести лет в отношении проявления общей лжи, и тогда мы не будем сомневаться в том, что, благодаря этому, взросло та удалённость мира от истинной действительности, которое привело к мировой фразе, и,

если этому не противодействовать, она будет постоянно увеличиваться. И, собственно, ничего, кроме увеличения фразы, неистинности, не могло так процветать в Новое время, как потворство этой неистинности, как склонность к неистинности. Повсюду, где сегодня встречается фраза, встречаются и такие люди, которые потворствуют утверждению этой фразы, этой неистинности. Поскольку это потворство повсюду спрашивает: Что кто-то имеет в виду? Разве у него не было наилучших намерений? Разве он не действовал повсюду с наилучшими намерениями? - И как мало господствует добросовестное чувство истины, когда тот, кто открывает рот, берёт на себя обязательство серьёзно проверять основания соответствующего утверждения и не делать его, пока оно не будет проверено. Должно наступить время, когда будет уже недостаточно сказать о каком-то человеке: У него были хорошие намерения, - если он сказал неправду. Должно наступить время, когда люди почувствуют самое интенсивное чувство ответственности по отношению к проверке истины, и что даже если они сами, если бы обнаружили, что с добрыми намерениями говорили то, что не соответствует действительности, не смогли бы себе этого простить, и вдумались бы в тот факт, что для объективного познания мира безразлично, полагаем ли мы субъективно в то, что сказали правду, или нет, но что для объективного познания мира это совсем не всё равно, говорим ли мы в отдельном случае нечто, что в объективном смысле является истинной, то есть, соответствует фактам, или нечто, что не соответствует фактам. Именно перед лицом серьёзности времени необходимо выучить, что на самом деле является фразой.

Сегодня многие люди имеют чувство, - они осознают это неявно, - что, собственно, можно утверждать то, что приятно для другого. Это можно изучать особо и можно продолжать изучать по тем позициям, которые многие люди занимают по отношению к событиям времени. Серьёзное прошло мимо нас. Это серьёзное люди оценивают всё же так, как это для них приятно, а не согласно важности, которую это серьёзное имеет для общего развития человечества. У нас в качестве современников были люди, которые стояли в центре того, что произошло за последние четыре, пять лет, люди, которых обстоятельства выдвинули на первые позиции в отношении происходящего в мире. Судьба настигла этих людей! Но как мало людей склонны к объективному суждению о том, что, собственно, произошло. Как мало людей склонны спрашивать, благодаря какой селекции, благодаря какому отбору, в такое решающее время к несчастью людей, как раз, ведущие личности заняли свои руководящие места. Но сегодня так необходимо ничего другого, как пробиться через все субъективные мнения к определённой объективности относительно этих вещей. Многие люди верят, что сегодня легко говорить правду. Правду говорить нелегко, поскольку у истины сегодня так много врагов, и поскольку тот, кто говорит истину, сегодня очень быстро угасает. Поскольку истина сегодня принимается плохо.

В последние месяцы мне много раз говорили, что то, чего я добиваюсь в социальной сфере, очень трудно понять; люди не могут этого понять, но в отношении этого я снова и снова утверждал, что для понимания этого социального импульса требуется иное настроение души, нежели то, что господствовало в Центральной Европе, а именно, в последние четыре-пять лет и также задолго до этого, но достигло своего пика в последние четыре-пять лет. Тогда люди за эти последние четыре-пять лет многое поняли; тогда они поняли вещи, которые я действительно не понял. У многих людей можно найти всевозможные изречения, обрамленные в красивые рамки; люди их поняли. С непосредственным чувством истины такие высказывания понять нельзя, но люди их поняли. Поскольку им было приказано их понять: для этого пришёл приказ из Главного штаба. Тогда они все поняли. Но теперь необходимы вещи, которые должны пониматься не из послушания, а исходя из собственной свободной души. Вероятно, люди должны овладеть этим снова. Последние четыре-пять лет серьёзным образом показали, что людям нужно учиться этому заново. А с учётом того, к чему люди привыкли за последние четыре-пять лет, это действительно не очень приятная обязанность говорить правду, во-первых, потому, что правда серьёзна, а во-вторых, потому, что люди так плохо её принимают.

Придут времена, которые будут смотреть на наше время совершенно особым образом. Но у людей в наше время есть ещё и многие другие обязательства, по сравнению с недавним прошлым. Поэтому уже сегодня в определённом смысле нужно составить себе представление о том, как будущие времена будут смотреть на то, что происходит в наше время.

В наше время люди должны научиться обращать духовный взор снова к великим сдвигам, к великим импульсам становления человека на Земле. Один из таких огромных сдвигов начался в середине 15-го столетия нашей, христианской эры. В нашей антропософски ориентированной духовной науке мы называем его началом пятого послееатлантического культурного периода, и мы знаем, что по сравнению с предыдущим, греко-латинским культурным периодом, который начался в 8-ом столетии до Христа и закончился в 15-ом столетии нашего летосчисления, он носит совершенно другие характеристики. Люди смотрят через то, что сегодня дано как *Fable convenue*¹⁴, и что называется историей, и не видят громадную разницу в душевных настроениях людей, скажем, в десятом столетии и в те столетия, которые начались с середины 15-го столетия. В человечество прорвались новые настроения и состояния души, и мы можем понять, что, собственно, вошло в человеческую эволюцию, только если мы обратим свой душевный взор к силам, действующим в самих человеческих событиях, к силам, которые, например, сыграли свою роль в преобразованиях середины 15-го столетия. В наше время - ведь, с середины 15-го столетия прошло уже несколько столетий - подходит к кризису то, что обрушилось на цивилизованное человечество в середине 15-го столетия, что медленно развивалось до сих пор и сейчас достигло решающего момента, поскольку человеческое сознание должно понять этот решающий момент.

Сегодня настало время, когда человек - каким образом он это сделает, мы поговорим позже - должен принять в свое сознание: вот я стою среди этих земных событий как человек, а вне меня - три царства природы, царство животных, царство растений, царство минералов. Но если человек говорит эту фразу сегодня, то с точки зрения нынешнего сознания, сознания пятой послееатлантической эпохи, он говорит только половину правды. Человек, который жил до этого периода, мог ещё сказать: Вне меня находятся животное царство, растительное царство и минеральное царство, поскольку он понимал под этим нечто другое, нежели сегодняшнее сознание. Раньше человек понимал животное царство, растительное царство и минеральное царство ещё так, что в этих царствах действовало духовное. У сегодняшнего человека сознание этого отсутствует. Он должен сначала снова обрести его, и, глядя на эти три царства, знать: Как мы связаны с тремя царствами, с животным, растительным и минеральным царствами внизу, так же мы связаны с тремя царствами Ангелов, Архангелов и Архаев наверху. И мы говорим не только половину, но и полную правду только тогда, когда мы не только говорим, что смотрим вниз на царство животных, царство растений и царство минералов, но когда мы также можем смотреть вверх на царство Ангелов, Архангелов и Архаев. Как наше физическое тело имеет определенное отношение к животному, растительному и минеральному царствам, точно так же, и наше духовно-душевное имеет определенное отношение к тому, что представляет собой три иерархии над нами. Но, как раз, в наше время дело обстоит так, что в то время, как мы, с одной стороны, сильно меняем своё отношение к трём царствам природы, мы, с другой стороны, также меняем своё отношение к трём царствам, стоящим над человеком. Сегодня я хотел бы указать вам на это серьёзный вопрос человеческой эволюции, и, помня об этом, мы лучше всего отметим праздник посвящения помещений этой секции Общества.

Если мы оглянемся назад, на то, что происходило в развитии человечества в прошлые периоды, которые завершились с серединой 15-го столетия, то, ещё не принимая во внимание более высоких иерархий, мы должны будем сказать: Существа Ангелов, Архангелов и Архаев занимались человеком, пока он пребывал во время между смертью и новым рождением, но они занимались им также и во время его пребывания здесь, на земном плане. Но занятость

---

¹⁴*Fable convenue* - нечто выдуманное, что принимается за истину (прим. пер.).

существ этих трёх иерархий человеком в наше время в определённом отношении пришла к своему концу. Среди различных видов деятельности, которые входили в обязанность существ этих трёх иерархий, есть и такая: сотрудничество в работе над образом, лежащим в основе физического земного человека, физической организации земного человека. Мы вступаем через рождение в свое физическое бытие, растём в этом физическом бытии: в нас выражается образ человечества. Этот образ в древние времена развития человечества был совершенно другим: Он претерпел некоторые изменения. Вам нужно вспомнить только о том, что получается, когда мы оглядываемся назад на древнее атлантическое время, или также на период древней египетской культуры: внешнее строение человека ещё было другим. Образ человека изменился, и работа над этим образом была обязанностью существ этих трёх более высоких иерархий. Можно сказать, это принадлежало к задачам этих существ, вырабатывать образ человека, так что вначале он имел вид, соответствующий лемурийскому времени, затем ту форму, которая была в атлантическое время, и затем ту форму, которая была в послеплатонический период. При этом существа этих трёх более высоких иерархий постепенно пришли к тому, чтобы путем преобразования более старых образных форм создать образ, который лежит в основе человека сегодня.

Но теперь особенность состоит в том, - и настоящее духовное наблюдение развития человечества это подтверждает, - что в наше время существа этих трёх иерархий с собственно формированием этого человеческого образа по существу готовы. Этот человеческий образ, насколько он лежит в основе физической организации человека, собственно, закончен. Прочувствуйте этот полный значения факт: Существа иерархий Ангелов, Архангелов и Архаев тысячелетия и тысячелетия работали над образом, и этот образ есть то, по чему была построена физическая человеческая организация. И мы живём в то время, когда эти существа трёх более высоких иерархий сказали себе: Мы работали над человеческим образом, но теперь мы эту работу завершили. Мы поставили человека в этот земной мир как физического человека, и теперь мы готовы!

Кто охватывает духовным зрением этот факт, тот испытывает чувство потрясения от того, что интерес существ этих трёх иерархий для создания физического образа человека в этот период не только ослабел, а исчез. Если взглянуть на греко-латинский период, то тогда ещё обнаруживается живой интерес существ этих более высоких иерархий к созданию образа физического человека на Земле. Сегодня у этих существ более высоких иерархий, собственно, больше нет в этом никакого интереса. У них такое чувство, будто они уже сделали своё дело для физического человека на Земле. С этой точки зрения их интерес пропал. Люди могли бы увидеть в этом особенно важный, глубоко проникающий в человеческую природу факт, если бы они только удосужились наблюдать сегодня также и внешние факты человеческого развития. Например, мы оглядываемся назад, на более ранние времена. Из многого того, что произошло и что до нас дошло для того, чтобы мы могли судить об этом, мы можем сказать себе: В людях более ранних времён определённые мысли возникали инстинктивно. Ведь, гениальными считаются, как раз, те люди, у которых определённые мысли возникают инстинктивно. По крайней мере, сегодня верят в то, что такие мысли возникают в некоторых людях. Сегодня в человеке Земли имеется меньше гениального. Поскольку силы гениальности больше не поднимаются из телесной организации, так как над этой телесной организацией больше не работают существа этих трёх более высоких иерархий. Они утратили интерес к формированию человеческого тела.

Это, как раз, делает современного человека в определённом отношении высокомерным, что он, собственно, закончен в смысле формирования своего тела. Он больше не сможет пройти остаток земной эволюции, совершенствуя свою физическую земную форму. Он больше не сможет совершенствовать свою организацию из самого тела. То, что раньше поднималось в человеческой душе инстинктивно гениально, это было из тела, и это в то же время было организующей силой в теле, поскольку было работой богов. Когда, например, Гомер писал свои стихи, он писал их силой, которая в греке в то же время была организующей силой, которая формировала тело грека. То, что выступает, может выступить с

такой конкретной силой, в то же время содержит формирующие тело силы. Напротив, то, что сегодня выступает у нас как установленные нами природные законы, которыми мы так горды, - это в целом абстракции, не содержащие никаких формирующих тело сил. Поэтому мы формируем абстрактные мысли, которые не в состоянии управлять социальной жизнью, и абстрактные законы природы, поскольку существа трёх более высоких иерархий больше не работают над нами, поскольку мы больше не имеем в себе мыслей, которые действуют организующим образом. Наше душевное существо стало абстрактным. Наша душа действительно находится в нас так, что она, посредством самого тела, является покинутой существами трёх более высоких иерархий.

И теперь важно то, что мы должны снова искать связь с деятельностью существ трёх этих более высоких иерархий, исходя из самих себя. До сих пор мы, как люди, встречались с этими существами, они работали над нами. Теперь мы должны работать над своим душевно-духовным сами. И то, что мы выработаем душевно-духовно, что мы, посредством духовно-научного исследования, откроем в духовном мире, то и станет в нашей человеческой душе чем-то таким, что вновь заинтересует существ трёх более высоких иерархий. Они будут в мыслях и чувствах, которые мы извлечём из духовного мира. Благодаря этому, мы снова установим связь с существами этих иерархий. Так значительно то, что происходит в наш период, а именно то, что мы должны представлять это как некое изменение в отношениях божественного мира к миру людей. Боги до нашего времени работали над совершенствованием физического образа человека. Человек должен начать работать над своим душевным содержанием, чтобы снова найти путь к этим трём более высоким иерархиям. Поэтому наше время так трудно, поскольку люди горды своим законченным внешним телесным образом и независимы от этого телесного образа, то есть, независимы от всякого высшего мира в том, чтобы развивать абстрактные мысли, которые не имеют никакой связи с духовным миром, и поскольку, собственно, нашей настоящей задачей является то, чтобы, исходя из самого себя, снова найти эту связь посредством отдачи духовным существам и чувствам о духовных существах, и волишь, исходя из духовного знания. Только тот, кто остро чувствует и ощущает это огромное изменение, которое, правда, длится столетиями, может сегодня занять правильное положение в своём времени. Сегодня нельзя занять правильную позицию ко времени посредством внешнего наблюдения, сегодня надо иметь возможность обрести эту позицию через внутреннюю работу, через то, что является внутренним. Мы вступили в период души сознательной, мы вышли из периода души рассудочной, который был греко-латинским периодом. И эта душа сознательная также должна постепенно всё больше и больше развиваться так, чтобы над человеком больше не работали существа более высоких иерархий, - они бы только затуманивали его сознание, - а человек бы сознательно прорабатываться к ним. Его полное, светлое, ясное дневное сознание составляет то, что он прокладывает свой путь к существам высших иерархий. Духовная наука есть начало такого прорабатывания, поскольку она возникла не из какого-то произвола, а из понимания этого изменения в наше время.

Но сознательно человек должен развивать ещё и многое другое. Человек должен всегда жить согласно карме, согласно великому закону судьбы, но он не всегда имеет знание об этом великом законе судьбы. Как удивительно было, когда через «Воспитание рода человеческого» Лессинга из развития духа Нового времени появилось сознание повторяющихся земных жизней. Сегодня начинается время, когда больше нельзя жить тем же образом от человека к человеку, как раньше. Мы видели, как человек больше не живёт тем же образом по отношению к трём более высоким иерархиям. Но нельзя также жить тем же образом, как раньше, и по отношению к самому человеку. В жизни, однако, в наше время выступает то, что было раньше, но мы пренебрегаем нашими обязанностями по отношению к современности, если не обращаем внимания на то, что должны образоваться также и новые отношения между людьми. До сих пор этого сделано не было, можно сказать, потому, что человеческое сознание не было обязано развиваться в предыдущее время. Так что в прошлые времена к человеку подходили без сознания: Ты человек, в тебе живёт душа, которая до

рождения и до этого прожила другую земную жизнь. - Пришло время, и оно уже на пороге, когда было бы недостатком душевного состояния, если бы мы, общаясь с другим человеком, не знали, что в его душе живёт нечто из предыдущих земных жизней. Раньше, если этого не знали, не было ничего страшного. Теперь наступает время, когда этого нельзя упускать из внимания. Я хочу продемонстрировать это на конкретном случае.

Среди вещей, которые мы начали разрабатывать в социальной жизни, было то, что мы попытались создать школу, исходя из действительно нового духа человечества, школу, которая первоначально была частью фирмы сигаретной фабрики Вальдорф-Астория: Вальдорфскую школу. Мы торжественно открыли её в прошлое воскресенье. Этому предшествовал курс-семинар для учителей, который я позволил себе провести. При этом речь, прежде всего, шла о том, чтобы основать такую педагогику, такое искусство воспитания и обучения, которая считается с фактом: в ребёнке растёт душа, которая пришла из другой земной жизни. Прежде учитель мог сказать себе, даже если он считал себя очень продвинутым: Перед тобой душа ребёнка, из которой выходят определённые способности, которые ты должен развить. - Но он мог более или менее учитывать только то, что могло выйти из тела. Этим задача будущего воспитателя ограничиваться не может. Он должен будет иметь тонкое чувство для того, что в становящемся ребёнке развилось в прошлых земных жизнях, и следствием в будущем воспитании будет то, это должно должно развиваться. В этом общении вначале должны сформироваться социальные отношения, которые строятся на спиритуальном отношении к другому человеку в сознании: Когда перед тобой другой человек, - перед тобой воскресшая душа из предыдущей инкарнации. Иметь это как теорию из распространённого мировоззрения, как учение о повторяющихся земных жизнях, недостаточно; это учение должно стать практическим, - практическим настолько, чтобы оно могло быть основанием для вещей, подобных искусству воспитания и обучения. Это то, что только и делает это учение жизнеспособным. Поэтому само собой разумеется, что восприимчивость к таким вещам ещё низка, что на умственное состояние тех людей, которые признают то, что необходимо в сегодняшнее время, смотрят ещё косо. И необходимо не просто выплёскивать их в виде какого-либо спиритуального мировоззрения, а ставить под солнце знания конкретную жизненную работу, не просто исповедовать ту или иную формулу, а вносить это знание в жизнь самого человечества. Тогда, как раз, в этом пункте заметно, как основание новой педагогики, как старое и новое время сталкиваются во фразе.

Я постарался узнать многое из того, какие педагогические требования выдвигаются сегодня той или иной стороной. Тут часто обсуждается вопрос, - я хочу взять только один пример, - должно ли воспитание быть более формальным или более материальным? Следует ли обращать больше внимания на то, чтобы человек воспитывался для той или иной профессии, так чтобы он был должным образом включён в государственную или иную жизнь, или следует больше обращать внимание на существо человека, чтобы раскрывать в нём то, что является общечеловеческим в гуманистическом смысле? - Люди, занятые в системе воспитания много спорили относительно этого вопроса. В действительности это фраза, по той причине, что между тем, что человек говорит, и тем, что является внутренне постигнутой истиной, есть большая разница. Является ли человек чем-то иным, чем то, во что он вращает? Возьмите людей, которые сегодня имеют работу, посвящённую социальной жизни. Благодаря чему, они посвятили себя этой жизни? Благодаря тому, что предыдущие поколения принесли в этот мир то или иное. Сегодняшняя публичная жизнь является лишь результатом того, что принесли предыдущие поколения. Разве преподаватели прежних времен обучали не материально, а формально? Конечно, они не воспитывали формально. Но это одно и то же! Спорят об одних и тех же вещах. Но важно нечто другое: важно то, что в людях, которые рождаются сегодня как дети, имеем склонности, которые должны вырасти в следующих и следующих за ними поколениях, что мы, таким образом, воспитываем в предвидении (*prophetisch*). Воспитываем ли мы людей материально или гуманистически, - это фраза. Но то, что мы должны воспитывать в предвидении, что мы должны предвидеть, какие задачи будут стоять перед следующими поколениями, - это серьёзно. Это стоит в мире.

Люди называют сегодня нечто подобное ещё трудно понимаемым. Они должны будут привыкнуть это понимать, иначе они будут всё больше и больше выпадать из развития. Это важно, это чрезвычайно важно. Мы должны будем в самом серьёзном смысле этого слова стать сознательными, как в отношении того, что мы должны установить связь с деятельностью существ более высоких иерархий, так и в отношении того, что необходимы новые отношения человека с самим человеком в области существа воспитания, поскольку в человеке, который стоит перед нами, мы должны обращаться не к той душе, которая стоит сейчас перед нами, а к душе, которая пришла сюда из более ранних земных условий. Это мы должны будем нести в своём сознании. Это так важно, найти конкретное отношение с духом. Если просто что-то знать о карме, о повторяющихся земных жизнях, о конституции человека, и носить эти понятия в голове, то это определённо является мировоззрением, чем-то теоретическим. Но с этим теоретическим сегодня далеко не уйдёшь. Только когда это теоретическое мировоззрение станет жизнью, мы получим то, что необходимо человечеству для ближайшего будущего.

Это были истины об отношениях человека с более высокими иерархиями, истины о карме. Мы можем добавить ещё и третье. Из содержания моей книги «Как достичь познаний высших миров?» вы знаете, что человек, когда он будет смотреть в духовный мир, в определённом отношении должен будет иметь переживание, которое называется переступанием порога. Это переступание порога я описал в этой книге, когда указывал на то, как три душевные силы (*Gemütskräfte*) человека, которые в этой физической жизни действуют довольно хаотически по отношению друг к другу, разделяются на мыслительную силу, чувствующую силу и волевую силу, и становятся самостоятельными. Когда человек переступает порог, эти силы становятся самостоятельными. Во многих отношениях весь ход развития человечества похож на ход жизни отдельного человека. Только эти вещи сдвинуты. То, что человек делает сознательно, когда он хочет прийти к видению духовного мира, переступание порога, в этот пятый послеатлантический период бессознательно должно проделать всё человечество. У него нет выбора, оно проделывает это бессознательно. Не отдельный человек, а человечество, и отдельный человек вместе с человечеством. Что это значит?

То, что в человеке действует вместе в мышлении, чувствовании и волеии, в будущем принимает отдельный характер, проявляется в различных областях. То есть, мы присутствуем при том, что человечество бессознательно проходит через очень значимые врата, что может прекрасно воспринимать сила видящего. Человечество переступает этот порог так, что области мышления, чувствования и волеии расходятся. Но это налагает на нас обязательства, - обязательство формировать внешнюю жизнь таким образом, чтобы человек мог проделать это преобразование своего внутреннего также и во внешней жизни. По мере того, как мышление в жизни человечества становится все более самостоятельным, мы должны подготавливать почву, на которой мышление сможет прийти к более здоровым проявлениям, затем мы должны создавать почву, на которой самостоятельно смогут формироваться чувства, а также почву, на которой сможет прийти к особому образованию волеии. То, что раньше в общественной жизни действовало хаотично, теперь мы должны разделять на три области. Эти три области общественной жизни следующие: хозяйственная жизнь, государственная или правовая жизнь и культурная или духовная жизнь. Это требование трёхчленности связано с тайной человеческого становления в этот период.

Не думайте, что то, что утвердится как трёхчленный социализм, является какой-то случайной выдумкой. Это родилось из самого сокровенного знания человеческого развития, из того, что произойти должно, если не отрицать цель человеческого развития.

Мы застряли в этой ужасной катастрофе мировой войны последних нескольких лет потому, что имеется сложность в распознавании цели, имеющей духовную природу, и потому, что люди так далеко отошли даже от признания целей такого рода. Мы должны найти выход из этого хаоса. Сам ход человеческого развития диктует нам выход из этого хаоса. Однако, я считаю, что только исходя из антропософского восприятия, исходя из знания того, что

действительно происходит в человеческой эволюции, можно основательно понять необходимость социальной трёхчленности. Но сегодня не любят признавать такие вещи. Настоящее любит обращаться к самым близко лежащим задачам, а не вникать в более глубокие тайны бытия.

Это то, что так отяжеляет сердце вникающего в эти тайны человека, поскольку человечество больше всего отклоняет, как раз, то, что является для него самым необходимым. Но невозможно, как бы, желать остаться при только-что высказанных мыслях. Можно сказать, всякий пессимизм - это фальшь. Это не значит, что правилен любой оптимизм. Но правильна апелляция к воле. Вопрос не в том, произойдёт что-то так или иначе, а в том, что мы должны волить то, что лежит в направлении развития человечества. Это должно быть нам быть постоянно ясным. Со старым временем кончено, мы должны с ним рассчитаться. Мы можем прийти к правильному пониманию настоящего лишь в том случае, если правильно рассчитаемся со старым временем. Но новое время не позволяет нам рассчитаться с ним иначе, как спиритуально. Мы не должны обманывать себя, желая перенести в новое время то, что мы любили в старые времена, а мы должны начать обращаться во внешней жизни к действенным новым мыслям. Сегодня у человечества есть два пути. Один пролегает через механизацию духа. Дух стал очень механистическим в последнее время, особенно в абстрактных законах природы, которые как господствующие законы были затем перенесены в социальную жизнь. Механизация духа - вегетаризация души! Вегетарии спят, человеческая душа тоже стремится ко сну. Самые важные события осуществляются в спящем состоянии. Важнейшие события последних лет буквально проспали. Сегодня тоже важные события проходят как во сне.

С той позиции, с которой я сегодня должен здесь говорить, я хотел бы сказать: Люди в Центральной Европе изо дня в день позволяли себе говорить о ведущих личностях неверные вещи, и теперь, не замечая этого, они продолжают делать то же. Из биржевого бюллетеня сегодня люди видят: марка уже упала до 2,15 цента. На сегодняшний день я не нашел никого, кто мог бы увязать падение курса марки с другими очевидными событиями. Сегодня, собственно, достаточно указать только три , - я не буду их сейчас раскрывать — и тогда вы сможете найти ответ на вопрос о причинах этого падения курса марки. Но души любят спать, спать так сильно, что в настоящее время в Центральной Европе нас охватывает огромное разочарование по поводу того, что, я бы сказал, уже с восторгом ожидалось: Удвоение участия женщин в публичных парламентских выборах должно привести к удвоению понимания по-сравнению со старыми временами. А потом мы пережили Национальное собрание. Но удвоение понимания по-сравнению со старым немецким рейхстагом не произошло. Мы пережили продолжение старых партий в то время, когда эти партии должны были вообще исчезнуть. Никто понятия не имеет относительно того, что при этом случилось, поскольку души спят. Механизация ума - вегетаризация души!

А если мы взглянем на Восток, то там мы увидим сильнейший подъём анимализации тела. Как в американизации духа мы имеем механизацию духовной жизни, так и в том, что хочет распространиться на Востоке как большевизм, мы имеем анимализацию тела. Из-за своих эмоций эти люди критикуют то и это, но они не хотят понимать действительную жизнь. И, таким образом, у человечества сегодня есть выбор: либо идти туда, где, с одной стороны, оно находит механизацию духа, вегетаризацию души, анимализацию тела, либо, с другой стороны, оно может попытаться найти путь к пробуждению духа, найти это пробуждение духа в импульсах, соответствующих периоду времени души сознательной, в участии человеческой души в деятельности более высоких иерархий, в признании приходящей из прошлых земных условий сознательной человеческой души, в трёхчленности социальной жизни. Эти вещи связаны. И люди, которые объединяются в движении, которое мы называем движением антропософски ориентированной духовной науки, должны ощущать себя как зерно, из которого излучается сила для нового формирования социальной жизни. Поскольку то, что для социального преобразования может прийти с других сторон, может быть очень полезным. Но над этим нужно работать: Истинное социальное преобразование

может прийти только из спиритуальных импульсов. Поэтому можно было бы ожидать, что из этого круга, принадлежащего к этому движению, могло бы возникнуть наилучшее понимание этих условий.

Я представил вам сейчас некоторые моменты, которые могут показать вам сегодня нечто из потребностей нашей современной жизни, говоря это здесь, в этих новых помещениях. Я хотел бы, чтобы наше празднование состояло в том, чтобы мы при всяком пребывании в этих помещениях сохраняли сознание этих истин, которые так важны для развития человечества. Поскольку чем больше мы вносим такое сознание в нашу антропософскую работу, тем большее освящение мы придаём этой работе. И эти помещения будут освящаться нами лучше всего тем, что мы освящаем их посредством нашего восприятия, черпаемого из таких источников.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин, 13 сентября 1919 года

Из рассмотрений вчерашнего вечера вам должно быть ясно, насколько важно для человека современности, обращать своё душевное око к духовно-научному познанию, к тем сферам бытия, действительности, в которых для того, кто способен заглядывать в эти регионы действительности, ясно воспринимается деятельность духа в рамках развития человечества.

Начиная с середины 15-го столетия, - как я уже говорил, - цивилизованное человечество живёт в том периоде, в котором отношение человеческой души к существам трёх более высоких иерархий, Ангелам, Архангелам и Архам, становится совершенно другим, нежели раньше. Раньше эта связь была такова, что существа этих трёх иерархий работали над человеческим развитием из-за своего собственного интереса, то есть, исходя из своих собственных импульсов. Теперь же мы живём в тот период, когда эта работа тех существ более высоких иерархий закончена. У этих существ теперь нет никакого интереса продолжать работу над развитием человечества, которую они осуществляли до сих пор. Они будут входить в новые отношения с человечеством только тогда, когда человек начнёт заниматься духовными мирами сам, исходя из своей свободной воли, исходя из своего свободного желания. Если мы, как люди, исходя из своей свободной воли, в ближайшее время не обратимся к духовному миру, мы должны будем потерять нашу связь с этими духовными мирами, поскольку принадлежащие нам существа духовным мирам сами по себе не имеют никакого интереса иметь с нами дело. Мы пробудим их интерес снова, если, исходя из своей души, мы снова займёмся духовным миром, что означает, что мы будем питать те мысли, чувствования и волевые импульсы, в которые могут втекать духовные силы.

Теперь вы можете, однако, поставить вопрос, который должен был быть поставлен к концу нашего вчерашнего рассмотрения: Как человек сможет заниматься духовными мирами так, чтобы и в будущем земного развития он мог бы поддерживать свои связи с более высокими иерархиями? Тут я должен сказать вам вещи, которые на первый взгляд имеют с этим вопросом мало общего. Но мы увидим, что именно эти вещи, начиная с сегодняшнего времени, создают для нас основу для восстановления наших отношений с духовным миром. Первое, на что мы должны обратить внимание, это действительность различных конфессий, различных конфессиональных верований, существующих в цивилизованном человечестве. До сих пор существовала определённая необходимость в том, чтобы эти конфессии направляли сердца и разум человеческих душ к духовному миру, как они это делали. В

будущем конфессии будут либо способствовать тому, чтобы отрезать людей от духовного мира, либо им придётся внести в свои устремления что-то совершенно новое. Конфессии современности построены, по сути, на эгоизме людей, и нам нужно лишь поставить перед своей душой один из важнейших вопросов, который составляет и должен составлять лейтмотив конфессиональных рассуждений: вопрос о бессмертии человеческой души, - и по тому, как с этим вопросом обычно обходятся конфессии, мы можем видеть, что в этом обхождении сильно рассчитывают на эгоистические инстинкты людей. Конфессии, говоря о бессмертии, всё же чаще всего говорят - правда, исходя из глубоких оснований, которые мы сегодня обсуждать не будем, - о продолжении жизни души после смерти, то есть, о продолжении человеческой душевной жизни после смерти. Когда говорят о бессмертии с этой точки зрения, говорить с людьми сравнительно легко, поскольку человеческий эгоизм проявляется в этом вопросе в самом прямом смысле. Они просто не в состоянии перенести, - сейчас совершенно независимо от всех истин в этой области, - невозможность продолжения жизни после смерти, поэтому мы всегда найдём в человеческой душе определённую понимающую сторону, когда мы говорим о жизни после смерти. И вы можете быть уверены: те люди, которые обходятся с вопросом бессмертия так, как с ним чаще всего обходятся сегодня, проявляют к нему интерес чисто с эгоистической точки зрения. Душевно они также не хотели бы умирать. Само собой разумеется, что каждое видение будущего, говорящее о бессмертии души, должно будет также говорить и о продолжении существования души после смерти, поскольку, как вы все знаете из антропософски ориентированной духовной науки, при этом имеют дело с фактом действительности. Но того, как в антропософски ориентированной духовной науке говорится о продолжении существования души после физической смерти человека, конфессиями ещё далеко не принято.

Но важно и другое: что люди современности должны слышать о бессмертии ещё и совершенно другой язык, нежели тот, который они привыкли слышать. Тот, кто говорит о вопросах бессмертия, должен касаться не только жизни после смерти, но и той жизни, которая проживалась здесь, в физическом мире, от рождения до смерти. Поскольку вы знаете, что эта жизнь является продолжением той жизни, которую мы проводили между своей последней смертью и тем рождением, через которое мы вступили в это физическое бытие. И человечество должно учиться видеть эту физическую жизнь между рождением и смертью как продолжение духовной жизни до рождения, или до зачатия. Поскольку в каждом растущем человеке мы должны будем день за днём, неделю за неделей, год за годом видеть поднимающиеся изнутри силы духовных миров, то, что вступает через рождение и работает над постепенным формированием человеческого существа, начиная с рождения и до более поздних лет. Мы должны будем, как бы, разгадать в человеке бога, вмешиваясь в развитие жизни ребёнка. Социальные отношения между людьми должны определённым образом принять нечто от религиозного импульса, который пронизывает всю нашу социальную жизнь, включая и отношения человека к человеку. Но самым существенным, самым важным будет то, что мы окажемся в состоянии, чувствуя, видеть эту физическую жизнь как продолжение духовной жизни до рождения, что мы не будем каждый момент забывать о том, что человек в этой физической жизни имеет продолжение своей духовно-душевной жизни до рождения.

С этим будет связано и многое другое. С этим будет связано то, что мы снова узнаем, что в глубинах нашего существа покоится и постепенно проявляется наша собственная человечность. Я как-то указывал вам на древние времена человеческого развития, на те времена, которые с антропософской точки зрения являются первой и второй послепалеолитической эпохами человечества. Я указывал вам на то, как тогда человек вплоть до высоких лет был способен к развитию также, как сегодня способен к развитию только совсем юный человек. Совсем юный человек прорабатывает своё физическое развитие до седьмого года, до смены зубов. Он снова прорабатывает выражающуюся в физической жизни метаморфозу с половым созреванием. Затем, вещи происходящие в развитии, во внешней жизни заметны меньше. В древние времена было не так. Тогда то, что человек прорабатывал

душевно-духовно, выражалось вплоть до гораздо более высоких возрастных ступеней. Теперь это незаметно. Теперь мы становимся взрослыми уже в 17-18 лет, и это переживается ужасно, когда совсем юные люди выступают как старики. Один пример: Некоторое время назад у нас было собрание культурного совета в Штутгарте, где речь шла о системе образования современности. О ней говорили с разных точек зрения. Потом выступил один молодой человек, - скажем так, молодой человек, я мог бы также сказать взрослый подросток. Он сказал, что должен просветить общество относительно настоящих воспитательных идеалов. Ну, вначале он произнёс некоторые весьма риторические слова, потом зачитал программу современного просветительского общества, которая, однако, была такова, что его постоянно прерывали. Он не смог продолжать и завершил свою речь словами: В общем я должен констатировать, что старость уже больше не понимает своей молодости. - Затем он ушёл. - Поэтому я должен констатировать, что старость уже не понимает своей молодости. - Потом он ушел. - Я возразил на это, что я, конечно, понимаю, что его никто не понял, но по той простой причине, что он говорил слишком по-старчески, потому что он выступил слишком по-старчески. А именно, он выступил с положениями, которые были действительно самыми внешними абстракциями, - старческими абстракциями! Поскольку, что за существо сегодняшнего старческого? Это то, что человек обычно является способным к развитию лишь до определённого возраста; затем он принимает всяческое, поскольку он ещё даже не стыдится развивать себя. Затем, когда он достигает возраста, примерно после двадцати лет, ему становится стыдно себя развивать. Сегодня мы очень редко сталкиваемся с тем, что люди, у которых уже есть седые волосы и морщины на лице, с радостью ожидают следующего года из-за того, что каждый следующий год предлагает организму новые возможности развития, так что в каждом новом году он смог бы научиться чему-то новому, тому, чему раньше нельзя было научиться просто потому, что у его организма ещё не было такой возможности. Но люди сегодня не позволяют развиваться организму. Они стыдятся учиться ещё чему-либо, делать себя способным к развитию, достигнув уже юношеского возраста в тридцать лет. Дело в том, что человек действительно в течение всей жизни сохраняет возможность с радостью ожидать каждого нового года, поскольку каждый год, как по волшебству, создаёт в новых формах божественно-духовные содержания его внутреннего. Это то, что я хотел бы обозначить тем, что в действительности мы должны научиться ощущать способной к развитию не только нашу юность, но и всё существование между рождением и смертью. Для этого, конечно, потребуется новое воспитание. Когда наши старики вспоминают свои школьные годы, они обычно не вспоминают ничего приятного. Мы должны суметь организовать школьные годы так, чтобы, оглядываясь назад, они всегда были для нас новым оживляющим источником. Отсюда видно, что и в этом отношении человек может открыть возможность воспринять в своём внутреннем действительно божественно-духовное, пережить в себе нечто, что выходит за пределы жизни, возбуждаемой извне.

Сегодня необходимо узнать также и другие вещи. Сегодня люди ещё не знают тайну жизни, которая тесно связана с сегодняшней точкой развития человечества. В более ранние времена, до середины 15-го столетия, не было большой необходимости учитывать эту тайну. Сегодня необходимо обращать на неё внимание. Эта тайна жизни состоит в том, что человек, как он сейчас конституирован, - телесно, душевно, духовно, - ночью каждый раз определённым образом бросает взгляд на события грядущего дня, но так, что эти события грядущего дня ему не всегда необходимо иметь в полном дневном сознании. Тот, кто их имеет, так это его Ангел. Таким образом, то, что переживается ночью в обществе с существом, которого мы называем Ангелом, является предварительным просмотром грядущего дня. Но вы должны это рассматривать не с точки зрения человеческого любопытства, это была бы неверная точка зрения, а с точки зрения практической жизни. Только тогда, когда человек внутренне полностью проникнут этим настроением, он будет правильным образом принимать решения, брать с собой мысли в своё проживание дня. Предположим, совершенно конкретно, человек должен в какое-то время дня, скажем в 12 часов, что-то сделать. О том, что он тогда должен сделать, уже была договорённость между

ним и его Ангелом в предыдущую ночь. Так дело обстоит уже с середины 15-го столетия. Ему нет необходимости иметь это в своём сознании, это не рассчитано на его любопытство. Но человек должен быть пронизан этим настроем, тем, что то, о чём он договаривался со своим Ангелом предшествующей ночью, он должен исполнить в течении дня.

Есть множество вещей в настоящем, которые могут потрясающим образом указать людям на то, что я только что сказал вам. Как раз, эти годы боли, последние четыре-пять лет, могут преподать человечеству этот великий урок, что это сознание связи с более высокими существами каждый день посредством переживаний предыдущей ночи, к сожалению, отсутствовало. Насколько всё было бы по-другому в последние четыре-пять лет, если бы людей пронизывал настрой: То, что ты делаешь, ты делаешь в согласии с договорённостями с твоим Ангелом в продолжении последней ночи. - Это те вещи, о которых надо говорить сегодня. Надо говорить о том, что человек должен учиться рассматривать эту жизнь между рождением и смертью как продолжение духовно-душевной жизни, которую он проживал до рождения. Надо говорить о том, что человек должен быть способен переживать откровения бога в своём существе в продолжении всей своей жизни. И нужно говорить о том, что человек должен пронести через всю свою дневную жизнь сильное сознание: То, что ты делаешь с утра и до вечера, ты обговаривал с твоим ангельским существом до этого, во время от засыпания до пробуждения.

Люди должны обращаться к таким ощущениям, которые в отношении духовного мира намного конкретнее, чем ощущения сегодняшних более абстрактных конфессий и которые в то же время предполагают апеллирование не к эгоистическим, а к не эгоистическим устремлениям человеческого существа. И, исходя из таких ощущений, возникнет то, что установит необходимые связи с теми существами, которые принадлежат к иерархии Ангелов. Тогда эти существа смогут снова интересоваться человеком. Настрой людей в отношении духовного мира должен двигаться в этом направлении.

Надо понимать и ещё кое-что. Вы знаете, что современные конфессии много говорят о боге и божественном. О чём они, собственно, говорят? Конечно, они говорят лишь о том, о чём в человеческой душе есть, по крайней мере, предвосхищающее сознание. Люди говорят о боге, они говорят о Христе, но всегда имеют в виду только Ангелов. Поскольку они являются теми, к кому люди ещё могут обращаться, поскольку они до сих пор вызывают родственный тон в их душах. Всё равно, о чём сегодня людям говорят конфессии, о боге или о Христе, или ещё о чём-то, мыслительный материал, исходя из которого это говорится, охватывает лишь принадлежащих к людям ангельских существ, Ангелов. Выше этой иерархии сегодня не подняться, поскольку люди сегодня отвыкли искать связи с духовным миром более всеохватывающим образом, нежели исходя из эгоизма. Связи с Архангелами, с иерархией Архангелов, необходимо искать другим образом. Интересы, которые сегодня имеют люди, должны существенно расширяться. Я хочу дать вам некое представление о том, как должны расширяться интересы людей, чтобы они в своих ощущениях смогли подняться от склонности к Ангелам до склонности к Архангелам.

Тогда люди должны проделать в своей душе примерно следующее и сказать себе: В последние четыре-пять лет мы пережили ужасные события во всём цивилизованном мире. Множество людей интересовалось причинами этих событий, многие обвиняли друг друга. Можно много говорить о вине и невиновности. А между тем, если отбросить самое внешнее, то такие разговоры о причинах, о виновности и невиновности, не могут иметь большого интереса по той простой причине, что всё же можно видеть, что то, что в последние четыре-пять лет было вынесено на поверхность, похоже на морские волны, которые силами моря вынесены из недр на поверхность. Ведь, было так, что человечество из года в год становилось всё более и более возбуждённым. Одна нация за другой принимала участие в великой человеческой глупости последних лет, и можно было только сказать: Тут вскипает нечто из элементарных сил, выбрасывается на поверхность. Море человеческой жизни становится беспокойным. Что это?

Относительно этого не придёт ясность, если тот факт, что человечество пришло в такое беспокойство, не расширить на то временное пространство, которое называют историей. Надо будет сказать: То, что как борьба оружия произошло в последние четыре-пять лет, является лишь началом тех событий, которые будут разыгрываться в совершенно другой области, и которые человечество ещё не видело. Мы стоим не в конце, - как говорит лишь поверхностное рассмотрение человеческого развития, - а в начале великой борьбы, духовной борьбы цивилизованного мира. И все свои озабоченности, усилия, мы должны направлять на то, чтобы быть доросшим до этой борьбы. Восток и Запад в ближайшие времена всё больше и больше грозят душевно противопоставить себя друг другу. Поскольку Восток и Запад развивались в двух совершенно разных направлениях. Если мы хотим взглянуть на эти вещи, необходимо будет представить определённые явления современности как глубокую основательную загадку.

Уже десятилетия в социалистических кругах, исходя из марксистского мировоззрения, можно было слышать, что всё, что люди переживают как искусство, религию, нравственность, право, науку, является идеологией. Я подробно представил это в первой главе «Основных пунктов социального вопроса». Это означает, что то, что ведущие буржуазные круги в последние три-четыре столетия выработали в качестве взгляда на жизнь, но что эти буржуазные круги, исходя из известного малодушие, не признали, - это, исходя из истины, признали социалистические круги последней половины столетия. Они сказали: Истинная действительность социальной жизни состоит только в том, что происходит действительно, единственное реальное лежит в экономических силах хозяйства. То, что в человечестве сформировалось как искусство, религия, нравственность, как наука, как право, как мораль, - всё это подобно пару, поднимающемуся из настоящей действительности. Это просто идеология, не имеющая никакой действительности, - она имеет только кажущуюся действительность. - Ведь, с этим и связаны социальные устремления социалистических партий в новейшее время, что эти партии говорят: Нужно только изменить хозяйственную жизнь, и тогда вместе с этой экономической жизнью изменится и всё остальное. Поскольку это другое, мораль, нравственность, право, религия и так далее, являются, ведь, чем-то таким, что поднимается как пар, как нечто недействительное, как идеология, из единственно действительного, из хозяйственной жизни.

Но тот, кто рассматривает мир не в малом, а в крупном, тот видит, что буржуазные круги могли бы высказать это слово «идеология» уже три-четыре столетия назад. Они были просто слишком трусливы для этого, но они чувствовали, что экономическая жизнь является единственной действительной, а то, что извлекается из неё как наука, искусство, религия и так далее, является просто паром. Такой была вся жизнь, и ученики этого буржуазного мира лишь сделали окончательные выводы. Потому что социалисты являются лишь учениками этого буржуазного мира, они лишь довели его до крайности. Но то, что я только что сказал, является воззрением, которое сложилось на Западе и достигло там своего апогея во второй половине девятнадцатого и в двадцатом столетии.

Исходя из других импульсов, на Востоке сложилось мировоззрение, которое говорит: Я смотрю на то, что внешне происходит в мире. Я смотрю на то, что мои чувства опосредуют мне как впечатления, я смотрю на то, что я использую как инструмент, чтобы изменить мир, я смотрю на то, что светит мне от звёзд, я смотрю на самого себя как на тело. Что это всё? - это майя. Что же тогда истинная действительность, что не иллюзия? Действительностью является то, что переживается внутри человеческой души. - Тот, кто переводит не лексикографически, - при этом ничего не выйдет, - а внутренне, тот знает, что то же слово, которое на Востоке звучит как «майя», на Западе звучит как «идеология». Восточный человек уже тысячелетия рассматривал внешний мир, действующий на наши чувства, включая и хозяйство, как майю. Западный человек напротив, в том, что для восточного человека является майей, видит действительность, а то, что поднимается из души, является для него идеологией. Оба мировоззрения доведены до определённой ступени. Поспрашивайте сегодня ведущих деятелей социалистических партий, а конкретно, в тех местах, где первая

революция ещё не произошла, - которую здесь называют ноябрьской революцией. Эта революция, правда, несколько изменила также и понятия у социалистических вождей. Не ощущения, а понятия; от них и сегодня можно услышать то, что говорили и до катастрофы войны, - что для преобразования, революционизирования мира ничего не нужно предпринимать, исходя из воли, что всё произойдет само собой. На Западе выступило нечто фатальное. Люди говорили: Надо только подождать, пока средства производства разовьются настолько, что то, что концентрируется в частном капитале, само перейдет в другие формы. Мышление было таким, будто говорилось примерно следующее: Здесь, в этой комнате плохой воздух, я больше не могу дышать. Можно было бы открыть окно, но я этого делать не буду. Я подожду, пока воздух сам не станет лучше.

Фатализм Запада, фатализм Востока, - мы знаем их хорошо. На Востоке, - не с самого начала, - когда сформировалось мировоззрение майя, люди впали в полный фатализм,. Каждое мировоззрение, исходя из своих внутренних законов, имеет склонность однажды стать фатальным. Но сегодня мы находимся в том пункте, где мы должны себе сказать: Из этого фатализма надо будет выйти. От простого рассмотрения, созерцания, должен быть найден переход к воле, к волеию. Мы можем импульсировать своё волеие, развивая такие импульсы, которые я вам только-что представил: в отношении рождения как продолжения жизни до рождения, в отношении того, чтобы оставаться молодыми до получения седых волос и морщин, в отношении вторжения ночной работы Ангелов в дневную жизнь. Это необходимо. Необходимо, чтобы человек получал импульсы для своей волевой жизни, благодаря тому, что он будет расширять круг своих интересов, что он будет видеть не только то, что происходит в его собственной персональной индивидуальной жизни, но и то, что различным образом происходит в цивилизованном мире. Взглянем на Запад, на то, к чему принадлежим мы сами, мы видим: идеология - внутренний мир. Действительность - внешний мир. Взглянем на Восток: идеология, майя - внешний мир. Действительность - внутренний мир. И в этом столкновении людей современности у нас есть задача волевым образом отыскать путь из того, что в этом мировоззрении уже стало фатализмом. Мы должны искать этот путь; мы найдём его только тогда, когда сможем сделать серьёзным то, что людей сегодня ещё ужасно злит.

Однажды раздалось странное эхо, когда в одном южно-немецком городке на лекции я сказал что-то, что очень разозлило людей, но это была одна из необходимых современности истин. Нельзя говорить эти вещи так, чтобы всем нравилось, их надо говорить так, чтобы они соответствовали истине. В связи с этим я должен был сказать: как раз, правящий класс имеет сегодня декадентский физический мозг. Неприятно, когда приходится это говорить, а тем более неприятно это слышать. Но необходимо, чтобы человек это испытал. Как раз, люди, которые привели к сегодняшней конфигурации времени, дошли при этом до того, чтобы иметь декадентский физический мозг. Это так! И мы сегодня в некотором отношении находимся в таком же положении, в каком были люди Европы при переселении народов и распространении христианства. Христианский импульс пришел с Востока, он проходил сначала через Грецию и Рим. Греческий и римский мир был, конечно, развит гораздо выше, чем германский. Германцы были варварами. Но мозги греков и римлян были декадентскими. Поэтому волна христианства была принята в греческом и римском мире не так, как она была принята тогда, когда она пришла к германцам. При переселении народов, она проходила горизонтально. Сегодня она вертикальная. Сегодня волна духовной жизни идет из духовного мира. Как христианство вначале столкнулось с греками и римлянами, так духовный мир сталкивается сегодня с буржуазным миром, и он является декадентским. Пролетарии ещё не декадентские; они ещё понимают, что имеется в виду под спиритуальным миром. Но остальные нуждаются в подготовке через антропософию, то есть, должны сформировать ту часть мозга, которая не является физической, должны сформировать эфирный мозг. Сегодня мы стоим перед необходимостью того, что ведущие классы будут иметь не только декадентский мозг, но и полностью погрузятся в декадентство, если они не поймут, что должны сверхчувственно достичь спиритуального мировоззрения.

Трагизм буржуазного мирового порядка состоит в том, что он всё хотел бы понять физически, в то время как сегодня необходимо постигать вещи эфирным мозгом, то есть, принимать в себя спиритуальные истины. Современное человечество должно идти в этом направлении, и тогда Запад должен взять управление в свои руки. И здесь мы должны познакомиться с чем-то очень важным.

Взгляните на языковое развитие, идущее с Востока на Запад. Возьмём наш немецкий язык. Сегодня, ведь, им ужасно злоупотребляют, но, когда мы оглядываемся назад на язык Гёте и Лессинга, мы видим в нём ту особенность, что не так давно словами немецкого языка могло обозначаться нечто конгруэнтное (соответствующее) духовной жизни. Сегодня мы ужасно пренебрегаем языком, сводим его к фразе. Но дело не только в языке, что он не может быть духовным. Но чем дальше мы идём в западные языки, тем больше мы находим, что эти языки, из самого языка, из звуков языка, из тона языка, даже из грамматики языка, выбросили собственно духовное. И из этого выбрасывания духовно-душевного из англо-американской идиомы следует мировая миссия англо-американских народов. Эта мировая миссия англо-американских народов состоит в том, что они, слушая других людей, учатся - они учатся этому совершенно инстинктивно, но они этому учатся, и учатся этому в захвате мирового господства - воспринимать не только звук, но и жест языка, воспринимать больше, нежели просто физический звук, воспринимать нечто, что выходит за пределы сказанного. Это действует от эфирного тела к эфирному телу. Это тайна западного языка, что физический тон теряет своё значение. И значение приобретает духовное. Тут это лежит уже в задаче народа: позволить духу просочиться в язык, - не только физически слышать, но и интуитивно чувствовать, ощущать больше, чем то, что входит в звук. Это так на Западе, тут духовное надо искать через сам язык.

Если мы теперь взглянем на Восток, то ощутим у народов Востока некое всё более далеко идущее стремление не останавливаться с углублением во внутреннее на том, что ранее сформировалось согласно карме, согласно перевоплощениям и так далее, а выглядывать в мир и воспринимать духовное во внешнем мире, а также закладывать основу, своего рода, рассмотрения природы.

Это лишь небольшие примеры того, как можно расширить свои интересы от личности, а также от своей национальности, на всё человечество, как можно сказать себе: Мы смотрим на Запад и видим там идеологию, но иную идеологию, нежели на Востоке. Мы видим, однако, как исходя из этих противоположностей, внутри земного человечества возбуждаются элементарные силы. Мы учимся тому, как стоять внутри всего цивилизованного мира. И когда в нас разовьётся такое знание нахождения внутри всего цивилизованного мира, тогда мы разовьём в себе также и то, как прийти к ощущениям, благодаря которым мы поднимемся над сферой Ангелов. Просто наша сфера интересов расширяется таким образом, что мы склоняемся к понятиям, восходящим в сферу Архангелов. Поскольку всё, что я сейчас сказал о противопоставлении идеологии и майи и так далее, - это нечто такое, что, в отношении первичных сил этого, происходит в сфере Архангелов. Тогда мы выходим за пределы сферы Ангелов. Отсюда вы видите, что людям современности действительно необходимо. Если сегодня кто-то говорит о майя, об идеологии и так далее, как я это рассмотрел, и если он к тому же говорит: первичные силы этого лежат в сфере Архангелов, то кто он тогда в глазах умных людей? Клоун, разумеется, поскольку люди, посредством духовности, которую они обрели, оказались настолько ограниченными, что их перестали интересовать великие интересы человечества. Это можно сделать только с духовной точки зрения, только если проникнуть в то, что работает над великими интересами человечества.

Теперь у вас есть понятие о том, как можно достичь сферы Архангелов. Можно подняться ещё выше. Этому люди современности должны также учиться. Наши образованные классы должны оглянуться назад, на греческое время. А именно, если они мужчины, - в новейшее время эта процедура касается и молодых женщин, - они должны были пройти гимназию, принять в себя греческое образование, и, благодаря этому, иметь тогда в себе достаточный импульс, всё больше и больше вчувствоваться в греческий мир. Это

имеет огромное значение для нашей цивилизации, поскольку мы делаем это так, что, как раз, в наши важнейшие годы развития мы учим то, что дали миру греки. Сами греки делали это иначе. Им, конечно, не приходило в голову обучать юношей, скажем, египетскому языку. Они посвящали себя тому, что было их непосредственной действительностью. Они обладали чувством непосредственной действительности. Мы же не занимаем нашу молодёжь тем, что их окружает, так, чтобы они воспринимали импульсы действительности. Мы погружаем их в древние времена. Мы, собственно, понятия не имеем о том, что мы при этом делаем. Поскольку мы даём при этом детям - наверное, надо лучше сказать, молодым господам и молодым дамам - не просто, скажем, греческий язык. А в языке, в конфигурации звуков, в грамматике какого-либо языка лежит также весь характер целого народа. Усваивая греческий язык, как это происходит сегодня, положение его души в мире принимает конфигурацию, подобную той, которая имела место в Греции. Там вся культура была организована так, что, собственно, только небольшой слой наверху принимал участие в этой культуре, остальные были рабами. Ведь, в Греции лишь свободный человек был достоин заниматься наукой, политикой и, в лучшем случае, ещё - но под присмотром - сельским хозяйством. Всё остальное было делом рабов. Вот что лежит в языке. И объединяя в себе греческую культуру с языком, мы объединяем с нашим духовным образованием аристократизм. Для грека было естественным организовывать весь социальный организм согласно своей духовной направленности, поскольку для него это было связано с кровью. Там были люди, которые составляли широкие массы. Затем были те люди, которые являлись высшим типом, и через свою кровь они уже имели в себе высшую духовную жизнь. Это выражено даже в греческой скульптуре. Сравните тип Меркурия, расположение его носа и ушей, с типом Зевса или Афины: другое положение носа, другое положение ушей. Грек точно знал, что он хотел выразить, изображая тип Меркурия, с одной стороны, и тип арийского Зевса с другой.

Мы пронизаны всем этим больше, чем мы думаем. Развивая сегодня мировоззренческие идеи, мы развиваем, по сути, идеи, которые соответствуют тому, что у греков выходило из крови. Наша духовная, наша культурная жизнь пронизана тем, что мы принимаем из греческой культуры. Греческая культура входит в наше время люциферически. Греческая культура метаморфозировалась в римскую культуру. В римской культуре мы имеем следующее за этим время. Римляне, по сравнению с греками, были трезвым, прозаичным народом, и они выстроили другие стороны жизни. То, что у греков приходило из крови, они изживали абстрактно. По сравнению с греками они самого человека сделали абстракцией, государственным гражданином. Человек в римском смысле, собственно, не человек, - он гражданин государства. Греку это непонятно. Человек - это не то, чем он является как человеческое существо, когда он входит в человечество, а тот, кем он является, будучи зарегистрированным в каком-либо документе государства. Сегодня это иногда выступает гротескно. У меня был один старый друг, которому было шестьдесят четыре года. Однажды он сказал: «Теперь я сэкономил так много денег, - он всегда был бедняком, - что теперь хочу жениться на любимой моей юности». - Он обручился, когда ему было восемнадцать, но в то время у него не было денег, чтобы жениться на своей невесте. И эти двое поклялись друг другу, что будут ждать, пока они не смогут пожениться. Теперь это было возможно. Между тем ему теперь было шестьдесят четыре, а ей шестьдесят два. Таким образом, он приехал в свой родной город и написал, что теперь все хорошо, у него есть деньги. Но они так и не смогли пожениться, потому что его община сомневалась в его существовании. Дом викария сгорел много лет назад вместе со всеми свидетельствами о крещении и так далее, и не осталось никого, кто мог бы дать какие-либо данные о его личности. Он думал, что доказательством будет то, что он сам там будет, но у него не было никаких законных доказательств! Брак, в конце концов, всё же состоялся, но эти трудности дали ему понять, что свидетельство о крещении гораздо важнее, чем его собственная личность.

Таким образом, человек - это гражданин. Человек - это то, что существует в абстрактных отношениях. Это воззрение, по существу, римское, и всё, что в этом смысле существует в обычной жизни, по существу, является римским. Наше образование в основном берёт на себя

государство, которое стало таким абстрактным и станет ещё более абстрактным под влиянием социализма. Сегодня человека воспитывают не для того, чтобы он был поставлен в мир как человек, а для того, чтобы он имел государственную работу и быть вставлен в неё. Государство берет молодых людей в свои руки, - не сразу, поскольку они для него ещё недостаточно чисты, и оно оставляет их на время родителям. Но затем он тянется своими щупальцами к человеку и дрессирует его так, чтобы он ему подходил. И он прекрасно знает, что тогда люди будут ему подходить. Поскольку, что он им даёт? Он даёт им экономическую жизнь, даёт им всё, что для них предписано, а затем отправляет на пенсию. И надо только слышать, что это значит для человека, когда он может сказать себе, что он получит не только оплачиваемое место работы, но потом будет получать ещё и пенсию! Это нечто грандиозное и это приковывает человека к государству, и это влияет затем также на прочий настрой. И здесь в оставшегося человека вступает римский настрой. Если вы сегодня человеку скажете: Для того, чтобы принять участие в своем бессмертии, ты должен сделать активным то, что действует в твоей душе, чтобы ты сам активно проводил свою душу через врата смерти, - то он этого не поймёт. Его полностью отучили направлять свой разум на такие вещи. Вместо этого ему говорят, что всё, что тебе нужно делать, это верить в Христа и в то, что делает государство. И тогда он знает: сначала государство о нём позаботится, а когда он достаточно поработает, оно отправит его на пенсию. А церковь делает тогда дальнейшее. Она отправляет после смерти на пенсию душу человека, так чтобы ему не надо было работать над своей душой и делать что-либо самому, когда он переносит свою душу через врата смерти. Сегодня человек зарегистрирован, и политику римского существа мы приняли в наше существо в качестве второго, и принимаем всё больше и больше.

В этой области можно получить ужасный опыт. Я участвовал сейчас в Штуттгарте в создании вальдорфской школы и при этом мне представляли различные учебные программы. Когда я вспоминаю семидесятые и восьмидесятые годы, я должен сказать, что тогда учебные программы были ещё маленькие; тогда они содержали то, чему должны были учить в каждом классе. Были даны учебные цели и материал; в отношении всего остального учитель был ещё свободен. Теперь даются учебные планы огромного объёма, и на первой странице стоит: «Должностные обязанности», «Распорядок», где указано, как надо вести себя на уроках. Таким образом, то, что должно действовать только от одной живой личности к другой живой личности, стало установленным государством, стало предписанным. Это смерть духовной жизни. Эта смерть духовной жизни ведёт из Центральной Европы прямо в Рим! Это второе, что мы приняли в себя с римской культурой, - политически-правовое.

К этому прибавилось то, что не позволяет пересадить себя из старых времен в новые: хозяйственная жизнь. Это должно было быть модерном. Поскольку можно пережёвывать то, знавали греки, можно позволить действовать на себя тому, что в качестве правовой жизни имели римляне, но нельзя есть то, что ели греки и римляне. Хозяйственная жизнь должна быть современной. Таким образом, мы постепенно дошли до того, что имеем скрещение нашей хозяйственной жизни с греческой духовной жизнью и с римской правовой жизнью, и теперь перед нами стоит задача снова разъединить эти вещи, достичь понимания того, что эти три слоя, которые, как бы, свалены в одну кучу из различных времён, должны быть разделены. То есть, расширить свои интересы - как раньше относительно Востока и Запада в пространстве - вплоть до современности, то есть, подняться до способности ощущений, которые могут поднять нас до Архаев. Но сколько людей сегодня хотят развить интерес к этим вещам, неподвизтый интерес к тому, как действует дух времени, сдвигая времена друг в друга, как я это описал. В Штуттгарте я говорил о неестественности нашего гимназического образования. Я не знаю, была ли это только временная связь, но временная связь была. Через пару дней после того, как я говорил об этом, в штуттгартских газетах появились большие объявления, подписанные всевозможными париками, пардон, профессорами, и тому подобными; что нельзя недооценивать гимназическое образование, ибо оно способствовало величию немецкого народа, которое так славно проявилось в последнее время. Буквально это можно было прочесть как предполагаемое мнение воспитателей юношества в апреле 1919-

го года, после октября 1918 года! И такие вещи возможны в наше время. Но, ведь, возможны и другие вещи.

До тех пор, пока мы не придём к тому, чтобы видеть эти вещи таким образом, что мы принимаем импульсы, проникающие в наш физический мир из духовного мира, пока мы не осознаем, что как человек через свою телесную организацию связан с царством животных, царством растений и царством минералов, так через свою духовную организацию он также связан с иерархиями Ангелов, Архангелов и Архаев - с Духами Личности как защитниками личностного развития, с Духами народов как защитниками развития народов в пространстве, с Духами Времени как защитниками развития во времени, - пока у нас нет возможности понять эти вещи, исходя из духовного фундамента, мы не можем идти дальше. Всё должно привести к тому, чтобы человек сегодня нашел в себе мужество и силу заглянуть в духовный мир. Мы стоим в начале жесткой борьбы, где будут взбудоражены все инстинкты, исходящие из одной полуправды: экономическая реальность является единственной, всё духовно-душевное является идеологией, - и из другой полуправды: единственной реальностью является духовно-душевное, а всё внешнее является идеологией, майей. - Эти противоположности высвободят в человеческой природе такие инстинкты, что еще долго-долго будет разгораться духовная битва в формах, о которых человечество сегодня не имеет никакого понятия. Мы должны это знать, и мы должны также знать, как нам развить себя, в смысле формирования времени, для рассмотрения духовного мира так, как мы это описали.

Это то, что повелевает нам делать само время, то, что требует оно само. Мы должны обратиться к нему. Подробнее об этом завтра.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин, 14 сентября 1919 года

Я говорил о том, что современная эпоха является в истории развития человечества такой эпохой, в которой человечество встаёт перед великим испытанием, пусть даже то, что проходит через это испытание, протекает большей частью в бессознательном человеческой души.

Люди, говорил я, знают и знать должны, что это такое, переступить порог в невидимый мир, когда они проходят, своего рода, посвящение, если сознательно вступают в этот невидимый мир. Только нечто подобное - конечно, не с сегодня на завтра, а в продолжении длительных периодов, - происходит с самим человечеством, когда это человечество должно пережить, как действующие друг в друге силы мышления, чувствования и воления, как бы, становятся разделёнными, подобно тому, как они становятся самостоятельными при переходе порога в сверхчувственные миры. Всё это связано со значительными изменениями в самом внутреннем человеческой природы, и это является задачей времени, эти изменения в самом внутреннем человеческой природы принять в сознание. Именно это стремление к удобству человека современности, нежелание знать, что, собственно, происходит с человечеством, это погружение в иллюзии и, по сути, в мечтательность относительно жизни, - это то, что необходимо преодолеть.

Вы поймёте то, что я должен сказать вам сегодня, лучше всего посредством размышления о давно известном факте сверхчувственного бытия, посредством размышления о том, как человеческое Я и его астральное существо покидают при засыпании физическое и эфирное тела, а при пробуждении снова в них возвращаются. Ну, это некая общая характеристика, как бы, схематическая характеристика. Так говорят вообще, что человек при пробуждении возвращается в свои физическое и эфирное тела. Но это возвращение

протекает, как бы, в различной градации. Если вы посмотрите на маленького ребёнка, то вы никогда не сможете сказать, что Я и астральное тело полностью погружаются в физическое тело и эфирное тело, что они в своей деятельности полностью объединяются с деятельностью физического тела и эфирного тела. В этом Я и астральном теле всегда присутствует нечто, что не соединяется с физическим и эфирными телами. И если мы оглянемся на более ранние времена развития человечества, на тот важный, поворотный пункт в развитии человечества, который, как я вам говорил, приходится на середину 15-го столетия, то мы сможем сказать себе, что для всей человеческой жизни в древние времена до этого пункта дело обстояло так, что полного погружения Я и астрального тела во время бодрствования, во время сознательного бодрствования человека, не происходило. И в развитии, как раз, в нашем послееатлантическом периоде, это является чрезвычайно важным фактом, что наша душа и наше духовное, наше Я и наше астральное тело, только теперь могут полностью погружаться в физическое и эфирное тела, а именно, только сейчас, примерно в наше время, - позднее обстоятельства снова несколько изменятся, - после достижения возраста в 27-28 лет. Это очень важная тайна в развитии человечества. Только, собственно, сейчас человек переживает то, что он полностью погружается в своё физическое тело, а именно, также только тогда, когда он достигнет полностью зрелого возраста в 27-28 лет. И что же означает это полное погружение в физическое тело? Это означает, что, благодаря этому погружению, мы оказываемся в состоянии развивать те мысли, разворачивать те идеи, которые являются материалистическими, естественно-научными идеями, начиная со времени Галилея и Коперника. Для этих идей, для этого естественно-научного воззрения физическое тело является верным инструментом. В предыдущих столетиях это достигалось не в бодрствующем состоянии, поэтому естественно-научного мышления не было. Оно полностью привязано к физическому телу. С этим связано тогда и всё остальное, что я должен был вам сказать в эти дни о той деятельности, которую должен развить человек в связи с духовно-научным воззрением так, чтобы он снова привлёк к себе интерес существ следующих трёх более высоких иерархий, как я вам это описывал. С помощью существ этих трёх иерархий мы продвинулись так далеко, что можем теперь погружаться в наше физическое тело, и тем самым можем знакомиться с мёртвым, минеральным внешним миром естественно-научным образом.

Это просто задача человечества в наше время, знать об этих вещах. Без осознания этих вещей, человек живёт в настоящем культурном периоде, как бы, в спящем состоянии, и в этом лежит причина того, что сегодня люди проживают события вокруг них в спящем состоянии. Надо позволить этим конкретным фактам воздействовать на свою душу, чтобы осознать, какие силы господствуют и действуют сегодня в развитии человечества. Можно сказать: В настоящее время многое должно стать новым, причем под «настоящим временем» я, конечно, имею в виду период, охватывающий долгое время. Прежде всего, должны стать новыми такие вещи, как образовательные цели. Я уже указывал на это с нашей точки зрения. Мы должны с детства воспитывать человека так, чтобы он правильно вошёл в тот возраст, который характеризуется полным погружением в физическое тело. Мы должны привести людей к тому, чтобы они могли полностью погрузиться в физическое тело. Почему же тогда необходимо предпринимать усилия по преобразованию и обновлению нашей системы образования? Их необходимо предпринимать потому, что человечество, вступая в новую стадию развития, должно быть готово к переживанию этой новой стадии. Каждый, кто сегодня наблюдает за жизнью, знает, что в настоящее время есть чрезвычайно много сломленных человеческих натур, которые не справляются с жизнью. И почему они не справляются с жизнью? Потому что, как я это показывал, они не могут взглянуть назад на события в их детстве, которые они должны были бы иметь при воспитании. Определённые силы могут быть развиты только в детстве. Если они тогда развиты, то они остаются в наличии в продолжении всей жизни, они есть у человека, и тогда он является взрослым для жизни. Если их у него нет, то он не дорос до жизни. Именно так мы должны понимать то

чувство ответственности, которое человек должен приобрести сегодня по отношению ко всему существу воспитания.

Теперь нечто другое: Мы должны уяснить себе, что импульс Христа вступил в человечество в четвёртом послеатлантическом культурном периоде. Этот период начался в восьмом столетии до Христа и длился приблизительно до середины 150-го столетия нашего летосчисления. Примерно после окончания первой трети этого периода в человеческое развитие вступило то, что дало смысл всему земному развитию, импульс Христа, Событие Голгофы. Оно вступило, когда человечество находилось в процессе развития души разумной, или души характера (*Gemütsseele*). Это развитие души рассудочной, когда человеческое мышление и восприятие были более инстинктивны, нежели сегодня, в 15-ом столетии сменилось периодом развития души сознательной, в котором мы и находимся. То, как это Событие Голгофы как всемирно исторический импульс вступило в развитие человечества, поначалу было рассчитано на инстинктивное понимание четвёртого послеатлантического периода. Тогда оно было принято людьми этого периода. Для этого инстинктивного понимания естественно было думать, что в личности Иисуса из Назарета жил Христос, который в тот период спустился с космических высот, чтобы для земных дел соединиться с телом Иисуса из Назарета. В событии Голгофы каждый мог чувственным образом распознать великое, значительное, сверхъестественное событие, как оно вошло в человечество в то время. Со временем то, что было в силах души рассудочной, или души характера, становилось всё более и более парализованным. То понимание события Голгофы, которое ещё существовало в первые века христианского развития, продолжаться не могло. Оно должно было вылиться в совершенно другое душевное состояние цивилизованного человечества. Следствием этого было то, что с появлением души сознательной само Событие Голгофы становилось всё более и более материализованным. Поэтому мы видим, как развитие цивилизованного человечества в последние четыре-пять столетий проходило так, что понимание того, что, собственно, произошло на Голгофе, что Христос проживал в Иисусе из Назарета, всё больше и больше уходило. Эта великая мистерия, которая инстинктивно была познана в первые столетия после Христа, понималась всё меньше и меньше. Она всё больше и больше материализовывалась, вплоть до нашего времени, когда стало возможным, - и в этом даже видели прогресс в этой области, - что люди больше не хотели ничего знать о сверхчувственном, космическом Христе, и начали говорить об Иисусе из Назарета просто как, хотя и о необычном человеке, но всё же как о человеке, таком же, как и все остальные.

Мы и здесь стоим в поворотном пункте. Должно прийти новое понимание Христа. Это новое понимание Христа может прийти лишь в том случае, если искать его средствами духовной науки, если искать его так, чтобы сверхчувственными средствами можно было снова найти то, что, собственно, могло осуществиться только в сверхчувственном, что в чувственном может только проявиться. И это новое понимание Христа должно выйти из таких глубин человеческой природы, что, перед лицом этих глубин человеческой природы, прекратятся все конфессиональные различия, которые господствуют в цивилизованном человечестве. Все причины этих конфессиональных различий коренятся в той душевной конституции, которая находится скорее на поверхности души, по сравнению с тем, что сегодня, исходя из духовно-научных оснований, должно привести к новому пониманию Христа в Иисусе. И это понимание будет несовершенным, если оно не будет таким, что сможет действительно удовлетворить потребности сегодняшней человеческой души, если оно в то же время не преодолеет различия в человечестве, которые в это человечество были внесены конфессиями. Мы должны испытывать некоторую надежду в отношении этого нового Импульса Христа, которого, по сути, все мы должны жаждать, если мы серьезно и достойно относимся к человечеству, мы должны надеяться на то, что сегодня совершенно непонятным образом ищут в других областях. Сегодня люди говорят и надеются на что-то от деятельности, так называемой, международной Лиги Наций (*Völkerbund*). Удивительно, насколько люди сегодня жаждут абстракций, чтобы понять действительность. Ведь, откуда должны прийти импульсы, которые действовали бы во всех народах, для того, чтобы

достигнуть единства, которое имеется в виду под этой, так называемой, Лигой Наций? Посмотрите на всё, что в качестве душевных импульсов было выдвинуто до сих пор для обоснования это Лиги Наций: это пара абстракций. Но люди просыпают сегодня такие вещи. Насколько они просыпают такие вещи, видно из следующего факта: Ведь, Вудро Вильсон, изобретатель или, по крайней мере, повторный изобретатель этой Лиги Наций, когда ещё Америка не была вовлечена во всемирные переговоры в такой степени, как сегодня, сказал, что Лига Наций может быть правильно обоснована только в том случае, если в этой военной катастрофе не будет ни победителей, ни побежденных. Это было бы непереносимым условием для Лиги Наций. Тот, кто отнёсся к этому тогда серьёзно, вряд ли может серьёзно относиться к тому, что сейчас говорят о Лиге Наций. Одно нельзя объединить с другим. Но люди этого не замечают. И именно это сегодня так противоречит здоровому человеческому развитию; что, когда проходит лишь малый период времени, принимаются фактически самые противоречивые вещи. Как будто люди сегодня своей душой не могут присутствовать при том, что, собственно, происходит.

Нет, с этой Лигой Наций тоже вообще ничего. Поскольку то, что в человечестве должно быть основано, должно выходить на поверхность из глубин человеческого существа. То, что сегодня можно обосновать во всём цивилизованном мире, исходя из соответствующих времени человеческих импульсов, на основаниях, не связанных с дифференциацией народов, - только это может развить новое понимание импульса Христа. Только этот Импульс Христа в новом, духовно-научном понимании может быть тем, что снова объединит в ненависти и непонимании расщеплённые народы во всём цивилизованном мире. Это, как убеждение, должно глубоко погрузиться в душу. Поскольку всё остальное, что не идёт в этом направлении, является сегодня препятствием для развития человечества. И, по сути, легкомысленно говорить о требованиях человеческого развития иначе, как, исходя из глубочайших оснований этого развития. Если Земля, в отношении человеческого развития, получила свой собственный смысл через событие Голгофы, то сегодня настало время, когда этот смысл должен быть понят по-новому. И пока человечество не возьмёт на себя обязательство в отношении этого понимания, раны этого времени не заживут. Исходя из этой точки зрения, вещи, которые должны произойти, сегодня нельзя делать рядом друг с другом, их нужно вгонять друг в друга. Сегодня нельзя заниматься политикой внешним образом, нельзя создать Лигу Наций внешним образом. Эти вещи требуют, чтобы они были овнутренены посредством самого глубокого, посредством человеческого импульса Христа.

Обязательством антропософски ориентированной духовной науки является неким образом указывать на то, что каждый отдельный человек может в себе активировать только как персонально-индивидуальное существо, но что должно быть активировано. Поскольку, как только затрагиваются эти вещи, необходимо чувствовать всю серьёзность нашего времени. Это так глубоко ранит, что вся эта серьёзность времени, по сути, чувствуется ещё очень мало, что люди избегают приближаться к великим познаниям, которые непременно должны быть воплощены в человеческом сознании. Мы пережили эпоху, которая увела нас очень далеко от того внутреннего побуждения, которое ведёт нас к необходимым сегодня знаниям. Спросите сегодняшнего естествоиспытателя или человека, мыслящего в смысле сегодняшнего естествоиспытателя: Что было бы с развитием Земли, если бы в нём не принимал участие человек? Если этот естествоиспытатель вообще поразмыслит над этим, исходя из своих гипотез, исходя из своих взглядов, то он не сможет дать никакой другой ответ, кроме: Тогда человека не было бы, и Земля развивалась бы без человека, развивалось бы также её минеральное царство, растительное царство и животное царство. Тогда всё происходило бы примерно так же, как и сейчас, только при этом не было бы человека, не было бы домов, городов и тому подобного. - Так нужно сказать в смысле сегодняшней естественной науки: что Земля развивалась бы и без человека. И всё же, это полное заблуждение. Если вы возьмёте всё, что можно найти в различных обсуждениях, которые мы вели на протяжении почти двух десятилетий, то то, что я вам сейчас скажу, покажется само собой разумеющимся. На это надо просто обратить внимание.

То, что человек носит как своё физическое тело, в период его бытия между рождением и смертью пронизано душевным. Сейчас, когда мы вступили в эту эпоху, оно пронизано душевным даже особым образом; Я и астральное тело полностью погружены в физическое тело. И опять же, предаём ли мы через погребение труп нашего физического тела земле или огню, для современного научного направления это означает ни что иное, как: Этот труп состоит из различных субстанций, которые со смертью человека добавляются в землю и следуют своим путём, согласно различным принципам, которые изучают сегодня органической и особенно в неорганической химии. Всё это, однако, полная бессмыслица. То, о чём здесь идёт речь, скорее следующее: что воистину для этого физического тела не проходит просто так то, что оно от рождения и до смерти являлось местом жительства человеческого духовно-душевного существа. И мы передаём Земле наш труп в той форме, в том виде, который он мог получить только благодаря тому, что в нём от рождения и до смерти жило то существо, которое до рождения, или до зачатия, как душевно-духовное существо человека жило в духовном мире. И Земля в своем нынешнем развитии была бы в таком состоянии, что давно уже находилась бы в процессе распада, опустошения, если бы не принимала в себя, как фермент, всё равно через погребение или через огонь, то, что является, хотя теперь и покинутыми душами, но до смерти обитаемыми людьми телами. Когда раньше пекли хлеб, - так делали раньше, а сегодня это делают немного более искусственно, - тогда сохраняли часть старого хлебного теста, которую добавляли в качестве дрожжей при следующей выпечке; это было частью процесса. Подобным же образом и Земля не смогла бы развиваться без добавления к ней человеческих тел, - не животных тел - в качестве фермента. Они делают так, что Земля, которая давно бы уже расплылась, имеет возможность довести до конца то, что в ней заложено. Человек принимает участие во всём развитии Земли, и особенно теперь. И то, что мы со своей смертью передаем земному развитию, также имеет для него значение.

И другое, что происходит с человеком в его развитии, особенно начиная с теперешней эпохи, это то, что когда он переживает более зрелый возраст, после 27-28 лет, он в состоянии бодрствования находится со своим физическим телом в соединении, которое совершенно особым образом действует на духовный мир, на внеземной мир. Это странная полярность в развитии человека: Когда человек проходит врата смерти, он оставляет своё тело, и от этого тела затем отделяет нечто, что служит Земле ферментом для её развития. Когда он достигает возраста 27-28 лет, тогда он отдаёт нечто духовному миру, что, однако, необходимо этому духовному миру. То, что он тогда отдаёт, - в дальнейшем я как-нибудь расскажу о том, как эта вещь модифицируется для молодого существа, которое умирает до достижения 28-ми лет, но сегодня это уведёт нас слишком далеко, - то, что он тогда отдаёт, это самое важное, что человек находит снова, когда после смерти в духовном мире он переживает в обратном порядке. Это то, что действительно отдаётся внеземному миру так же, как труп отдаётся земному миру.

Такие тайны связаны с развитием человечества, и такие вещи современное человечество должно просто принять в своё сознание. Эти вещи имеют значение не только как познавательные сенсации, воистину нет! Они имеют ещё совершенно другое значение. Поскольку тот, кто может принять эти вещи серьёзно, кто может пережить их во всём их значении в своей душе, тот может принять и жизнь серьёзнее, чем кто-либо другой. И такая серьёзность по отношению к жизни человеку сегодня необходима. И основательное понимание того, что должно быть дано с нашей трёхчленностью социального организма, - ведь, внешнее понимание может и должно быть сообщено внешнему, я бы сказал, экзотерическому миру, - это действительно основательное понимание, позволяющее участвовать в сегодняшней социальной эволюции самым сознательным образом, должно исходить из такой серьёзности к жизни, которая базируется на жизненном воззрении антропософски ориентированной духовной науки. Иначе мы будем понимать вещи недостаточно глубоко. Снаружи, в мире, должны быть сообщены вещи, связанные с трёхчленностью. Здесь, в этом месте, хотелось бы, чтобы в душах смог быть разбужен

необходимый огонь, необходимый энтузиазм, чтобы те, кто может обрести такое понимание, исходя из духовно-научной точки зрения, делали всё, чтобы помочь обрести необходимое понимание другим, помочь обрести посредством «тепла» собственного убеждения, посредством собственного энтузиазма. С тем поверхностным знанием, которое имеют сегодня люди снаружи, в мире, и которое ведёт, как раз, к таким вещам, что люди верят, что Земля могла бы развиваться и без человека, - с таким поверхностным знанием необходимой для нашего времени серьёзности не достичь. Поэтому мы проходим сегодня через большие города, и наши сердца кровоточат от нехватки связи с тем, что, собственно, происходит в развитии человечества.

Эти вещи подготавливались. Их предварительной кульминацией было, как раз, то, что называют катастрофой мировой войны, в которую влилось то, что распространяется всё больше и больше как поверхностное воззрение. Однако, сегодня человек обязан прийти к тому троякому углублению, о котором я говорил вчера, в отношении существ трёх вышестоящих иерархий. Поскольку сегодня мы должны увидеть, что мы, ведь, живём внутри этого комплекса фактов. Как человечество мы должны проходить через эпоху, в которой Я и астральное тело глубже всего опущены в физическое и эфирное тела, и тем самым подвержены сильнейшим искушениям, касающихся того, что мы как люди вошли в такое тесное соединение со своим физическим телом.

Тут есть двоякое: во-первых, тот способ, каким может выступать это искушение, которое я хотел бы назвать западной формой этого искушения, а другой - восточная форма. Западная форма выступает всё более и более своеобразно по мере того, как взгляд обращается на Запад, но это искушение мы несём в себе особенно сильно в своей собственной природе. Оно состоит в том, что, благодаря тому, что мы всё глубже и глубже погружаемся в своё физическое тело, мы тесно соединяемся с земными силами, с которыми связано наше физическое тело. Наше физическое тело связано с земными силами. Оно вырывается из этих земных сил лишь благодаря тому, что преодолевает в своём сознании тяжесть Земли и всё то подобное, что соединяет его с Землёй. Человек совершенно не знает, как он через свою организацию преодолевает те силы, которые в нём действуют. Я уже здесь как-то говорил о том, что может проиллюстрировать то, что я сейчас упомяну. Я говорил: Человеческий мозг так тяжёл, что, если бы он был предоставлен самому себе, он раздавил бы непосредственно проходящие под ним кровяные сосуды. Но человеческий организм замечательным образом устроен так, что этот мозг плавает в так называемой мозговой жидкости. Согласно принципу Архимеда, любое тело в воде теряет в своём весе столько, сколько весит вытесненная им жидкость. По этой причине давление мозга на кровяные сосуды уменьшается, поскольку, как уже было сказано, мозг плавает в мозговой жидкости, и, благодаря этому, мы преодолеваем тяжесть мозга. - и так мы преодолеваем многое. Именно эти силы, о которых так мало упоминается, показывают также и в физическом, какое чудо света присутствует в организации человека. Таким образом, мы связаны с силами Земли, но мы не должны вступать в прямую связь с этими силами. Искушение слишком много входит в связь с этими силами существует в западном мире, во всех западных ощущениях жизни. Это искушение ариманическое. Противодействовать этому можно только в том случае, если нам действительно удастся постепенно углубить наши знания так, чтобы мы были в состоянии исторически охватить взглядом человечество, а также действительно понять Событие Голгофы как реальный факт, поставленный в это историческое развитие Земли, - так же, как мы можем понять положение в истории Цезаря, Августа или Сократа. Западное мировоззрение спасёт себя от ариманического искушения и его последствий только посредством того, что это западное мировоззрение в своё научное, в своё познавательное рассмотрение примет Христа, посредством того, что Христос войдёт во всё мышление западного мировоззрения.

Восточное мировоззрение находится в противоположном положении. Восточный человек в определённом отношении остаётся стоять на той детской точке зрения, что он не позволяет своему Я и астральному телу погрузиться в физическое и эфирное тела, также и в

теперешнюю эпоху, когда человечеству предопределено осуществить это погружение. Восточный человек избегает этого погружения. Интересно понять важнейшие явления современности, как раз, с этой точки зрения. Были переведены очень хорошие речи Рабиндраната Тагора, в том числе и на немецкий язык. Прочитав эти речи, вы скажете себе, если вы обладаете соответствующим чувством, что это совсем другой аромат, нежели то, что исходит от какого-либо западного человека. Тут говорит совершенно другой дух. Как в рисунках восточного человека отличается перспектива, по-сравнению с перспективой в рисунках западного человека, так же и весь душевный настрой этого Рабиндраната Тагора отличается от душевного настроения какого-нибудь европейца или американца. Это связано с тем, что даже образованный восточный человек сегодня, если он получает восточное образование, избегает этой связи с физическим телом. В этом тоже лежит искушение, теперь уже люциферическое, не использовать физическое тело соответствующим образом, оставить его неиспользованным. В то время как американец стремится использовать физическое тело слишком сильно, восточный человек, наоборот, стремится слишком мало.

Так надо сегодня знакомиться с психологией народов. Так надо было также уже десятилетия смотреть на то, каковы связи между восточными и западными народами в том числе и в Европе, если бы хотели избежать катастрофу мировой войны. Я в 1910-ом году в Христиании действительно не просто так читал лекции о народном духе. Почитайте в этом цикле различные вещи, и вы получите некоторое представление о том, что повлияло за последние пять лет на эту катастрофу мировой войны. Но во всех этих вещах речь действительно идёт о том, чтобы со всей серьёзностью подготовиться не к бегству от действительности, а к пониманию её таким образом, что человек должен вставить себя в развитие таким образом, чтобы он не только поедал себя постоянно эгоистично, а постоянно имел в виду своё ближайшее окружение. Сегодня мы не сможем выполнить наши задачи, если не разовьём добрую волю вставить себя во всё развитие человечества, по крайней мере, своим сознанием.

То, что я высказал, не должно быть критикой прошлого. Я уже часто говорил, что критика прошлого с духовно-научной точки зрения должна считаться глупой. То, о чём здесь идёт речь, так это то, что в будущем необходимо будет действовать и мыслить иначе, нежели в прошлом, иметь склонность к внесению в будущее того, что выходит из спиритуального знания.

Я показал вам в эти дни, каким образом человек должен рассматривать всю свою жизнь между рождением и смертью. Проходя через рождение, мы берём с собой из нашего сверхчувственного бытия силы сверхчувственного мира в наше чувственно-физическое бытие. Эти силы продолжают действовать. Это то, что человек сегодня понимает с большим трудом. Как они продолжают действовать? Они продолжают действовать во всём том, что человек развивает в этом физическом мире как духовную жизнь. У нас не было бы никакой возможности иметь среди нас поэтов, не было бы возможности ни развить мировоззрение или науку, ни развернуть импульсы для воспитания человека, ни вообще развить какую-либо духовную жизнь, если бы мы не пронесли через рождение те импульсы, которые исходят из жизни до рождения. То, что является духовной жизнью, происходит из жизни до рождения. Напротив, то, что мы развиваем из волевых импульсов в рамках хозяйственной жизни, - братство, любовь к человеку, мысли не только для себя, а для других, работу не только для себя, а для других, - то, что мы делаем, как бы, руками, участвуя в хозяйственной жизни, - всё это даёт нам важнейшие импульсы для того, что мы в качестве импульсов несём в духовную жизнь. Так же, как мы выносим из духовного мира силы, которые прежде всего конституируют нашу духовную жизнь, так силы, которые мы развиваем в хозяйственной жизни в любви к ближнему и братстве, мы снова вносим в духовный мир. Там они сопровождают нас, там они являются для нас важными импульсами. Когда мы смотрим на то, что из года в год выходит наружу в детской жизни, мы имеем в этом наследство того, что выходит из духовного мира, чтобы человек мог развивать здесь свою духовную область. А когда мы смотрим на то, что происходит в экономической жизни, что мы развиваем

посредством своей воли, работая для других, тогда тем самым мы смотрим на то, что мы вносим в духовный мир, когда проходим через врата смерти. И то, что развивается только между рождением и смертью, для того, кто может видеть духовный мир, представляется таким образом, что оно противоположно тому, что развивается в духовном мире между смертью и новым рождением.

Если вы прочтёте в моей книге «Теософия» то, что там сказано о земле души, о земле духа, вы обнаружите, что это представлено в понятиях, которые полностью исходят из живого видения этих условий. Но всё, что конституирует правовое государство, является противоположностью тем импульсам, которые действуют в жизни между смертью и новым рождением. Наша духовная жизнь обусловлена силами из времени до рождения, или до зачатия, хозяйственную жизнь мы развиваем для того, чтобы развёрнутые, благодаря этому, силы, могли быть перенесены в духовный мир, а то, что развивается здесь, что принадлежит только Земле, политическое, право, государственная жизнь, - это не имеет никакой связи с духовным миром.

Человек для своего удобства обычно интерпретирует вещи, которые лежат в этих областях, так, как ему нравится. Сегодня есть много людей, которые применяют к настоящему - возможно, иногда для того, чтобы в эти республиканские времена снова быть немного монархистами - библейское изречение: «Кесарю - кесарево, а Богу — богово». Эти слова плохо применимы к настоящему, поскольку понять его можно только, исходя из той среды. Римский Цезарь сам был богом в то время, Римский Цезарь требовал божественного поклонения. Калигула требовал такого божественного поклонения, когда привёз греческие статуи в Рим - уцелела лишь статуя Зевса - и у всех у них отсёк головы, поместив на их место голову Калигулы, поскольку полагал, что это правильно. И уже тогда, когда эти слова произнёс Иисус из Назарета, он хотел придать им следующее значение: Дайте Кесарю то, что принадлежит Кесарю, и сохраните нечто для бога, которого вы должны искать в другом существе, нежели Кесарь. - При многих вещах в Евангелиях необходимо их правильным образом переносить в наше время, а не так, как сейчас, - тогда мы будем всё больше и больше приближаться к тому пониманию действительности, которое необходимо для нашего времени.

В эти дни моим долгом было с различных точек зрения привлечь ваше внимание к тому, что задача человека сегодня состоит в достижении той точки зрения на действительность, которая может быть достигнута только путём видения духовной действительности, как чего-то конкретного, наряду с чувственной действительностью. Больше всего вреда в настоящем причиняет закрытие глаз на действительность. Люди достаточно долго проводили эту политику в политике не политически: закрывая глаза на то, что является действительностью. Антропософски ориентированная духовная наука хочет чего-то серьёзного: она хочет открыть глаза на действительность. И всё же сегодня ощущается, что эти глаза открыты ещё мало. Сегодня можно услышать очень странные вещи, ярко свидетельствующие об отсутствии у людей чувства действительности. Пожалуйста, поймите меня правильно, я должен обращать внимание на такие вещи, потому что они иллюстрируют время. - Есть много личностей, которые были тесно связаны с событиями, принесшими эту беду в Центральную Европу, и эта беда находится не в своём конце, а, собственно, только в своём начале, - личностей, которые, собственно, открыли своё истинное лицо человечеству только тогда, когда выступили ужасные события лета 1918-го года и особенно осени 1918-го года. Тогда некоторые люди, ответственные за многое, показали свое истинное лицо. Они оказались в странном положении, поскольку оно отличалось от их прежнего положения. Я был знаком с людьми, которые с определённым сожалением смотрели на теперешнее положение этих ответственных личностей и даже не спрашивали себя: Разве нет в мире бесчисленных миллионов людей, которым сегодня гораздо хуже, душевно и телесно, чем тем, кто как ответственные лица оказались для себя в новом положении, отличающемся от предыдущего? - В этих вещах речь идёт о том, что необходимо открыть глаза, серьёзно отнестись к тому, что должно стать знанием действительности в настоящем. Сектантская

духовность (Schwarmgeisterei), - она состоит в том, что предаются некоторым любимым идеям, которые выдвигаются потому, что они кому-то удобны, не смотря на то, что говорит сама действительность. Сегодня неудобно говорить правду о таких вещах. Но когда с кровотокающим сердцем смотришь на то, как развиваются эти вещи, как эта сектантская духовность выступает, как раз, там, где веришь в то, что видишь жизненную практику, когда переживаешь то, как разрушительно распространяется эта сектантская духовность, в то время как то, что смотрит на действительность, считается утопическим идеализмом, тогда указывать на эти вещи уже являются обязанностью. И теперь, когда в измученной Центральной Европе всё стало совершенно ясно, теперь, когда имеются собственные признания, теперь воистину никакая жалость не сможет помешать нам посмотреть на таких сектантских духов, как, например, этот Людендорф¹⁵, который ни разу не удосужился взглянуть на действительность, как она есть, а хотел придать ей форму в соответствии со своими удобными представлениями. И в этой области действительность надо видеть в её истинном свете, поскольку сегодня речь идёт о крупном, а не о мелочах. Всё эти плохо стилизованные попытки оправдаться перед миром являются, как раз, тяжелейшими обвинениями в адрес мира. И пока человек не почувствует, что к этим вещам нужно относиться серьёзно, что на эти вещи в их действительности нужно однажды взглянуть серьёзно, никакого оздоровления не будет. Я приехал сюда не для того, чтобы говорить эти вещи по причине какой-то своей субливной склонности. В соединении с серьёзностью духовно-научного движения я чувствую необходимость, обязанность говорить об этих вещах. Мы могли испытать, - и должны были молчать, поскольку на нас, как на Папагено¹⁶, были наложены замки, - как в один из важных моментов последних четырёх-пяти лет разыгрывался факт искусства управления Михаэлиса¹⁷, что проявилась абсолютная некомпетентность руководящих лиц. Сюда относятся и эти вещи. Как тени, они стоят сегодня рядом с великими истинами, которые протекают и должны протекать через человечество.

Я знаю, как много людей сегодня ещё чувствуют себя ранимыми, когда им указывают на правду в этих вещах. Только в этих вещах нельзя продолжать закрывать глаза. Только, исходя из честного взгляда на эти вещи, появится та сила, которая сможет продвинуть человечество дальше. А нам нужна такая сила. Нам нужно понять то, что в корне отличается от того, что поняли те, кто привёл человечество к нынешнему положению. Мы должны иметь мужество понимать новое. Подготавливающими для того, чтобы пониматься это новое, также и во внешней действительности, были уже те вещи, которые были сказаны здесь или на других площадках антропософского движения. Они были не для того, чтобы быть, так сказать, более хорошими воскресными проповедями. Они были для того, чтобы сказать о том, что серьёзно для времени. И антропософом в действительном смысле этого слова является только тот, кто затронут нервом времени, кто стремится к истине, не ко лжи, которая втянула нас во все эти вещи современности. Если бы только я мог проникнуть в ваши сердца теми немногими словами, в которых я набросал тень необходимого. Поскольку я хочу обращаться не только к разуму, но, прежде всего, к сердцу, так как необходимое понимание времени должно исходить из сердца. Мы должны найти импульсы, которые смогут снова поставить человечество на ноги. Но для этого надо сначала узнать, как глубоко, как основательно глубоко мы запутались во фразах, во лжи во всех областях. Истина придёт от духа. Мудрость заключается исключительно в истине. Это нужно написать глубоко в своей душе.

Я сказал некоторые вещи о том, что характеризует людей современности, что характеризует, как раз, нашу эпоху человеческого развития со спиритуальной точки зрения. Я дал эти вещи, потому что верю, что, посредством этих вещей человеческим сердцам может быть передано то, что необходимо для современности, тот душевный настрой, из которого приходит серьёзность, необходимая для того, чтобы сегодня жить на службе у человечества.

---

¹⁵Эрих Людендорф, 1865-1937 гг. Командующий немецкой армией во время Первой мировой войны.

¹⁶Папагено: персонаж из оперы Моцарта «Волшебная флейта».

¹⁷Georg Michaelis (Георг Михаэлис), 1857–1936 гг. Канцлер Германии с июля по октябрь 1917 года.

Вызвать у вас чувство этой серьезности, - это было моей задачей для моего теперешнего пребывания здесь.

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Цюрих, 27 октября 1919 года

Когда сегодня, обращаясь к широкой публике, говорят о важнейших вопросах нашего времени, то оказываются в различных положениях, в зависимости от того, знает человек о глубинных силах мирового исторического становления, - другими словами: о науке инициации, - или нет. Сегодня относительно легко, исходя из всяческих внешних знаний, которые считаются научными, практическими и так далее, говорить о вопросах времени. Но об этих вопросах времени сегодня говорить очень тяжело, зная науку, так называемой, инициации, из которой всё же исходит всё, что подлежит нашему обсуждению, как раз, в таких местах, как то, где мы сегодня собрались. Поскольку тот, кто говорит сегодня о вопросах времени с точки зрения науки инициации, тот знает, что он не просто имеет против себя какие-то случайные субъективные мнения людей, к которым он обращается, а он также знает, что сегодня над большей частью человечества с той или иной стороны господствуют постоянно усиливающиеся ариманические силы мировых существ. То, что я хочу этим сказать, я могу, однако, объяснить только тогда, когда сделаю для вас, своего рода, исторический обзор более крупного периода человеческого развития.

Из различных рассмотрений, которые мы здесь проводили, и которые в письменном виде вы сможете найти в моих различных циклах лекций, вы знаете, что начало периода, в котором мы ощущаем себя стоящими как современные люди, надо относить к середине 15-го столетия. Этот период, который начался в середине 15-го столетия, и в начале которого мы, по сути, ещё стоим, мы всегда обозначаем как пятый послеплатонический период, который сменил другой, греко-латинский период, продолжавшийся с 8-го дохристианского столетия до середины 15-го столетия нашего времени. А до этого, возвращаясь назад, мы приходим к египетско-халдейскому периоду. Я только напоминаю об этом, чтобы вы вспомнили, как мы включаем в общее человеческое становление тот период, в котором мы ощущаем себя стоящими как современные люди. Далее, мы знаем, что после первой трети греко-латинского периода, состоялась Мистерия Голгофы. И мы с различных точек зрения характеризовали, что, собственно, произошло, благодаря этой Мистерии Голгофы для человеческого развития, для всего земного развития. Сегодня в этих более широких исторических рамках мы рассмотрим кое-что из того, что связывает человечество с этой Мистерией Голгофы.

Для этого мы заглянем во много более ранние времена, скажем, во время, приблизительно начала 3-его тысячелетия дохристианского летосчисления. Вы, ведь, знаете, как мало внешних исторических документов говорит об этом раннем развитии человеческого рода на Земле. Вы знаете также, что эти внешние документы указывают на Восток, на Азию. А из множества антропософских рассмотрений вы знаете, что чем дальше мы уходим назад в развитии человечества, тем более изменяется душевное состояние этого человечества, и что у нас есть что-то вроде древней изначальной мудрости, лежащей в основе всего человеческого развития. Вы знаете, что имелись древние знания, которые сохранялись в узких тайных кругах вплоть до 19-го столетия, что затем эти знания большей частью не полностью, но всё же в определённом смысле сохранились до нашего времени, - это знания из изначальной

мудрости человечества. Если люди сегодня узнают то или иное из этой древней изначальной мудрости человечества, они будут поражены теми глубинами действительности, на которые указывает такая исконная мудрость. Но из рассмотрений, которые мы делали на протяжении многих лет, вы знаете, что этому широко распространенному в древности учению мудрости всегда надо было противопоставлять совершенно другой взгляд на жизнь и на мир древнего иудейского, еврейского народа, носящего совершенно другой характер. Так что с определённым правом широко распространенное изначальное древнее учение мудрости было обозначено как языческий элемент и ему был противопоставлен иудейский, еврейский элемент. Вы уже знаете из внешних преданий и писаний, как затем из этого еврейского элемента возник христианский элемент.

Теперь мы уже можем взять нечто из этого внешнего факта, на что я прошу вас сегодня обратить внимание: что в развитии человечества стало необходимым противопоставить древний языческий элемент и его изначальную мудрость, и еврейский элемент, из которого потом развилось христианство, по крайней мере, отчасти. Это показывает, что эта древняя языческая изначальная мудрость в её целостности не должна была оказывать на человечество влияние одна. И из этого факта у вас должен возникнуть вопрос: В чём причина того, что древняя языческая изначальная мудрость, которая во многом является такой достойной восхищения, должна была, как бы, принять новую форму, испытать трансформацию, посредством иудейства и христианства? - Такой вопрос должен возникнуть.

Однако, ответить на этот вопрос инициационная мудрость может только с помощью одного очень и очень важного факта, посредством того факта, который произошёл в начале 3-го тысячелетия дохристианского летосчисления. Тут смотрящий назад ясновидящий взгляд обнаруживает, что тогда состоялась одна инкарнация в человека некоего сверхчувственного существа, так же, как посредством События Голгофы состоялась инкарнация сверхчувственного существа, Христа, в человека Иисуса из Назарета. Та инкарнация, которая произошла в начале 3-го дохристианского тысячелетия, и которую чрезвычайно трудно проследить даже с наукой видения, с инициационной наукой, дала человечеству нечто полное особенного блеска, нечто чрезвычайно решающее. И в основном это была, по сути, та древняя изначальная мудрость.

Поначалу, если брать внешне, дело обстоит так, что можно сказать, что это была глубоко проникающая в реальность мудрость, холодная, направленная только на идеи, мало пронизанная душевностью. Это, если рассматривать внешне. Внутренне можно оценить то, чем, собственно, была эта мудрость, только в том случае, если вернуться к той инкарнации, которая состоялась в Азии в начале 3-го дохристианского тысячелетия. Тогда, как это показывает углубляющийся в прошлое ясновидческий взгляд, в действительности произошла человеческая инкарнация люциферической силы. И эта инкарнация Люцифера в человечество, произошедшая определённым образом, было началом широко распространённой, лежащей в основании третьей послееатлантической человеческой культуры изначальной мудрости.

Вплоть до времени древней Греции ещё действовало то, что распространялось среди человечества из этого импульса, из этого культурного импульса азиатско-люциферического человека: люциферическая мудрость, которая в ту эпоху развития была очень полезной для человечества, в определённом смысле полной блеска, видоизменённой в зависимости от различных народов и рас, среди которых она распространялась, отчётливо узнаваемой во всей Азии, затем ещё в египетской культуре, в вавилонской культуре, и, как уже было сказано, даже в греческой культуре. Всё, что люди думали, сочиняли, в чём могли проявлять волю в то время, было в определённой степени обусловлено этим люциферическим вторжением в человеческую культуру.

Было бы, конечно, необычайно филистерским, если бы кто-то захотел сказать: Это была инкарнация Люцифера, надо от неё бежать. - Исходя из такого филистерства, можно было бежать также от всего прекрасного и великого, что вышло для человечества из этого люциферического течения, поскольку, как было сказано, также и греческая красота является

чем-то таким, что вышло из этого течения. Всё гностическое мышление, имеющееся, когда имело место Мистерия Голгофы, было пронизывающим, бросающим глубокий свет на вещи мира, всё гностическое познание было импульсировано люциферическими силами. Поэтому нельзя сказать, что это гностическое мышление было фальшивым. Это только её характеристика, когда говорят: она пронизана люциферическими импульсами.

Затем, более чем через два тысячелетия после этой люциферической инкарнации, произошла Мистерия Голгофы. Можно сказать: Люди, среди которых распространялся импульс Мистерии Голгофы, в своём мышлении, в своих чувствах ещё были проникнуты тем, что в их мышление, чувство и ощущение внёс люциферический импульс. И теперь в развитие цивилизованного человечества вошёл совершенно другой импульс Христа. Что значит этот импульс Христа в рамках цивилизованного человечества, об этом мы уже часто говорили. Импульс Христа - я просто хочу упомянуть об этом сегодня - был подхвачен душами (Gemütern) того типа, который я охарактеризовал. Хотелось бы сказать: В то лучшее, что даровал человечеству Люцифер, проник свет импульса Христа. - И этот импульс Христа был принят в первые христианские века так, что можно было сказать: Тем, что люди получили от Люцифера, они поняли Христа. - К таким вещам нужно относиться непредвзято, иначе вы никогда не сможете действительно понять особый способ восприятия импульса Христа в первые столетия.

Когда затем люциферический импульс всё больше и больше стал исчезать из человеческих душ, тогда люди стали всё меньше и меньше в состоянии правильно принимать в себя импульс Христа. Подумайте только, многое стало материалистическим в ходе Нового времени. Но если вы себя спросите: Что же стало материалистичным больше всего? - то вы получите ответ: Большая часть современной христианской теологии. - Поскольку это является просто сильнейшим материализмом, которому посвящена большая часть современного христианской теологии, когда эта современная христианская теология больше не видит в человеке Иисусе из Назарета Христа, а видит только человека Иисуса из Назарета, «простого человека из Назарета», человека, которого можно понять, если испытываешь мало склонности к какому-то более высокому пониманию. Чем больше можно было принимать человека Иисуса из Назарета за простого человека, которого можно отнести к ряду других известных исторических личностей, тем больше это нравилось определенному материалистическому течению современной теологии. О сверхчувственном Событии Голгофы эта современная теология хочет признавать мало, очень мало.

Люциферические влияния на человеческие ощущения постепенно исчезали из человеческой души. Зато в Новое время всё сильнее и сильнее - и это будет всё усиливаться в ближайшем будущем, а также в дальнейшем будущем - будет то, что мы называем ариманическим импульсом. Ариманический импульс происходит от другого сверхчувственного существа, нежели существо Христа и люциферическое существо. Но это существо тоже сверхчувственное, мы может также сказать подчувственное существо, - это неважно, - и его влияние будит всё мощнее и мощнее, особенно в пятом послеатлантическом периоде. И если мы взглянем на смятение последних лет, мы обнаружим, что в это смятение человека ввергли ариманические силы.

Как в начале 3-го дохристианского тысячелетия была инкарнация Люцифера, как была инкарнация Христа во время Мистерии Голгофы, так в какое-то время после нашего теперешнего земного бытия, приблизительно в третьем тысячелетии после Христа, состоится западная инкарнация существа Аримана. Так что правильно понять этот ход исторического развития человечества между почти шестью тысячелетиями можно только в том случае, если увидеть его таким образом, что на одном полюсе стоит люциферическая инкарнация, посередине - инкарнация Христа, а на другом полюсе - инкарнация Аримана. Люцифер является той силой, которая возбуждает в человеке все восторженные силы, все ложно-мистические силы, всё то, что хочет возвысить человека над самим собой, что хочет, так сказать, физиологически привести в беспорядок человеческую кровь, чтобы вывести человека из самого себя. Ариман - это та сила, которая делает человека трезвым,

прозаическим, филистерским, которая делает человека окостенелым, которая приводит человека к суеверию материализма. И человеческое существо является, по сути, старанием сохранить равновесие между люциферическими и ариманическими силами; и современному человечеству в установлении этого равновесия помогает Импульс Христа. Таким образом, в человеке постоянно присутствуют эти два полюса, - люциферический и ариманический. Но исторически мы находим, что люциферическое преобладало в определённых течениях культурного развития в дохристианский период и в первые столетия времени после Христа, и что, Ариман, напротив, действовал с середины 15-го столетия и будет всё сильнее и сильнее, пока в западном человечестве не произойдет действительная инкарнация Аримана.

Далее, своеобразие заключается в том, что такие вещи подготавливались долгое время. Ариманические силы подготавливали развитие человечества так, что, когда однажды в западной цивилизации, которую тогда едва ли ещё можно будет назвать цивилизацией в нашем смысле, появится Ариман в человеческом облике, как когда-то в Китае появился в человеческом облике Люцифер, и как в передней Азии в человеческом облике появился Христос Иисус, тогда человечество может попасть во власть этого Аримана. Предаваться иллюзиям об этих вещах не поможет. Ариман появится в человеческом облике. Речь будет идти только о том, насколько подготовленными он найдёт людей: помогут ли его приготовления для того, чтобы превратить всё человечество, которое называет себя сегодня цивилизованным, в своих приверженцев, или он найдёт человечество, которое сможет оказать ему сопротивление. Сегодня не поможет предаваться иллюзиям об этих вещах. Сегодня люди, как бы, бегут от правды, которую им, собственно, и нельзя дать в неприкрашенном виде, поскольку они приняли бы её с насмешками и издевательствами. И если её дать им так, как это сегодня пытаются сделать посредством трёхчленности социального организма, то они также ещё не хотят её принимать, по крайней мере, большинство из них. Но нежелание иметь эти вещи, - это, как раз, одно из средств, которые ариманические силы могут использовать для того, чтобы Ариман, когда он появится в человеческом облике, имел на Земле как можно больше последователей. Именно этим отвержением важнейших истин Ариман построит наилучший мост для продвижения своей инкарнации. Поскольку, видите ли, ничто другое не поможет найти правильную позицию по отношению к тому, что будет разыгрываться в человеческом развитии через Аримана, чем непредвзятое знакомство с силами, посредством которых действует это ариманическое, а также знакомство с силами, посредством которых человечество может вооружиться, чтобы не поддаться искушению ариманических сил. И поэтому мы хотим сегодня, по крайней мере, исходя из отдельных точек зрения, взглянуть на те вещи, которые способствовали бы этой приверженности Ариману, и которые, как раз, сейчас, используются ариманическими силами из сверхчувственного мира для того, чтобы через человеческие души привлечь как можно больше своих приверженцев.

И одно из средств для этого: не понимать, какое, собственно, значение имеют для людей определённые виды мышления и представления, которые стали господствующими, как раз, в Новое время. Вы знаете, какая огромная разница состоит между тем, как человек чувствовал себя во всём космосе, скажем, в египетское время и ещё в греческое, и как он чувствует себя с начала Нового времени, после окончания средневековья. Представим себе правильно обученного человека древнего Египта. Он знал, что он состоит не только из тела, не только из ингредиентов, имеющихся здесь, на Земле, и воплощённых в животном, растительном и минеральном царствах. Он знал, что на его существо действуют силы, которые он видел наверху, в звёздах. Он чувствовал себя членом всего космоса. Он чувствовал весь космос не только живым, но и одушевлённым и одухотворённым, и в его сознании жило нечто от духовных существ космоса, от душевности космоса, от жизни космоса. Всё это в ходе новейшей истории человечества было утеряно. Сегодня человек смотрит с Земли на звёздный мир, который заполнен для него звёздами, солнцами, планетами, кометами и так далее. Но чем он следует за всем тем, что смотрит на него там, снаружи, из мирового пространства? Он следует за этим математикой, в крайнем случае, ещё механикой. То, что находится вокруг

Земли, является обездушенным, бездуховным, даже безжизненным. По сути, это огромный механизм, который познаётся только с помощью математико-механических законов. С помощью математико-механических законов мы понимаем его великолепно! Конечно, как раз, духовный исследователь может по достоинству оценить достижения Галилея, Кеплера и других. Но то, что проникает в человеческое понимание, в человеческое сознание, посредством учений этих великих умов, показывает вселенную, лишь как огромный механизм.

Что это значит, может, собственно, согласно фактам рассмотреть только тот, кто способен видеть человека во всей полноте его существа. Астрономам, астрофизикам хорошо говорить, когда они ставят перед собой вселенную как механизм, который можно понять и рассчитать с помощью математических формул. И человек, ведь, будет им верить во время своего бодрствования с утра и до вечера, до тех пор, пока он не заснёт. Но в той бессознательной глубине, которую он не достигает в бодрствующем сознании, но которая всё же принадлежит его бытию, и в которой он живёт между засыпанием и пробуждением, - там в душу человека втекает нечто другое о вселенной! Там в человеческой душе живёт некое знание, которое хотя и не осознаётся бодрствующим сознанием, но живёт внизу, в глубине души, формируя душу, знание о духе, о жизни души, о жизни космоса. И даже если человек в своём бодрствующем сознании ничего не знает о том, что происходит с духом, душой и жизнью вселенной от засыпания до пробуждения, - эти вещи находятся в душе, они там живут. И многое в раздвоенности современного человека, которая столь велика, проистекает из дисгармонии между тем, что душа переживает относительно вселенной от засыпания до пробуждения, и тем, что бодрствующее сознание хочет сегодня признать как мировоззрение относительно этой вселенной.

Если вы возьмёте весь дух и смысл антропософски ориентированной духовной науки, то что они скажут вам о таких вещах? Они скажут вам: Да, то, что внесли в человечество Галилей и Коперник, великолепно, огромно, но это ни в коем случае не является абсолютной истиной, а является лишь одним аспектом вселенной, одной стороной одной определённой точки зрения! - Это исходит только из-за высокомерия современного человека, что люди сегодня говорят: мироустройство Птолемея - это ребячество; это было у людей тогда, когда они ещё были детьми. Мы же «довели это до совершенства», «приблизились к звездам», и теперь мы оцениваем это как нечто абсолютное. - Это так же мало является абсолютным, как чем-то абсолютным была пролемеевская система, это - один из аспектов. И можно отдать этому должное, - так говорит вам антропософски ориентированная духовная наука, - если знать, что всё, что человек принимает, я бы сказал, в виде простой мировой математики, в виде простой мировой математики механического рода, не даёт ему абсолютной правды, а даёт иллюзии относительно вселенной. Нам нужны иллюзии, поскольку человечество на разных стадиях своего развития проходит через разные формы воспитания. Для воспитания в Новое время нам просто необходимы эти иллюзии математического рода относительно вселенной. Мы должны их усвоить, но мы должны знать, что это иллюзии. И они становятся настоящими иллюзиями, когда мы продолжаем их в том, что нас окружает ежедневно, когда мы пытаемся в соответствии с атомистической теорией или молекулярной теорией следовать, своего рода, малой астрономии в субстанциях земли. Как раз, если мы хотим занять верную точку зрения по отношению ко всей современной науке, насколько она так так мыслит, нужно признать, что всё это является иллюзорным знанием.

И теперь Ариман, чтобы его инкарнация была для него наиболее плодотворной, очень заинтересован в том, чтобы люди совершенствовались в этой науке иллюзии, которой, ведь, по сути, и является вся наша сегодняшняя наука, но чтобы они не пришли к тому, что она является наукой иллюзий. Ариман имеет огромный интерес в том, чтобы научить человека математике, но не дать ему понять, что математико-механические воззрения являются лишь иллюзиями относительно вселенной. Ариман имеет огромный интерес в том, чтобы научить человека химии, физике, биологии и так далее так, как они представлены сегодня среди людей и сделаны предметами восхищения, но при этом заставить их поверить

в то, что это абсолютные истины, что они являются, как бы, не просто точками зрения, фотографиями одной из сторон. Если сфотографировать дерево с одной стороны, то оно может быть сфотографировано правильно, но полного представления о нём всё же не будет. Если сфотографировать его с четырёх сторон, то ещё можно составить о нём какое-то представление. Скрыть это от человечества, скрыть то, что в сегодняшней интеллектуально-рационалистической науке мы имеем дело с неким придатком, с суеверным эмпиризмом, с огромной иллюзией, с обманом, не признавать этого, - в этом Ариман имеет наибольший интерес. Он мог бы иметь величайший успех, испытать величайший триумф, если бы ему удалось добиться того, чтобы то научное суеверие, которое нынче охватывает все круги, и согласно которому люди даже хотят организовать свою социальную науку, стало бы господствующим вплоть до 3-го тысячелетия, и если бы Ариман смог тогда как человек в рамках западной цивилизации прийти в мир и найти это научное суеверие.

Только не делайте на основе того, что я сейчас сказал, неверные выводы. Одним из таких неверных выводов был бы тот, что науку современности надо избегать. Это был бы наихудший вывод, который можно сделать. Её надо изучать. Как раз, то, что приходит с этой стороны, надо изучать, но с полным сознанием того, что этим нам даётся один из аспектов иллюзии, один из необходимых для воспитания нашего человечества аспект иллюзии. Мы сохраняем себя от Аримана не тем, что избегаем науку современности, а тем, что мы знакомимся с её истинной формой. Поскольку эта наука должна дать нам внешнюю иллюзию о вселенной. Мы нуждаемся в этой внешней иллюзии. Не думайте, что мы не нуждаемся в этой внешней иллюзии. Только тогда мы должны наполнить её истинной действительностью с совершенно другой стороны, посредством духовного исследования, мы должны подняться от этого иллюзорного характера к истинной реальности. Если вы просмотрите мои многочисленные лекционные циклы на предмет того, о чём я вам говорю сегодня, вы обнаружите, что повсюду делались попытки полностью погрузиться в науку нашего времени, но всё это поднять до той сферы, где можно видеть до каких пределов это действительно. Вы, ведь, не хотите, чтобы перед вами исчезла радуга, поскольку вы считаете её световой, цветовой иллюзией. Вы не поймёте её, если не понимаете её в её иллюзорном характере. Но так обстоит дело со всем, что для вашего представления о мире даёт вам современная наука. Она даёт только иллюзии, и этот иллюзорный характер надо распознать. Тогда, просто воспитываясь посредством этих иллюзий, приходят к действительности мира. Это средство, которым Ариман должен сделать свое воплощение максимально эффективным: удерживать людей в научных суевериях.

Другое средство, второе средство, которое у него есть, это: подстрекать ко всему тому, что сегодня делит людей на группы, на маленькие группы, которые враждуют друг с другом. В настоящее время вам нужно только взглянуть на партийную систему, на систему противоборствующих партий, и вы обнаружите, - если вы беспристрастны, вы сможете признать это, - что эти враждующие партии не могут быть, собственно, объяснены, исходя просто из человеческой природы. Если люди однажды честно захотят объяснить эту, так называемую, мировую войну этой человеческой дисгармонией, они увидят, что не смогут объяснить её тем, что они находят в физическом человечестве. Как раз, здесь ясно проявляется вмешательство сверхчувственных сил, а именно, ариманических сил!

Но эти ариманические силы вообще действительны всюду, где возникает дисгармония между человеческими группами. На чём же основано большинство из того, что здесь входит в рассмотрение? Оттолкнёмся от очень характерного примера. У современного пролетариата был свой Карл Маркс. Изучите то, как это учение Карла Маркса распространилось в современном пролетариате, и взгляните на действительно уходящую в бесконечность, в неизмеримое, литературу марксизма. Там вы найдёте сегодня уже обычный способ научного рассмотрения в чистом виде: всё строго доказано, так строго доказано, что под влияние марксизма подпали даже те люди, в отношении которых это казалось невозможным. Какова же была, собственно, судьба марксизма? Поначалу, не правда ли, марксизм распространился в пролетариате. Университетской наукой он был строго отвергнут. Сегодня уже появилось

некоторое число университетских учёных, которые больше не могут устоять перед логикой марксизма, которые его признают, которые уже больше совершенно не могут из него выбраться, поскольку в литературе постепенно выяснилось, что выводы его вполне верны, что, согласно нынешнему научному настрою и образу представлений, этот марксизм можно очень тонко и чисто доказать. Только у буржуазных кругов не было своего Карла Маркса, который доказал бы ему обратное; поскольку, как можно доказать идеологический характер права, морали и так далее, теорию прибавочной стоимости и материалистическое исследование истории с марксистской точки зрения, точно так же точно можно доказать и обратное. Было бы вполне возможно, что какой-нибудь буржуазный, какой-нибудь бюргер-Маркс, таким же строгим образом доказал бы обратное. И тут не было бы даже никакого обмана или мошенничества. Доказательства сработали бы все без остатка.

Как же так получается? Так получается потому, что современное человеческое мышление, современный интеллект, находится на таком уровне бытия, что он не достигает реальности. И поэтому можно доказать одно и можно доказать обратное этому, - очень строго доказать одно и противоположное этому. Сегодня возможно, с одной стороны, строго доказать спиритуализм, и точно также строго доказать материализм. И можно бороться друг с другом с одинаково успешными точками зрения, поскольку сегодняшний интеллектуализм лежит на верхнем слое действительности и не проникает вглубь бытия. Так же обстоит дело и с партийными мнениями. Тот, кто этого не понимает, а просто посредством воспитания, наследства, посредством своих государственных и прочих жизненных обстоятельств позволяет себе войти в определённый партийный круг, тот честно верит в силу доказательств того, что есть в этой партии, в которую он, как говорят тогда иногда, вписался, соскользнул. И затем, он борется тогда с другими, кто соскользнул в другую партию. И один точно так же прав, как и другой. Это вызывает в человечестве хаос и замешательство, которые могут постепенно становиться всё больше и больше, если человечество этого не понимает. И этот хаос, в свою очередь, является тем, что ариманическая сила использует для подготовки триумфа своей инкарнации, для того, чтобы всё больше и больше вовлечь людей в то, что им так трудно понять, а именно в то, что сегодня на одинаково хороших интеллектуальных и сегодня научных основаниях можно доказать как одно, так и обратное этому. Сегодня речь идёт о том, чтобы мы признали: доказать можно всё, и чтобы мы поэтому смотрели на такие доказательства, которые сегодня куются в науке. Только в рамках самой естественной науки, строжайшей естественной науки, действительность проявляется в фактах. Но ни в какой другой области нельзя полагаться на то, что позволяет быть доказанным интеллектуально. Только тогда, когда мы придём к тому, что человеческое знание, человеческое познание надо искать глубже, - как это происходит посредством антропософски ориентированной духовной науки, - чем в том слое, из которого исходит сила наших доказательств, можно избежать опасности, которой мы подвергаемся, позволив проявляться ариманическому искушению, которое хочет всё глубже и глубже погружать нас в эти вещи. Поэтому, для того, чтобы привести людей в замешательство, Ариман в наше время использует то, что исходит из старых наследственных отношений, из которых человек в пятом послеатлантическом периоде, по сути, уже вырос. Всё, что исходит из старых наследственных отношений, использует ариманическая сила, чтобы дисгармонично противопоставить человеческие группы. Всё, что исходит из старых семейных, расовых, племенных, народных различий, используется ариманическими силами, чтобы посеять замешательство среди людей. Свободу каждому отдельному народу, даже самому маленькому, - это прекрасные слова. Но слова, которые используют противные человеку силы, чтобы посеять замешательство среди людей, чтобы достичь вещей, которых хочет достичь Ариман для своей инкарнации, всегда прекрасны.

Если вы сегодня спросите: Кто стравливает народы друг против друга? Кто вносит вопросы, которые сегодня правят человечеством? - то ответ будет: Ариманическое искушение, вторгающееся в человечество! - И в этой области люди очень легко обманываются. Они не хотят входить в те нижние слои, где находятся реальности. Поскольку,

смотрите: Ариман подготавливает свои цели очень хорошо: Ведь, уже во времена Ренессанса в современную цивилизацию, как задающий тон, вошёл господствующий тип экономического человека. Это действительный исторический факт. Если вы вернётесь назад, в древние времена, которые я вам сегодня охарактеризовал как люциферические, то кто был тогда господствующим типом? Инициированный! Египетские фараоны, вавилонские правители, правители Азии, - они были инициированными. Затем господствующим типом стал тип священника. И этот тип священника господствовал, по сути, вплоть до Реформации и Ренессанса. С тех пор господствует экономический тип человека. Правители - всего лишь приспешники экономических людей. Ни в коем случае нельзя думать, что правители времени модерна были кем-то другим, нежели «продлёнными руками» экономического человека. И всё то, что вошло в право и закон, - надо только это соответствующим образом изучить, - это просто следствие того, что думали экономические люди. Только в 19-ом столетии место экономического человека занял человек, мыслящий банковским образом, и только в 19-ом столетии полностью установился тот порядок, который, собственно, посредством денежной экономики покрывает все прочие отношения. Надо только увидеть эти вещи, быть в состоянии эмпирически, опытным путём их исследовать.

Всё то, что я сказал здесь во второй публичной лекции, глубокая правда. Только хотелось бы проследить это во всех подробностях. Как раз, прослеживая это во всех подробностях, видно, насколько основательно правдивы эти вещи. Но, как раз, когда утвердилось господство просто «знака добротного товара», тогда, в свою очередь, появилось и существенное средство ариманического обмана человечества. И если человек не понимает, что он должен выступать против экономического порядка правового государства, установленного экономическим человеком и банкиром, то в этом непонимании Ариман, в свою очередь, найдёт существенное средство для того, чтобы соответствующим образом подготовить свою инкарнацию, или триумф своей инкарнации, которая определённо состоится. Это те средства, которыми Ариман может пользоваться с определённого сорта людьми. Но сегодня есть и люди другого сорта, - часто оба эти сорта смешаны в одном человеке, - которые облегчают Ариману проложить свой путь к триумфу ещё и с другой стороны.

Видите ли, дело действительно обстоит так, что все заблуждения в действительной жизни не так страшны, как полуправда и четверть правды. Поскольку все заблуждения скоро будут осознаны. Полуправда и четверть правда, однако, искушают человека, так что они живут с ними и находят свой путь в жизнь с этими полу правдами и четверть правдами, обуславливая ужасные разрушения в жизни.

Сегодня есть люди, которые не видят односторонности галилеевско-коперниковского мировоззрения или, по крайней мере, не видят его иллюзорности, или им лень им заниматься. Мы, как раз, объяснили, насколько это неправильно. Но сегодня есть люди, многочисленные люди, которые исповедуют определённую полуправду, очень значимую полуправду, и которых не беспокоит лишь условная правомерность этой полуправды. Поскольку, как это ни странно для многих людей: Так же, как односторонним является познание мира через галилеевско-коперниковскую науку, вообще через нынешнюю университетскую науку материалистического толка, так же односторонностью, с другой стороны, является и познание мира только через Евангелие, отвергая всякое иное проникновение в истинную действительность. Евангелия были даны тем людям, которые жили в первых столетиях христианства. Верить сегодня, что Евангелии могут дать всё христианство, - это, как раз, наполовину правда, но наполовину заблуждение, которое, в свою очередь, затуманивает разум людей, и которое поэтому предоставляет Ариману наилучшее средство для достижения своей цели, триумфа своей инкарнации.

Насколько многочисленны сегодня люди, которые верят, что говорят, исходя из христианского смирения, но на самом деле, исходя из ужасного высокомерия: О, нам не надо никакой духовной науки. Простоты и скромности Евангелий достаточно для того, чтобы привести человека к вечности. - Чаше всего за этим кажущимся смирением стоит ужасное

высокомерие. И этим высокомерием в указанном смысле прекрасно может пользоваться Ариман. Поскольку, не забывайте то, что я сказал в начале сегодняшнего рассмотрения, что в то время, на которое приходится Евангелия, люди в своём мышлении, восприятии и в своих взглядах, во всём своём воззрении ещё были пронизаны люциферическим, и могли ещё понимать Евангелие определённым люциферическим гнозисом. Но сегодня понимание Евангелий в этом старом смысле невозможно. Сегодня стучаться только в Евангелии в том виде, как они дошли да нас, - это не даст никакого действительного понимания Христа. Поэтому сегодня истинное понимание Христа нигде не содержится в такой малой степени, как в вероучениях, в конфессиях. Сегодня уже надо эти Евангелии подвергнуть духовно-научному углублению, если хочешь прийти к действительному пониманию Христа. Это интересно, следовать отдельным Евангелиям и приходить к их истинному содержанию. Брать Евангелии такими, каковы они есть, как их берут сегодня многочисленные люди, и как этих многочисленных людей сегодня учат брать Евангелия, - это не путь к Христу, это путь прочь от Христа. Поэтому конфессии всё больше и больше удаляются от Христа. К чему приходит тот, кто хочет сегодня пользоваться только Евангелиями, без их духовно-научного углубления, к какого рода пониманию он приходит? Если он действительно занимается Евангелиями, он, в конце концов, придёт к некому Христу. Но что самое внешнее, к чему он приходит? Это не реальность того Христа, к которому может привести сегодня духовная наука. То, к чему ведут Евангелии, это, хоть и правильная, но всё же галлюцинация Христа, действительный внутренний образ, - как по мне, так назовите его хоть видением (Vision), - действительный внутренний образ, но всё же лишь образ. Через Евангелии есть сегодня путь к истинной галлюцинации, к истинному видению Христа, но не к реальности Христа. В этом, как раз, заключается причина того, что современная теология стала такой материалистичной. Люди, которые занимаются Евангелиями просто теологическим образом, проверили: Что мы можем извлечь из этих Евангелий? И, в конце концов, они всё же сказали: Согласно нашему воззрению, - нечто подобное тому, что мы извлекаем когда проверяем Павла перед Дамаском. И тогда эти богословы, которые, собственно, должны обосновывать христианство, но, на самом деле, подрывают его, говорят: Ну, Павел был просто больным, психически больным человеком, у которого было видение перед Дамаском.

Речь идёт, как раз, о том, что, как через само Евангелие можно прийти только к галлюцинации, только к видению, которое является внутренне правильным образом, однако, не схватывающим реальность, так надо видеть и то, что одним Евангелием не прийти к действительному Христу, а лишь к галлюцинации Христа. Поскольку действительного Христа сегодня надо искать посредством всего того, что можно приобрести из духовного познания мира. Поэтому для Аримана, когда он явится современной цивилизации в человеческом облике, ядром его паствы будут, как раз, те, кто сегодня, исходя из конфессий или сект, держится только за Евангелии и отрицает любой вид действительного духовного познания, кто не хочет учиться, кто уклоняется от всего того, что требует духовные усилия для конкретного познания. Из этих кругов вырастут целые толпы приверженцев Аримана.

Всё это уже начинается. Это уже здесь и действует на сегодняшнее человечество. В это направляет свои речи тот, кто сегодня обращается к людям со знанием инициационной науки, относительно социальных или каких-либо ещё вопросов. Он знает, где притаились силы противника, что они живут, прежде всего, в сверхчувственном, что люди являются бедными искушаемыми, и что, по сути, призыв к человечеству следующий: Освободяйся от всех вещей, которые образуют огромное искушение внести свой вклад а триумф Аримана.

Множество людей чувствует это. Но не каждый имеет мужество по-настоящему разобраться с являющимися историческими импульсами Христа, Люцифера и Аримана таким проникающим образом, как это необходимо, и как это подчеркивает антропософски ориентированная духовная наука. Человек не хочет заходить достаточно далеко, даже если подозревает, что это необходимо. Взгляните на примеры, где появляется какое-то знание о том, как необходимо пронизать западную материалистическую науку с её ариманическим характером импульсом Христа, как, с другой стороны, необходимо прояснить Евангелия

посредством духовно-научных объяснений. Человечество обретёт правильную позицию относительно земной инкарнации Аримана, уже только тем, что оно поймёт эти вещи, а также будет иметь мужество, волю и энергию, чтобы, с одной стороны, просветить духом западную науку, а с другой стороны, прояснить этим духом Евангелия. Иначе всегда будет выходить половинчатость. Задумайтесь, например, о том, как всё же такой просвещенный человек, который следит за современным религиозным развитием, как кардинал Ньюман¹⁸, когда он был облачен в кардиналы в Риме, открыто заявил в своей речи, что для того, чтобы христианско-католическое учение могло продолжать существовать, необходимо новое откровение. Но нам не нужно новое откровение. Время откровений в старом смысле прошло. Нам нужна новая наука, озаренная духом. Но люди должны иметь мужество для такой новой науки.

Подумайте о таком литературном феномене, как «Lux mundi»¹⁹, который в конце восьмидесятых, начале девяностых годов выходил от лица некоторых членов высокой английской церкви, уважаемых богословов высокой английской церкви; его эссе были проникнуты желанием построить мост от мирской науки к догматическому содержанию. Везде, я бы сказал, ёрзание туда-сюда, отсутствие смелого проникновения в светскую науку, отсутствие просвещения этой науки духом, беспристрастного взгляда на Евангелие, и после всего этого говорится: Одно Евангелие сегодня ничего не даёт, оно должно быть просвещено, оно должно быть объяснено. - Но это человечеству сегодня необходимо, сохранять мужество в отношении обеих сторон и сказать: Одна мирская наука ведет к иллюзии, одни Евангелии ведут к галлюцинациям. Срединный путь между иллюзией и галлюцинацией человек найдёт только в постижении реальности согласно духу. Вот то, о чём тут идёт речь.

Сегодня нужно понимать такие вещи. Одна мирская наука сделала бы человека иллюзионистом. Она, в конце концов, производит, по сути, только глупость. Сегодня и так достаточно глупости, поскольку эта катастрофа мировой войны определённо была огромной глупостью (Narrheit). Но при этом было и много людей, которые были полностью проникнуты сегодняшней мирской наукой. А когда вы видите, как тут же проявляются странные душевные явления, когда, например, одно из четырёх Евангелий какой-нибудь сектой ставится на первый план, тогда вы легче поймете то, что я сказал сегодня о Евангелиях. Посмотрите, как сильно склонна ко всяким галлюцинациям и тому подобному, такая секта, как та, что слушает только Евангелие от Иоанна, или другая, которая слушает только Евангелие от Луки. Единственное счастье, что каждое Евангелие в своей односторонности ещё не принесло больших бед, заключается в том, что есть четыре Евангелия, которые внешне противоречат друг другу. Так что, благодаря тому, что есть четыре Евангелия, люди не поддаются тому, чтобы слишком далеко идти в одном направлении, а, наряду с одним, имеют и другие. В одно воскресение им читается из одного Евангелия, в другое - из другого, и, благодаря этому, поднимается сила одного, посредством силы другого. Есть великая мудрость в том, что в цивилизованном мире оказались четыре Евангелия, и что человек, благодаря этому, не подпадают под течение, которое поглощает его полностью, когда на него действует только одно Евангелие, как это бывает со многими

---

¹⁸Предположительно, Рудольф Штайнер основывался на отрывке из работы «Трансцендентальная Вселенная» К. Г. Харрисона (оригинальное название «Трансцендентальный универсум», Лондон, 1893 г., немецкое издание, перевод Лейнингена Биллигхейма, 1897 г.). Отрывок в предисловии на странице 14 гласит: «Доктор Ньюман заявил в Риме по случаю своего вступления в должность кардинала, что не видит никакой надежды для религии, кроме как в новом откровении». Буквально Ньюман сказал в Риме 12 мая 1879 года: «До сих пор гражданская власть была христианской. Даже в странах, оторванных от церкви, как и в моей собственной, — когда я был молод — было справедливо изречение: христианство было законом страны!> — Сегодня эта прекрасная система общества, которая является творением христианства, повсюду отвергает христианство. Изречение, на которое я ссылался, вместе с сотней других, исчезло или исчезает повсюду, и к концу века оно будет забыто, если не вмешается Всевышний!» (См. Уилфрид Уорд, Жизнь кардинала Джона Генри Ньюмана, 2 тома, Лондон, 1927, 2-й том, стр. 460f.)

¹⁹«Lux mundi»: серия исследований религии инкарнации. Под редакцией К. Гора, Лондон, 1889 г. - Сборник эссе разных авторов, в том числе, Ч. Гора: «Святой Дух и Вдохновение!». - Чарльз Гор (1853-1932) был англиканским епископом и инициатором современного течения в рамках Высокой церкви.

последователями сект. Когда на него действует только одно Евангелие, проявляется та особенность, что, в конце концов, это воздействие только одного Евангелия выливается в галлюцинаторное.

Да, сегодня необходимо отбросить многие субъективные склонности, многое из того, что нравится, и что считается благочестивым или умным. Для человечества сегодня прежде всего речь идёт о всесторонности, о мужества к всесторонности.

Это то, о чём я хотел вам сегодня сказать, чтобы вы увидели: То, что сейчас пытается действовать в рамках человечества, имеет воистину более глубокие основания, нежели просто какое-либо субъективное предрасположение. Можно сказать, что это вычитано из знаков времени и это должно действовать. И хотя мы смогли увидеться здесь, в этой секции, только после относительно долгого перерыва, я ощущал глубокую потребность, как раз, в это время сказать вам те слова, которые я сказал вам здесь сегодня. Надеюсь, что в не столь отдалённом будущем у нас появится возможность продолжить говорить здесь о таких вещах снова.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Берн, 4 ноября 1919 года

Фазу развития человечества, которая начинается в наше время, - разумеется, о любом времени можно сказать, что начинается определённая фаза развития, и надо только охарактеризовать эту фазу развития, - можно охарактеризовать в основном так, что всё, что переживает это человечество, в будущем земном времени, в физическом мире, будет представлять собой, своего рода, спуск, обратное движение, обратное развитие. То время, когда человечество, посредством выступающих всё более и более благородным образом физических сил, продвигалось вперёд, уже прошло. В последующее время человечество тоже будет продвигаться вперёд, но только благодаря спиритуальному развитию, благодаря развитию, которое возвышается над процессами физического плана. Процессы физического плана не будут такими, что человечество, если оно захочет предаться только им, сможет получать от них удовлетворение. Ведь, то, что уже давно представлено нашей духовной наукой, что мы можем найти охарактеризованным в цикле лекций об апокалипсисе, - что всё ведёт к «войне всех против всех», - должно с настоящего времени рассматриваться как нечто очень серьёзное и важное. Оно должно пониматься так, чтобы оно не оставалась только теоретической истиной, но чтобы оно находило своё выражение в действии, во всём поведении людей. Как раз, то обстоятельство, что люди, - если можно так тривиально выразиться, - в будущем будут получать мало радости от развития физического плана, заставит их всё больше и больше понимать, что дальнейшее развитие должно будет исходить от духовных сил.

Полностью увидеть этот факт можно будет только в том случае, если взглянуть на более длительный период человеческого развития и, как бы, использовать на практике то, с чем человечеству придётся всё больше и больше сталкиваться в будущем. Можно будет увидеть, к какой цели стремятся те силы человечества, которые выражаются в, я бы сказал, ритмическим образом выступающих воинственных опустошительных процессах, из которых нынешняя военная катастрофа является лишь началом. Ведь, это было бы детским представлением, если бы думали, что, благодаря чему-то, что присоединится к этой катастрофе войны, на физическом плане воцарится какое-то длительное мирное время. Этого не произойдёт. Но то, что должно прийти на Землю, должно быть спиритуальным развитием. Его дух, его направление, его смысл мы поймём, если охватим взглядом относительно более

продолжительные периоды до мистерии Голгофы, если тогда воспримем нечто из смысла Мистерии Голгофы, и если попытаемся духовно взглянуть на дальнейшее действие Мистерии Голгофы в будущем развитии человечества.

Мы рассматривали Мистерию Голгофы с самых различных точек зрения. Сегодня мы хотим добавить к этим точкам зрения некоторые другие, немного характеризуя то, что в человеческой цивилизации предшествовало Мистерии Голгофы, скажем, до 3-го тысячелетия до нашего летосчисления, что затем продолжалось до времени христианского развития, и что, как вы знаете, обозначается как языческая культура. В эту языческую культуру, в виде оазиса, была помещена совершенно другим образом организованная иудейско-еврейская культура, из которой затем вышло христианство.

Языческую культуру мы сможем понять, уяснив себе, что, по существу, она была культурой познания, воззрения, деятельности, исходя из более охватывающих сил, нежели земные силы. Можно сказать: Посредством иудейско-еврейской культуры человечеству, собственно, впервые был привит моральный элемент. В языческой культуре моральный элемент не имел обособленного бытия. Зато эта древняя языческая культура была такой, что человек чувствовал себя членом всего космоса. На это надо обратить совершенно особое внимание. Человек, принадлежащий к древней языческой культуре, стоял на Земле, чувствуя себя членом всего космоса. Он чувствовал, как силы, воздействующие на движение звёзд, продолжают действовать в его собственных поступках, или, лучше сказать, действуют на силы, проявляющиеся в его поступках. То, что позднее стало астрологией, и что считается астрологией до сих пор, - это, я бы сказал, лишь отблеск, даже вводящий в заблуждение отблеск того, что было древней мудростью, которая была извлечена из движения звёзд, и которая, в то же время, давала предписания для человеческой деятельности. Эти древние культуры будут понятны только в том случае, если с точки зрения духовной науки пролить некоторый свет на то, что, собственно, во внешнем смысле человеческого развития было в 4-5-ом тысячелетии до Христа. Мы, разумеется, скоро поговорим и о втором, и о первом послееатлантическом периодах, но будет нехорошо, если мы будем представлять себе человеческое бытие на Земле в этих 5, 6, 7-ом тысячелетиях до нашего летосчисления слишком похожим на наше теперешнее человеческое бытие. Вполне верно то, что люди в эти древние тысячелетия, находясь на Земле, обладали, своего рода, инстинктивной душевной жизнью, тем видом душевной жизни, который в определённых отношениях стоял ближе к животной душевной жизни, нежели сегодняшней человеческой. Но эта человеческая жизнь была бы понята слишком односторонне, если бы говорилось что-то вроде: Да, если возвратиться в те времена, то люди были подобны животным. То, что обитало здесь, на Земле, по душевному состоянию было определённо животноподобным, но этими животноподобными телами людей пользовались духовно-душевные существа, которые чувствовали себя вполне принадлежащими сверхчувственным, прежде всего, космическим мирам. И можно сказать: Если вернуться во времени достаточно далеко назад, приблизительно в 5-ое дохристианское тысячелетие, то люди были таковы, что они пользовались этими животными телами скорее как инструментами, насколько они чувствовали себя в них. Если бы мы хотели охарактеризовать тех людей более точно, то надо было бы сказать: Когда эти люди бодрствовали, они болтались вокруг со своей инстинктивной душевной жизнью как животные, но в эту инстинктивную душевную жизнь проникало нечто вроде сновидений из их спящего состояния, как сновидения наяву. И в этих сновидениях наяву они узнавали, что они спустились сверху, чтобы лишь пользоваться этими животными телами. То, что тут было действительным внутренним душевным состоянием человека, проходило тогда как культовое видение, как культовое действие в служении Митры, где мы видим, что главным символом был бог Митра, скачущий на быке, над которым простиралось звёздное небо, которому он принадлежал, и под которым находилось земное, принадлежащее быку. Этот символ, собственно, был для этих древних людей не символом, а видением действительности. Человек ощущал своё душевное состояние примерно так, что он говорил себе: Когда ночью я нахожусь вне своего тела, я принадлежу силам космоса,

звёздного неба, а когда я утром просыпаюсь, я пользуюсь животным инстинктом в животном теле.

Затем человеческое развитие испытало, я бы сказал, в определённом смысле, время сумерек. Это была некая притуплённая человеческая жизнь, в которой космические сновидения отступили, и инстинктивная жизнь стала преобладать. То, что человеческим душевным состоянием было раньше, сохранялось посредством мистерий, в основном посредством азиатских мистерий. Но большинство человечества, не охваченное мистериальной мудростью, в 4-ом, вплоть до начала 3-го тысячелетия жило более или менее притуплённой жизнью. Можно сказать: В этих 4-ом, начале 3-го тысячелетиях до Мистерии Голгофы в азиатском и известном тогда мире люди вели в основном сумеречную, инстинктивную душевную жизнь. Но были ещё мистерии, в которых, посредством действенных церемоний, действительно действовали духовные миры. И от них люди затем были снова просветлены.

Но примерно в начале третьего тысячелетия произошло нечто очень важное. Если бы мы хотели охарактеризовать, откуда взялась эта сумеречная, скорее инстинктивная жизнь, то можно было бы сказать: в то время духовно-душевное существо человека ещё не могло пользоваться собственно человеческими органами понимания. Эти органы понимания уже были, они уже сформировались в физическом существе человека, но духовно-духовное существо ещё не могло пользоваться этими органами. Так что люди ещё не были в состоянии приобретать какое-либо знание посредством своего мышления, посредством силы своего суждения. Они могли приобретать только то, что им давалось из Мистерий.

Тогда в начале третьего тысячелетия на Востоке Азии произошло одно важное событие. В одной из тогдашних азиатских благородных семей в окружении церемониальной мистериальной службы, не зная никаких запретов, рос один ребёнок. Обстоятельства сложились так, что этому ребёнку было позволено принимать участие в церемониях, вероятно, благодаря тому, что главный священник мистерий получил инспирацию, что этот ребёнок должен был участвовать в церемонии. И когда человек, живший в этом ребёнке, был в возрасте приблизительно сорока лет, выявилось нечто странное. Оказалось, - а надо сказать, что священник мистерий, как бы, пророчески предвидел это событие, - что этот человек, которому было позволено вырасти в восточно-азиатской мистерии, к своему сороковому году неожиданно начал постигать смысл того, что до этого получали только посредством откровения в мистерии, посредством человеческой силы суждения. Он был, как бы, первым, кто смог пользоваться органами человеческого разума, но только с опорой на мистерии.

Если то, что этот священник мистерий говорил об этом случае, мы переведём на наш язык, то мы должны сказать: В этом человеке получил инкарнацию сам Люцифер, не больше не меньше. - И это важный, значительный факт, что в третьем тысячелетии на Востоке Азии действительно произошла плотская инкарнация Люцифера. И от этой плотской инкарнации Люцифера - поскольку эта личность затем учила - произошло то, что, собственно, и называется дохристианской, языческой культурой, которая жила ещё в Гнозисе первых христианских столетий. Говорить об этой культуре Люцифера пренебрежительно абсолютно недопустимо. Поскольку красота, которую произвела Греция, даже с философской точки зрения, живёт и в древнегреческой философии, и в трагедиях Эсхила, - и всё это было бы невозможно без этой люциферической инкарнации. Эта люциферическая инкарнация, как уже было сказано, была ещё сильна в первые столетия после Христа на Юге Европы, на Севере Африки, на Западе Азии. И когда произошла Мистерия Голгофы, то она могла быть понята в основном посредством люциферической мудрости. То, что вначале подготовило себя к пониманию Мистерии Голгофы как Гнозис, было полностью оплодотворено люциферической мудростью. Так что, прежде всего, мы должны подчеркнуть: В начале 3-го тысячелетия была китайская инкарнация Люцифера. В начале нашей эры была инкарнация Христа. И сначала даже инкарнация Христа понималась, благодаря тому, что ещё оставалась сила старой инкарнации Люцифера, которая исчезла из поля зрения человека, исчезла для

собственной человеческой силы, собственно, только в 4-ом столетии после Христа. Но она ещё имела свои последствия, своих последователей.

Теперь к этим обеим инкарнациям, люциферической в древние времена и инкарнации Христа, которая даёт собственный смысл земному развитию, в недалёком будущем добавится ещё третья. И события современности существенным образом движутся уже в направлении подготовки этой третьей инкарнации. Указывая на инкарнацию Люцифера в начале 3-го тысячелетия до Христа, надо сказать: Посредством неё человек получил способность пользоваться органами своего понимания, своей силы суждения. Люцифер сам был в человеческом теле, которое впервые посредством силы суждения понял то, что раньше могло войти в человека только через откровение: смысл мистерий. То же, что подготавливается сейчас и совершенно точно произойдёт на Земле в недалёком будущем, - это действительная инкарнация Аримана.

Только мы живём, как вы знаете, с середины 15-го столетия в том периоде, в котором человечество должно всё больше и больше овладевать силой полного сознания. Это должно быть самым важным в подходе к этому Ариманическому воплощению, чтобы люди подошли к этому событию с полным сознанием. Инкарнация Люцифера состоялась, будучи понимаемой только пророческой силой священника мистерий. Очень бессознательно выступило для человечества то, что было инкарнацией Христа посредством События Голгофы. Сознательно, с потрясениями, которые выступают на физическом плане, человечество должно будет встретить инкарнацию Аримана. Под воздействием постоянных войн и прочих бед последующего человеческого будущего человеческий дух станет, как раз, очень изобретательным в области физической жизни. И, благодаря этому становлению изобретательными в области физической жизни, которое нельзя избежать посредством того или иного поведения, - оно наступит как необходимость, - благодаря этому, станет возможным появление такой человеческой телесной индивидуальности, что в неё сможет воплотиться Ариман.

Но эта ариманическая сила подготавливает свою инкарнацию на Земле из духовного мира. И она пытается подготовить её так, чтобы она - то есть, эта инкарнация Аримана в человеческом облике - могла как можно сильнее искушить и соблазнить людей на Земле. Одной из задач человека в последующем развитии цивилизации будет настолько сознательная встреча этой инкарнации Аримана, чтобы эта инкарнация, наоборот, оказала бы службу человечеству в отношении требований более высокого духовного, спиритуального развития тем, что, как раз, в связи с Ариманом было бы осознано, что человек может достичь или, скажем, не достичь, посредством просто физической жизни. Но эту инкарнацию Аримана люди должны встретить сознательно и действовать так, чтобы быть всё более и более сознательными во всех областях, чтобы всё больше и больше видеть, какие течения в жизни противостоят этой инкарнации Аримана. Люди должны учиться интерпретировать свою жизнь, исходя из духовной науки, чтобы познать течения, противостоящие Ариману, чтобы овладеть ими. Они должны знать, что Ариман будет жить на Земле среди людей, но что люди будут ему противостоят и сами определять, чему они хотят от него научиться, что они хотят от него взять. Но они не смогут этого сделать, если уже сейчас не возьмут в свои руки определённые духовные течения, или также не духовные течения, которыми пользуется Ариман, чтобы по возможности оставить людей бессознательными относительно своего прихода, относительно того, что он впервые сможет явиться на Земле и, как бы, напасть на них, ввести в искушение, соблазнить, чтобы они отвергли человеческое развитие, чтобы земное развитие не достигло своей цели. Для того, чтобы понять весь процесс, о котором я говорил, необходимо познакомиться с сущностью определённых духовных и не духовных течений.

Поскольку, видите ли, разве не становится сегодня всё больше и больше число людей, которые, собственно, ничего не хотят знать о науке духовного, о познании духовного? Разве вы не видите, как много стало людей, которым придавали бы внутренние импульсы старые религиозные силы? Идти в церковь или нет, для многих людей современности это уже

больше не вопрос. Но старые религиозные силы влияния больше не имеют для них никакого внутреннего значения. Они не хотят как-то учитывать также и то, что может войти в нашу культуру как новая духовная жизнь. Они сопротивляются, они отвергают её, они рассматривают её как глупость, как нечто для них неудобное, они ей никак не интересуются. Но, видите ли, то, как человек живёт на Земле, он представляет собой действительно целостность. Нельзя разделить его духовного с его физическим. Оба между рождением и смертью действуют как единство. И если человек с помощью своих душевных способностей не принимает духовного, то это духовное тем не менее никуда не исчезает. С последней трети 19-го столетия, ведь, нас обтекает это духовное. Оно втекает в земное развитие. И можно сказать: Духовное здесь, просто люди не хотят его принимать.

Но даже если люди не принимают духовное, оно всё же есть! Вот оно! Что станет с этим духовным? Как это ни парадоксально, - поскольку многое, истинное и даже очень истинное, кажется сегодняшнему человеку парадоксальными, - люди едят и пьют, и больше всего это, вероятно, любят делать те, кто отрицает спиритуальное. У таких людей, которые отвергают спиритуальное, но которые тем не менее едят и пьют, духовное вливается в процесс еды и пищеварения бессознательно. В этом тайна того пути в материализм, который начал проявляться около 1840-го года или, скорее, подготовился к нему. Те люди, которые не принимают духовное посредством своей души, всё же принимают это духовное; когда они едят и пьют, они едят и пьют дух. Они являются пожирателями души и духа. И таким путём дух, который втекает в земное развитие, в люциферический элемент, передаётся Люциферу. Люциферическая сила, которая тогда может помогать ариманической силе для её инкарнации, становится, благодаря этому, всё сильнее и сильнее. Это уже должно будет стать для людей знанием, что люди будущего будут либо сознательно принимать духовное знание, либо бессознательно съедать дух и тем самым передавать его силам Люцифера. Это течение поедания духовно-душевного Ариман стимулирует особенно, поскольку, благодаря нему, он может все больше и больше убаюкивать людей, чтобы посредством своей инкарнации он мог выступить среди людей, нападать на них так, чтобы они не противостояли ему сознательно.

Но Ариман может готовить свою инкарнацию и непосредственно, и он делает это. Сегодняшние люди определённо ведут духовную жизнь, но жизнь чисто интеллектуальную, не связанную с духовным миром. Всё больше и больше распространяется среди людей эта просто интеллектуальная жизнь, которая вначале охватила науку, но теперь ведёт также и к всевозможным социальным эксцессам. Какого же рода эта интеллектуальная жизнь? Эта интеллектуальная жизнь мало связана с действительными интересами человека. Я спрашиваю вас: сколько сегодня вы видите поступающих и выходящих из высших и низших учебных заведений людей, которые, собственно, служат своей науке не из внутреннего энтузиазма, а из-за внешней профессии? Тут непосредственный интерес души не связан с тем, что делается. Это уходит корнями даже вплоть до времени обучения. Подумайте, как многому учатся на самых разных этапах жизни без настоящего энтузиазма и настоящего интереса к этому обучению, насколько внешней становится интеллектуальная жизнь для многих людей, посвящающих себя ей. И скольким людям сегодня приходится производить всяческие духовные вещи, которые потом консервируются в библиотеках, и которые не являются живыми как духовная жизнь. Всё, что развивается как интеллектуальная духовная жизнь, без того, что её пронизывает человеческое душевное тепло, человеческий энтузиазм, непосредственно способствует инкарнации Аримана в его собственном смысле. Это убаюкивает людей так, как я это охарактеризовал, так что это может быть очень благоприятным для Аримана.

Наряду с этим, есть множество других течений в духовной и не духовной жизни, которыми может пользоваться Ариман, если люди используют их неверно. В последнее время вы много слышали, - слышно и до сих пор, - что будто бы должны быть организованы национальные государства, национальный рейхи. Много слышно о «свободе отдельных народов». Но время, когда должны были закладываться государства, основанные на кровных и родовых связях, для развития человечества прошли. И когда сегодня апеллируют к

народным, племенным и тому подобным связям, к связям, которые исходят не из интеллекта или духа, тогда в человечестве вызывают дисгармонию. И этой дисгармонией совершенно особым образом может пользоваться ариманическая власть. Шовинизм, всяческий извращённый патриотизм, - они станут материалом, из которого Ариман строит то, что он, как раз, и должен строить.

Но сюда добавляется ещё и нечто другое. Сегодня повсюду выступают за ту или иную партию. Ну, что касается этих партийных мнений и партийных программ, то люди сегодня уже запутались и ничего не хотят видеть ясно. Сегодня остроумно можно доказать самые радикальные вещи. Сегодня с большим остроумием доказывается ленинизм, но точно так же можно доказать и его противоположность, и всё, что лежит между ними. Теперь вы можете строго доказать любое человеческое программное мнение. Только тот, кто доказывает противоположное программное мнение, тоже прав. То, что является интеллектуальным духом, как он господствует сегодня среди людей, ни в коем случае недостаточно для того, чтобы показать нечто в своей жизненной способности, в своей внутренней жизненной ценности. Он доказывает. Но то, что доказывается, мы ни в коем случае не должны считать чем-то жизненно ценным, жизненно сильным. Поэтому люди сегодня стоят друг против друга в противоборствующих партиях, поскольку мнение каждой партии, или по крайней мере самое существенное из этих мнений, можно доказать с одинаковым правом. То, чем является наш интеллект, остаётся в верхнем слое понимания вещей, не проникает в те нижние слои, где лежит действительность. Это нужно только достаточно глубоко и основательно рассмотреть. Люди сегодня, как раз, любят своим разумом оставаться на поверхности и не проникать с помощью более глубоких духовных сил в слои бытия, соответствующие существу вещей. Хотя человеку достаточно немного ориентироваться лишь во внешней жизни, - часто уже самая внешняя жизнь показывает, как он может ввести себя в заблуждение посредством того, что он сегодня любит. Люди любят сегодня число в науке, но они любят число и в социальной жизни. Взгляните на социалистическую науку: она почти полностью состоит из чистой статистики, то есть из чисел; в них заключены все важнейшие вещи. Также и числами всё можно доказать и всему верить. Поскольку число - это не средство для того, чтобы что-то доказать, а средство, как раз, для того, чтобы ввести людей в заблуждение. Насколько за числами не видят качественного, настолько эти числа чаще всего вводят в заблуждение.

Один из близко лежащих примеров следующий: Например, много спорят, или по крайней мере спорили, о национальности македонцев. В политической жизни балканского полуострова многое зависит от статистики, которую там производят. Только там имеются числа, которые имеют ту же ценность, что и числа других статистик. То есть, делают ли статистику для пшеницы или ржи, или статистику того, сколько в Македонии проживает людей греческой, болгарской, сербской национальности: относительно того, что может доказать статистика, ведь, это всё равно. Тут можно найти числа для греков, числа для болгаров, числа для сербов, и из этих чисел можно делать прекрасные выводы. Но можно взглянуть и на качественную сторону. Тогда выясняется, например: отец - грек, один сын - болгарин, другой сын - серб. Как так получается, можете представить себе сами. Но эта статистика привлекается для принятия конкретных решений, в то время как на самом деле служит только для обоснования партийных целей. Поскольку очевидно, что если отец действительно является греком, то и оба сына - тоже греки. Но это лишь один пример для многого того, что делается, и что вообще делается с числами в отношении людей. Числа - это то, благодаря чему Ариман может чаще всего добиться своих целей, если эти числа используются как средство доказательства.

Ещё одно средство, который может использовать Ариман, - это то, что в свою очередь, будучи высказанным, вероятно, не сразу будет признано таковым, и это то, чьи характеристики будут звучать скорее парадоксально. Как вы знаете, в рамках нашего духовно-научного движения мы пытались духовно-научным образом углубить Евангелия. Но это углубление Евангелий в наше время, которое становится всё более и более необходимым,

отвергается многочисленными людьми так же, как отвергается сама духовная наука. Люди, считающие себя в этой области, - по крайней мере, они это подчёркивают, - простыми и скромными, являются, собственно, самыми высокомерными. Всё чаще можно слышать, как эти люди говорят, что надо углубиться в простоту Евангелий и не искать сложных духовно-научных путей, чтобы прийти, например, к Мистерии Голгофы. Люди, которые делают вид, что хотят «просто искать» в Евангелиях, являются, как раз, самыми высокомерными, поскольку в своём высокомерии пренебрегают честными и открытыми поисками посредством духовно-научных знаний. Они так высокомерны, что надеются без каких-либо усилий, лишь посредством наивного углубления в сами Евангелия, загрести себе высшие познания духовного мира. То, что сегодня принимает вид скромности и простоты, является, как раз, самым высокомерным. В сектах, в конфессиях живут самые высокомерные люди.

Смотрите, ведь, Евангелия возникли в то время, когда ещё была люциферическая мудрость. В первые столетия развития христианства Евангелии понимали совершенно иначе, нежели позже. Сегодня люди, которые не могут углубиться духовно-научным образом, только делают вид, что понимают Евангелия. В действительности у них нет даже первоначального смысла слов. Поскольку то, что переведено на различные языки, - это не истина Евангелий, а нечто такое, что, по сути, больше совершенно не напоминает о первоначальном смысле слов, которыми были написаны Евангелия. Сегодня прийти к действительному познанию того, что в земном развитии осуществило существо Христа, можно только духовно-научным путём. Кто сегодня хотел бы углубиться в Евангелия лишь «просто», как часто говорят, или делает это, тот не придёт к внутреннему пониманию существа Христа, а лишь к некой иллюзии или, в самом крайнем случае, к видению или галлюцинации этого существа Христа. Действительная связь с христианским сегодня больше не достигается посредством простого чтения Евангелий, а является только, своего рода, утончённой галлюцинацией Христа. Поэтому так далеко распространилось теологическое воззрение, что в человеке Иисусе из Назарета совсем не было Христа, а он сам являлся просто только некой исторической личностью, как Сократ или Платон или кто-то ещё, только, возможно, немного более высокой. «Простой человек из Назарета» - это идеал теологов. И с чем-то таким, вроде явления Павлу в Дамаске, могут что-то предпринять лишь немногие сегодняшние теологи, поскольку просто из Евангелий, без духовно-научного углубления, можно прийти лишь к некой галлюцинации Христа, не к видению действительного Христа. Поэтому и то, что явилось Павлу в Дамаске понимается лишь как некая галлюцинация.

Необходимо, чтобы сегодня Евангелия были углублены согласно масштабу духовной науки. Поскольку глупостью, которая охватывает тех людей, которые хотят жить только в рамках конфессий, Ариман, для того, чтобы прийти к своей цели, пользуется чаще всего: захватить людей своей инкарнацией. И те, кто считает, что, отвергая дальнейшее развитие воззрения о мистерии Христа, они являются наилучшими христианами, - именно они, со своим высокомерием, являются теми, кто чаще всего способствуют целям Аримана. Конфессии - это, как раз, области поддержки, почва для ариманических существ. Сегодня бесполезно как-то прикрываться от этих вещей иллюзиями. Точно так же, как способствует целям Аримана материалистический настрой, который отвергает всё духовное и хочет сделать человека только тем, что ест и пьёт, так же способствует целям Аримана - в его смысле, а не в смысле человечества — и упорный отказ от всего духовного и продолжение пребывания в буквальном, как часто говорят, простом понимании Евангелий.

Смотрите, чтобы отдельные Евангелия не слишком суживали людей, возведена дамба тем, что событие Голгофы описано Евангелиями с четырех сторон, которые - по крайней мере, кажущимся образом - противоречат друг другу. Так что человек защищён от дословного понимания, если он хоть немного поразмыслит. Но в тех сектах, в основе которых лежат только Евангелия, - есть и такие, причём их много, - проявляется то искушающее, оглуляющее, галлюцинаторное, которое вызывается посредством простого углубления в Евангелия. Эти Евангелия должны были в своё время служить противовесом люциферическому гнозису. Но если их брать так, как они были даны тогда, то они служат не

человеческого прогрессу, а целям Аримана. Что-то является хорошим не просто само по себе в абсолютном смысле, а он является хорошим или плохим в соответствии с тем, как люди это используют. Лучшее может быть худшим, если использовать это неверно. Если Евангелии являются чем-то самым высшим, то они, как раз, могут действовать хуже всего, если люди чувствуют себя слишком удобно для того, чтобы проникнуть в действительную духовно-научную интерпретацию этих Евангелий.

Так что в духовных и не духовных течениях современности есть много такого, что должно заставить людей внимательно присмотреться к этому и соответствующим образом изменить свое поведение, а именно, поведение своей души. От того, захотят ли люди понять нечто подобное, будет зависеть, приведёт ли инкарнация Аримана к тому, что люди совершенно потеряют свою цель на Земле, или же эта инкарнация Аримана приведёт к тому, что они, как раз, познают совершенно ограниченное значение интеллектуальной жизни, не спиритуальной жизни. Если люди в правильном смысле, я бы сказал, возьмут в свои руки то, что я сейчас охарактеризовал как ведущие к Ариману течения, то, просто благодаря инкарнации Аримана, они смогут ясно различать, что в земной жизни является ариманическим, и посредством этого узнавать также его противоположный полюс, - люциферический. И тогда люди будут в состоянии, - как раз, из противопоставления ариманического и люциферического, - охватить душевным зрением сводное третье. Люди должны сознательно проникнуть в трицу христианского, ариманического, люциферического. Поскольку без этого сознания люди будущего не смогут жить так, чтобы действительно достичь земную цель.

Видите ли, вещи, связанные с духовной наукой, правильно можно понять только тогда, когда принимаешь их с полной серьёзностью. Поскольку, ведь, духовная наука - это не просто нечто такое, что хочет сегодня выйти к людям из причуд какого-то сектантского духа, а духовная наука - это нечто такое, что считано из необходимостей человеческого развития. Тот, кто видит эти необходимости человеческого развития, тот не может заниматься духовной наукой, или также не заниматься, а он должен себе сказать: вся физическая и духовная жизнь людей должна быть освещена и проникнута духовно-научным пониманием.

Так, как когда-то на Востоке была люциферическая инкарнация, затем, так сказать, в середине мирового развития - инкарнация Христа, точно так же на Западе состоится ариманическая инкарнация. Эту ариманическую инкарнацию нельзя избежать. Она должна прийти, поскольку люди должны встретиться с Ариманом, я бы сказал, глаза в глаза. Это будет та индивидуальность, которая покажет людям, к какому чудовищному остроумию может прийти человек, если он призовет в помощь всё то, что, исходя из земных сил, может стимулировать это остроумие. В необходимостях, о которых я говорил, которые должен испытать человек в последующее время, люди станут очень изобретательны. Многие будут открыты из сил и субстанций мира, что даст человеку пищу. Но то, что тогда будет найдено, будет найдено таким образом, что человек в то же время узнает, как материальное связано с органами понимания, - не духа, а понимания. Человек будет учиться тому, что нужно есть и пить, чтобы стать очень умным. Посредством того, что человек ест и пьёт, он не может стать духовным, но посредством этого он может стать очень умным, рафинированно умным.

Люди ещё не знают эти вещи, но к этим вещам не будут, так сказать, стремиться, - они получатся совершенно сами по себе, из-за необходимости, которая возникнет в ближайшее время. И, я бы сказал, посредством определённого использования этих вещей, определённые уже существующие тайные общества, которые сегодня уже готовятся к этому, будут подготавливать то, посредством чего тогда эта ариманическая инкарнация сможет состояться на Земле правильным образом. И она должна состояться; поскольку человек должен в продолжении земного времени также узнать, что может выйти из чисто материальных процессов. Но одновременно человек должен понять, что он должен научиться владеть такими духовными и не духовными течениями, которые ведут к Ариманизму.

Когда мы увидим, что одни партийные программы могут быть доказаны так же, как и им противоположные, тогда мы должны будем сказать себе: Мы должны подняться до такого

настрою души, в котором мы не доказываем, а переживаем. Поскольку то, что переживается, отличается от того, что просто доказывается в соответствии с пониманием. Точно так же мы скажем себе: Всё больше и больше должно выступать духовно-научное углубление Евангелий. Сегодняшнее дословное восприятие Евангелий - это пособничество ариманической культуре. Уже из внешних оснований можно увидеть, что для сегодняшнего человека просто дословное восприятие Евангелий больше не может действовать, поскольку вы знаете, что то, что верно для одного времени, верно не для любого времени. То, что верно для одного времени, в более позднее время становится люциферическим или ариманическим. Чтение Евангелий имело место в своё время. Сегодня речь идёт о том, чтобы с помощью Евангелий обрести духовное знание Мистерии Голгофы.

Определённо, сегодня для многих людей очень неудобно воспринимать эти вещи. Но тот, кто хочет интересоваться антропософией, должен был бы действительно познакомиться с тем, как постепенно слои культуры заняли положение друг рядом с другом, и тем самым вызвали хаос, и как, в свою очередь, в этот хаос должен войти свет.

Хорошо было бы проделать опыт: взять какого-нибудь современного, очень радикального современного человека и послушать, что он говорит о том или ином вопросе сегодняшней жизни, и, наряду с этим, послушать проповедь священника какой-нибудь конфессии на ту же тему, который ещё полностью погружён в образ мышления и в формы мыслей старого времени. Тогда перед вами действительно два мира, которые вы спутаете только в том случае, если вам не удастся подойти к этим вещам в соответствии с истиной. Послушайте сегодня то, что говорит о социальном вопросе какой-нибудь современный социалист, а потом сразу после этого, скажем, католический проповедник: очень интересно, как стоят бок о бок два слоя культуры, употребляющие слова в совершенно разном смысле. Одно и то же слово для одного означает нечто совершенно иное, нежели для другого.

Эти вещи должны проясниться, если серьёзно воспринять те рассуждения, которые мы попытались провести сегодня. В конце концов, люди из позитивных религиозных верований тоже приходят к, я бы сказал, своего рода, тоске по духовному углублению. Это действительно не незначительное явление, что такой превосходный дух, но позитивный католический дух, как кардинал Ньюман, когда его посвящали в кардиналы в Риме, сказал, что он не видит для христианства другого спасения, кроме нового откровения.

Да, кардинал Ньюман сказал: Он не видит никакого другого спасения для христианства, кроме нового откровения. - Но он, конечно, не имел мужества серьёзно воспринять новое духовное откровение. И другие поступают так же. Вы можете сегодня прочитать бесчисленные тексты о том, что необходимо человечеству, скажем в связи с социальным вопросом. Сейчас появилась одна работа: «Социализм» - так она называется, Роберта Вильбрандта, сына поэта Вильбрандта. Так, например, социальный вопрос объясняется на основе хороших отдельных знаний. И в конце сказано: Без духа ничего не получится, и, как раз, весь ход вещей показывает, что необходим дух. - Хорошо, но к чему приходит такой человек? Он приходит к тому, что говорит слово «дух», абстрактный дух. Но он отвергает всё, что действительно каким-то образом хочет прорваться к этому духу. Для этого нужно, прежде всего, понять, что копание в абстракциях, как бы оно ни взывало к духу, ещё не есть нечто спиритуальное, не есть нечто духовное. Не следует смешивать туманную, абстрактную болтовню о духе с действительным, положительным поиском содержания духовного мира, как это и должно происходить через антропософски ориентированную духовную науку.

О духе сегодня говорят многие люди. Те, кто принимает духовную науку, однако, должны быть людьми, которые не дают себя обмануть одними духовными разговорами, они должны видеть, что есть различие между этими одними только духовными разговорами и описаниями духовного мира, которые делаются на антропософской почве, где духовный мир описывается так же, как внешним образом описывается физически-чувственный мир. На такие различия надо обращать внимание, надо их снова и снова проводить перед душой, то есть, как раз то, что абстрактные речи о духе являются отвлечением от действительной духовной жизни, и что сегодня многие говорят о духе, тем самым всё дальше и дальше удаляясь от него. Поскольку

просто интеллектуальное указание на дух не ведёт к духу. Что же такое интеллект? Что является содержанием человеческого интеллекта? Наилучшим образом я могу вам это объяснить, поставив перед вашими душами следующий образ. Представьте себе, - ведь здесь так много дам, они поймут это ещё лучше, - представьте себе, что вы стоите перед зеркалом и смотрите в него. Возьмите это отражение, этот образ, который предоставляет вам зеркало. Он такой же, как вы сами, но он всё же совсем не действительный. Он возникает через отражение в зеркале. Всё, что вы имеете в своей душе как интеллект, как содержание интеллектуального, - это лишь отражённый образ. В нет нет никакой действительности. И как этот ваш отражённый образ вызван только посредством зеркала, так и то, что отражается как интеллект, вызывается посредством физического аппарата вашего тела, посредством мозга. Человек интеллигентен, только благодаря своему телу. И, как вы не можете погладить себя, когда тянетесь к своему отражению в зеркале, точно так же вы не можете ухватить дух, обращаясь просто к интеллектуальному, поскольку духа там нет. То, что схватывается разумом, как бы остроумно оно ни было, никогда не содержит в себе самого духа, но только образ духа. Оставаясь при просто интеллекте, вы не можете пережить дух. Интеллект так соблазнителен поэтому, что он даёт образ, образ духа, но не сам дух. Тогда не надо доставлять себе неудобство вживаться в этот дух, поскольку он, ведь, у вас есть, - по крайней мере вы так думаете, - в отражённом образе; но можно очень хорошо говорить о духе. Это различие просто образа духа от действительного духа, - это задача для того настроения, который не просто теоретизирует в духовно-научном, а действительно стоит внутри позитивного рассмотрения духа.

Я хотел сказать это вам сегодня, чтобы укрепить в вас серьёзность, которой должно быть пронизано всё наше отношение к понимаемой антропософским образом духовной жизни. Поскольку от того, как современное человечество воспримет это положение, будет зависеть реальное развитие человечества в будущем. Если то, что я охарактеризовал сегодня, будет воспринято так, как до сих пор воспринималось подавляющим большинством людей на Земле, то Ариман будет для людей плохим гостем, когда он придёт. Если же люди смогут собраться и сознательно воспринять эти вещи, которые мы сегодня рассматривали, если они смогут обращаться с ними так, как это необходимо для того, чтобы человечество заняло свободную позицию перед лицом ариманической власти, тогда это человечество, посредством Аримана, когда он придёт, научиться правильному, чтобы понять, что Земля должна прийти к своей гибели, но что, как раз, посредством этого, человечество поднимется над земным бытием. Когда человек достигает определённого возраста в физической жизни, его физическое тело распадается, и он не жалуется на это, если он разумен, потому что знает, что он со своей душой идёт навстречу жизни, которая, как бы, не параллельна распаду этого физического тела. В человечестве живёт нечто такое, что не связано с распадом физической Земли, который уже начался, но что будет становиться всё духовнее и духовнее за счёт того, что Земля физически приближается к своему декадансу. Мы учимся с неподвзятостью говорить: Хорошо, Земля в декадансе, как и человеческая жизнь в отношении его физического проявления. Но именно, благодаря этому, мы приобретаем силу для того, чтобы получить в нашу цивилизацию то, что должно будет, исходя из человека, жить как бессмертное всего земного развития, когда Земля придёт к своему концу.

Вот, что я хотел вам сказать сегодня.